

ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История. Политология.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations”

Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

4
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 Historical Sciences and Archeology

23.00.00 Political Sciences

Objectives and scope

"Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" is a scientific journal devoted to the topical issues of development of the post-Soviet States, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media, 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel.: 8-495-250-62-11

e-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология

23.00.00 – Политические науки

Цели и область

«Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: 8-495-250-62-11

Электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.I. Pivovarov, corresponding member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

A.S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.E. Titkov, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.L. Kheifets, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

K.E. Meshcheryakov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

E.Ya. Wittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

B.B. Pak, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (RAS), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Akimov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

A.V. Vlasov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.Yu. Mukhin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Solopova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

N.I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Nursultan, Kazakhstan

M. Bassan, Ph.D., professor, University of Soderborn, Stockholm, Sweden

J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

M. Laruel, Ph.D., professor, Georgetown University, Washington, USA

M.-P. Ray, Ph.D., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France

A.T. Sabirov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Uzbekistan

P.P. Tolochko, full member of NAS of Ukraine, Dr. of Sci. (History), Kiev, Ukraine

A. Filler, Ph.D., professor, University of Paris 8, Paris, France

Executive editor

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

А.Э. Титков, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.М. Великая, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

К.Е. Мещеряков, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Б.Б. Пак, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия

Ю.Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гуцун, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

М.Ю. Мухин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.П. Курьяев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

О.В. Солопова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

Н.И. Харитонова, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Нурсултан, Казахстан

А.В. Фененко, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

М. Бассан, профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

М. Ларюэль, профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

М.-П. Рей, профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция

А.Т. Сабиров, кандидат исторических наук, доцент, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Узбекистан

П.П. Толочко, академик НАН Украины, доктор исторических наук, г. Киев, Украина

А. Филлер, профессор, Университет Париж 8, г. Париж, Франция

Ответственный за выпуск

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

Contents

Central Asia region

K.E. Meshcheryakov

Russian-Uzbekistani relations in the last years
of the presidency of Islam Karimov 10

Local governance in CIS states

E.A. Kosovan

Formation of the Moldovan local self-government system
in the context of European integration (1990s) 53

Ukrainian studies

O.A. Pylova

The main stages of the formation
of the Ukrainian diaspora in the United States 86

Legal cooperation between CIS states

I.E. Khanova

Cooperation of CIS member states on security issues 102

Russian language in the post-Soviet space

V.M. Shneider

Studying the Russian language as a factor
of humanitarian cooperation in the Eurasian space 112

Review and bibliography

V.M. Shneider, I.S. Kondrashova

“Unbowed people: from the common victory
to the common historical memory” 125

Scientific life

A.V. Gushchin

About the expert and educative project “Points of Growth” 148

Содержание

Проблематика Центрально-Азиатского региона

К.Е. Мещеряков

Российско-узбекские отношения в последние
годы президентства Ислама Каримова 10

Местное управление в странах СНГ

Е.А. Косован

Становление молдавской системы местного самоуправления
в контексте европейской интеграции (1990-е гг.) 53

Украинистика

О.А. Пылова

Основные этапы становления украинской диаспоры в США 86

Правовое сотрудничество стран СНГ

И.Е. Ханова

Сотрудничество стран-членов СНГ
по вопросам обеспечения безопасности 102

Русский язык на постсоветском пространстве

В.М. Шнейдер

Изучение русского языка как фактор гуманитарного
сотрудничества на постсоветском пространстве 112

Критика и библиография

В.М. Шнейдер, И.С. Кондрашова

«Несломленный народ: от общей победы
к общей исторической памяти» 125

Научная жизнь

А.В. Гуцин

Об экспертно-образовательном проекте «Точки роста» 148

УДК 327

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-10-52

Российско-узбекские отношения в последние годы президентства Ислама Каримова

Константин Е. Мещеряков

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, k.mesheryakov@spbu.ru*

Аннотация. В статье исследуются особенности эволюции российско-узбекских межгосударственных отношений в последние годы пребывания у власти первого президента Республики Узбекистан И.А. Каримова (2012–2016). На основании широкого круга официальных источников и материалов периодической печати автором выявляются основные тенденции, достижения и проблемы двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах. Выделяются факторы, повлиявшие на взаимодействие Москвы и Ташкента. Особое внимание уделяется роли президентов России и Узбекистана в развитии и укреплении межгосударственного сотрудничества. Автор приходит к заключению, что на протяжении всего рассматриваемого периода российско-узбекские отношения сталкивались с серьезными испытаниями. Они характеризовались внутренней конфликтностью, непредсказуемостью, непоследовательностью и значительной турбулентностью, что объективно вызывало к жизни дискуссии о соответствии их реального состояния высокому юридическому статусу (с 2004 г. Россия и Узбекистан являются стратегическими партнерами, а с 2005 г. – государствами-союзниками). Тем не менее сторонам удалось преодолеть большинство разногласий и взять курс на дальнейшее расширение и углубление, а также постепенную модернизацию своих отношений. В результате Узбекистан остался одним из главных партнеров России не только в регионе Центральной Азии, но и на всем постсоветском пространстве, а также в рамках ведущих международных организаций.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Узбекистан, внешняя политика, внутренняя политика, «русскоязычное население», стратегическое партнерство, Владимир Путин, Ислам Каримов

Для цитирования: Мещеряков К.Е. Российско-узбекские отношения в последние годы президентства Ислама Каримова // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 10–52. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-10-52

© Мещеряков К.Е., 2021

Russian-Uzbekistan relations in the last years of the presidency of Islam Karimov

Konstantin E. Meshcheryakov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, k.meshcheryakov@spbu.ru

Abstract. The article investigates the evolution of the Russian-Uzbekistani relations in the last years of the presidency of Islam Karimov (2012–2016). Based on a wide range of official sources and periodicals, it identifies the main trends, achievements and issues of bilateral cooperation in the political, trade, economic and humanitarian spheres. It determines the factors that influenced the interaction between Moscow and Tashkent, and pays a particular attention to the role of the presidents of the two states in the development and strengthening of their cooperation.

The author concludes that throughout the period under review the Russian-Uzbekistani relations faced serious challenges. They were remarkably conflicting, unpredictable, inconsistent, and quite turbulent, what provoked the discussions about the correspondence of their real political condition to their high legal status (in 2004, Russia and Uzbekistan became strategic partners, and in 2005, allied states). Nevertheless, the two countries overcame most of their differences and took a course towards the further expansion and deepening, as well as modernization of their relations. As a result, at present Uzbekistan remains one of the most important Russia's partners not only in Central Asia, but throughout the post-Soviet space, as well as within the framework of the leading international organizations.

Keywords: Central Asia, Russia, Uzbekistan, foreign policy, domestic policy, Russian-speaking population, strategic partnership, Vladimir Putin, Islam Karimov

For citation: Meshcheryakov, K.E. (2021), "Russian-Uzbekistan relations in the last years of the presidency of Islam Karimov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10-52, DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-10-52

В настоящее время Узбекистан является одним из ведущих постсоветских государств, республикой, которая обладает важным географическим положением, значительным природно-ресурсным и демографическим потенциалом, динамично развивающейся и довольно диверсифицированной экономикой. С момента провозглашения независимости Узбекистан играл особую роль в региональных делах и пользовался определенным влиянием на мировой арене.

К сожалению, российское руководство не сразу адекватно оценило значимость сотрудничества с Ташкентом: в начале 1990-х гг. он

оказался буквально вытолкнут с орбиты влияния Москвы, предпочитавшей развивать контакты исключительно со странами Запада. (Именно тогда Б.Н. Ельцин произнес свою знаменитую фразу, которая вплоть до настоящего времени отравляет отношения России с ее южными соседями: «Отношения с Украиной для нас важнее, чем со среднеазиатскими республиками, которые мы только и делаем, что кормим» [Буш, Скоукрофт 2004, с. 490].) Когда ошибочность подобного курса стала очевидной, возможности России для активизации взаимодействия с Узбекистаном уже были упущены, и вплоть до отставки Б.Н. Ельцина между нашими странами сохранялась видимая отчужденность.

После прихода к власти В.В. Путина российская дипломатия совершила разворот в сторону стран СНГ, причем на фоне обострения ситуации в соседнем Афганистане наибольшее внимание новое российское руководство стало уделять Центральной Азии. И хотя в октябре 2001 г. Узбекистан стал первым государством региона, предоставившим свои военные объекты в пользование НАТО для проведения военных операций против талибов, уже на следующий год российско-узбекские отношения полностью очистились от негативных наслоений предыдущих лет, и стороны начали стремительно сближаться. В 2004 г. они достигли уровня стратегического партнерства¹, в 2005 г. заключили Договор о союзнических отношениях², в 2006 г. Узбекистан вступил в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и снял мораторий на свое участие в работе Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Таким образом, Ташкент превратился в полноценного военно-политического союзника Москвы, что еще несколькими годами ранее представлялось совершенно невероятным.

Очевидно, что столь скорому сближению России и Узбекистана способствовали не только объективные факторы (провал планов Ташкента по установлению контактов с талибами, его нежелание впадать в зависимость от нового «старшего брата» в лице США, стремление последних привести Узбекистан в соответствие с продвигаемыми ими стандартами в области демократии и прав человека и их открытое вмешательство в его внутренние дела, едва не приведшее республику к «цветной революции»), но и особое вза-

---

¹ Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 16 июня 2004 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7. С. 75–78.

² Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 14 ноября 2005 г. // Там же. 2007. № 1. С. 70–73.

имопонимание, установившееся между главами двух государств, В.В. Путиным и И.А. Каримовым.

При этом И.А. Каримов стал одним из немногих руководителей на постсоветском пространстве, не видевших в преемнике В.В. Путина Д.А. Медведеве продолжателя его политического курса. Д.А. Медведев, придерживавшийся сравнительно либеральных взглядов и пришедший к власти как представитель первого не связанного с советским прошлым поколения российских политических деятелей, был идеологически чужд И.А. Каримову, и между ними сразу возникло непонимание. И.А. Каримов демонстративно отказался поздравить Д.А. Медведева с победой на президентских выборах – как после подведения предварительных итогов голосования, так и в день его официального вступления в должность главы государства. После этого рассчитывать на сохранение прежнего духа в отношениях между Москвой и Ташкентом стало невозможно, и они вступили в стадию заметного охлаждения.

Так, свой первый зарубежный визит после церемонии инаугурации Д.А. Медведев совершил в Казахстан, традиционно выступавший главным соперником Узбекистана в Центральной Азии. В свою очередь Узбекистан оказался последней страной региона, удостоившейся визита нового российского лидера; соответствующая поездка состоялась лишь в январе 2009 г., когда позади остались события «Пятидневной войны» на Южном Кавказе, а страны СНГ накрыла волна мирового экономического кризиса. В условиях возникшей рецессии Москва и Ташкент резко сократили масштабы своего взаимодействия в топливно-энергетической сфере, что привело к размыванию фундамента всей системы их торгово-экономического сотрудничества. На этом фоне Узбекистан активизировал диалог со странами Запада, отказался от участия в создании Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, воспрепятствовал попыткам России открыть вторую военную базу на территории Киргизии и присоединился к газопроводу Туркменистан – Китай, тем самым лишив Россию статуса монопольного импортера узбекских энергетических ресурсов.

Лишь «Народная революция» в Киргизии, произошедшая в апреле 2010 г. и обернувшаяся массовыми антиузбекскими погромами в Ошской области, вынудила руководство Узбекистана отказаться от курса на дальнейшую дестабилизацию отношений с Россией. С июня 2010 г. Москва и Ташкент вернулись к конструктивному сотрудничеству и восстановили механизмы стратегического партнерства и союзнического взаимодействия.

Тем не менее Ташкент, уже полностью преодолевший негативные дипломатические последствия Андижанских событий

2005 г. (в частности, были восстановлены контакты с большинством западных стран и получены гарантии их невмешательства во внутренние дела Узбекистана), более не желал рассматривать Москву в качестве своего главного защитника и союзника в современном мире. Ни о каких перспективах интеграции с Россией для него уже не могло идти и речи. Поэтому, когда В.В. Путин опубликовал статью «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня»³, призванную стать его главным программным документом в области внешней политики в случае победы на предстоявших президентских выборах, И.А. Каримов выступил с неожиданно резким заявлением в адрес сил, «которые вынашивают мысли о возрождении в новой форме империи, носившей название СССР»⁴.

Представляется, что очередной демарш И.А. Каримова имел для российско-узбекских отношений далекоидущие последствия: если раньше надежды на их улучшение можно было связывать с предстоящими политическими переменами в России (отставкой Д.А. Медведева и возвращением на пост президента В.В. Путина), то теперь, учитывая значимость проекта Евразийского союза для избранного главы государства, рассчитывать на это становилось затруднительно. И хотя 5 марта 2012 г., на следующий день после президентских выборов в России, И.А. Каримов одним из первых тепло поздравил избранного коллегу, направив ему соответствующее послание⁵, телефонного разговора между ними после этого не состоялось.

Именно так российско-узбекские отношения вступили в очередной этап своего развития, началом которого стало возвращение В.В. Путина на пост президента России 7 мая 2012 г., а завершением – смерть И.А. Каримова 2 сентября 2016 г.

Отсутствие серьезных публикаций по проблемам взаимодействия Москвы и Ташкента в последние годы президентства

---

³ *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Известия. 2011. 3 окт. URL: <https://iz.ru/news/502761?page=2> (дата обращения 30 марта 2021).

⁴ Узбекистан не хочет в Единое экономическое пространство [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Росбалт». 5 декабря 2011. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2011/12/05/920565.html> (дата обращения 30 марта 2021).

⁵ *Каримов И.А.* Его Превосходительству господину Владимиру Путину, избранному Президенту Российской Федерации [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. 2012. 5 марта. URL: http://www.press-service.uz/#ru/news/show/main/president_congratulates_vladimir_putin (дата обращения 1 марта 2014).

И.А. Каримова создает немалые трудности для правильного понимания особенностей российско-узбекских отношений на следующем, современном этапе их развития, связанном с периодом президентства Ш.М. Мирзиёева, поскольку их выстраивание при новом узбекском лидере осуществлялось на фундаменте, заложенном в последние годы руководства его предшественника.

Цель настоящего исследования – воссоздать эволюцию российско-узбекских межгосударственных отношений в 2012–2016 гг., выявив в них основные тенденции, достижения и просчеты.

Первая после президентских выборов в России личная встреча В.В. Путина и И.А. Каримова состоялась 15 мая 2012 г., когда узбекский лидер прибыл в Москву для участия в неформальном заседании Совета глав государств СНГ⁶ и сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ⁷. На первый взгляд, настроение И.А. Каримова было подчеркнуто праздничным; открывая переговоры с В.В. Путиным, он заявил: «Когда Вы в первый раз пришли в 2000 году на президентство, я сказал, что Путин – это тот человек, с которым можно идти в разведку. И пусть это услышат сегодня еще раз»⁸.

В то же время И.А. Каримов позволил себе в завуалированной форме объяснить те изменения, которые произошли в дипломатии Ташкента в 2008–2012 гг.:

Сегодня в мире быстро меняется ситуация... и, если называть вещи своими именами, мы все находимся на переломном этапе... В этот период... [нужна] сильная политика, прежде всего социально-экономическая политика, и, конечно, политика в военной сфере. Нужны сильные люди, которые умеют и могут выполнить то, что обещают, и сделать то, что сегодня востребовано в этой жизни. Некоторые люди, я считаю, не до конца понимают этот этап изменений... и что такая страна, как Россия, которая занимает четкое место державы, определенного полюса и имеет такой потенциал, должна занимать такую позицию, с которой бы считались во всем мире⁹.

---

⁶ Неформальное заседание Совета глав государств СНГ [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15350> (дата обращения 30 марта 2021).

⁷ Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15344> (дата обращения 30 марта 2021).

⁸ Встреча с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15347> (дата обращения 30 марта 2021).

⁹ Там же.

Очевидно, что все вышесказанное касалось и событий августа 2008 г. на Южном Кавказе, и последовавшего за ними нарастания международной напряженности, и мирового экономического кризиса, и погромов в Ошской области Киргизии, и, что самое главное, – роли России в данных событиях, продемонстрировавшей Узбекистану бесперспективность дальнейшего сближения с ней в условиях, когда это может обернуться для него самыми непредсказуемыми международными последствиями, но практически ничего не предоставить ему взамен.

Примечательно, однако, что за ширмой сопровождавших встречу В.В. Путина и И.А. Каримова поздравлений, приветственных слов и рукопожатий оказался скрыт ряд принципиальных моментов, явно свидетельствовавших о том, что в дальнейшем российско-узбекские отношения не смогут вернуться на ту траекторию, по которой они двигались в 2001–2008 гг.

Во-первых, в выступлениях обоих руководителей ни разу ни прозвучало тезисов о том, что отношения между Москвой и Ташкентом выстраиваются на принципах стратегического партнерства и союзнического взаимодействия, тогда как на предыдущих встречах подобные заявления, как правило, являлись обязательными.

Во-вторых, стороны ни словом не обмолвились о результатах своего сотрудничества в предыдущие годы, не охарактеризовали его текущего состояния, не озвучили его перспектив, не поставили каких-либо новых задач.

В-третьих, несмотря на то что в начале переговоров В.В. Путин и И.А. Каримова царил довольно радушная атмосфера, на фотоснимках, сопровождавших официальный отчет об их встрече, была заметна едва скрываемая напряженность¹⁰. Об этом же говорит и стенограмма выступлений обоих лидеров, из которой со всей очевидностью следует, что, стремясь проявить максимальную сдержанность, они приложили немало усилий к тому, чтобы изложить

---

¹⁰ С Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/photos/big/vNnpU5NKfewdhK1p5pe0AkJj8aiO1YOS.jpeg> (дата обращения 30 марта 2021); Во время встречи с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/photos/big/CAMcApbWeTiR6tE5Wf1F2vDXPMI8bt7u.jpeg> (дата обращения 30 марта 2021); Президент Узбекистана Ислам Каримов [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/photos/big/TumORnGHRNvSa9TNlrcmQCVbDTcGapog.jpeg> (дата обращения 30 марта 2021).

свои претензии к противоположной стороне в иносказательно-афористической форме; в результате в тексте их выступлений присутствует довольно много повторов, нарушений грамматического строя и, в целом, заметна некоторая сбивчивость¹¹. Все вышесказанное служит показателем высокого эмоционального фона переговорного процесса.

Наконец, в-четвертых, переговоры В.В. Путина и И.А. Каримова практически не получили освещения в российской и узбекской прессе.

На основании всего изложенного мы можем заключить, что в ходе встречи президентов России и Узбекистана обсуждались весьма принципиальные и болезненные вопросы межгосударственного сотрудничества, которые не могли стать достоянием широкой общественности. Вероятно, они касались фундаментальных основ российско-узбекских отношений, выстраиваемых с начала 2000-х гг., но внезапно утративших свою актуальность в условиях резкого изменения международной обстановки. Не исключено, что руководством Узбекистана были высказаны сомнения по поводу перспектив сохранения нашими странами статуса стратегических партнеров и военно-политических союзников, что, как и в начале 2000-х гг., потребовало от В.В. Путина значительных усилий для урегулирования проблем, накопившихся в отношениях Москвы и Ташкента.

Именно с этой точки зрения следовало рассматривать официальный визит президента России в Узбекистан, состоявшийся 4 июня 2012 г. – всего через полмесяца после поездки И.А. Каримова в Москву.

Приветствуя высокого российского гостя, президент Узбекистана отметил: «Мы чувствовали все эти годы, что Вас не хватает в Ташкенте». Подчеркнув, что «отношения между Россией и Узбекистаном развиваются по восходящей» и «России... всегда были небезразличны проблемы Центральной Азии», он впервые открыто обозначил круг вопросов, вызывавших у него особую озабоченность. К их числу относились: обеспечение справедливого распределения между государствами Центральной Азии водных и энергетических ресурсов; возможное негативное влияние на страны региона событий «Арабской весны»; зюость взаимной торговли между Россией и Узбекистаном, скудность номенклатуры торгуемых товаров; недостаточное внимание, уделяемое сторонами совместным коммуникационным проектам. Однако основное внимание в ходе своего выступления И.А. Каримов уделил положению дел в Афганистане,

---

¹¹ Встреча с Президентом Узбекистана...

точнее, резко возросшим угрозам безопасности стран Центральной Азии в связи с начавшимся выводом оттуда войск НАТО на фоне продолжавшейся в стране гражданской войны¹².

По итогам проведенных переговоров В.В. Путин ответил на вопросы журналистов. Он выразил удовлетворение результатами состоявшейся встречи и сообщил о том, что сторонами были подписаны два документа, подтвердивших стратегический характер их отношений¹³: Меморандум о взаимопонимании между Россией и Узбекистаном о дальнейших совместных мерах по присоединению Республики Узбекистан к Договору о зоне свободной торговли и Декларация об углублении стратегического партнерства между двумя государствами.

Примечательно, что ни один из указанных документов впоследствии не был опубликован ни в России, ни за рубежом. При этом содержание меморандума было доведено до широкой общественности: в нем речь шла о комплексе мер, направленных на скорейшее присоединение Ташкента к Зоне свободной торговле СНГ¹⁴, которая была создана на основании договора, подписанного 18 октября 2011 г. Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Молдавией, Россией, Таджикистаном и Украиной¹⁵, но поначалу проигнорированного Узбекистаном.

Что касается декларации, то ее текст был полностью скрыт от средств массовой информации, которым лишь оставалось констатировать, что она «значительно обогатит уже имеющуюся солидную договорно-правовую базу двусторонних отношений»¹⁶. Согласно информации, предоставленной пресс-службой президента Узбекистана,

---

¹² Визит в Узбекистан [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 4 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15548> (дата обращения 30 марта 2021).

¹³ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов по итогам визита в Узбекистан [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 4 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/15549> (дата обращения 30 марта 2021).

¹⁴ Панфилова В. Ташкент присоединяется к зоне свободной торговли СНГ [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 5 июня. URL: https://www.ng.ru/cis/2012-06-05/1_tashkent.html (дата обращения 30 марта 2021).

¹⁵ Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 1. С. 71–107.

¹⁶ РФ и Узбекистан подписали документы об углублении партнерства [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2012. 4 июня. URL: <https://ria.ru/20120604/665130008.html> (дата обращения 30 марта 2021).

...Декларация об углублении стратегического партнерства между Россией и Узбекистаном подготовлена, исходя из положений межгосударственных договоров о стратегическом партнерстве и союзнических отношениях, а также позиций и видения сторон по международной и региональной проблематике... Данный политический документ закрепляет и придает союзническим отношениям и стратегическому партнерству двух стран качественно новый уровень. В документе также дается оценка взаимодействия и дальнейшее видение развития сотрудничества в рамках ООН, ШОС, СНГ и ОДКБ... отражены перспективы развития сотрудничества сторон в торгово-экономической, культурно-гуманитарной, научно-технической, военно-технической, транспортно-коммуникационной и иных сферах¹⁷.

Как и предыдущий визит И.А. Каримова в Москву, визит В.В. Путина в Ташкент оставил после себя немало вопросов. Прежде всего, представляется непонятным, почему столь важный политический документ, как Декларация об углублении стратегического партнерства между Россией и Узбекистаном, не получил какого-либо официального освещения в прессе. Хотя к положениям декларации апеллируют многие последующие соглашения, заключенные нашими странами, ее содержание вплоть до настоящего времени остается неизвестным. Кроме того, по итогам визита президентами двух стран не было сделано каких-либо совместных заявлений, а формулировки, прозвучавшие во время выступления В.В. Путина, имели предельно обобщенный характер.

Все вышесказанное позволяет предположить, что в ходе состоявшихся консультаций российскому лидеру не удалось скорректировать подходы узбекской стороны относительно перспектив дальнейшего взаимодействия Москвы и Ташкента. Весьма вероятно, что в обмен на возвращение к тому формату сотрудничества, который существовал между ними до избрания на пост президента Д.А. Медведева, И.А. Каримов потребовал от России слишком больших уступок (каковыми, например, могли быть требования об устранении силами Москвы потенциальных угроз безопасности республик Центральной Азии, исходивших из Афганистана, или значительное увеличение объема российских инвестиций в узбекскую экономику). Однако все эти предположения являются не более чем догадками.

---

¹⁷ Путин и Каримов подписали Декларацию об углублении стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 2012. 4 июня. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/59880.html> (дата обращения 30 марта 2021).

Между тем уже 5 июня 2012 г. И.А. Каримов отправился с официальным визитом в Пекин. Главным итогом его переговоров с Председателем КНР Ху Цзиньтао стало принятие сторонами Совместной декларации об установлении стратегического партнерства между Узбекистаном и Китаем, что свидетельствовало о выходе их отношений на качественно новый уровень¹⁸. После этого президент Узбекистана принял участие в работе саммита Шанхайской организации сотрудничества, в ходе которого он отказался поддерживать инициативу России о повышении уровня взаимодействия в рамках данной структуры на фоне нарастания международной напряженности и обострения ситуации в Афганистане¹⁹.

28 июня 2012 г. руководство Узбекистана приняло решение о выходе своей республики из ОДКБ. Таким образом, Ташкент покинул данную структуру уже во второй раз: впервые он приостановил свое членство в ней в 1999 г., отказавшись подписывать протокол о продлении срока действия договора на следующий пятилетний период. Отметим, что за все время своего пребывания в составе ОДКБ, начиная с 2006 г., Узбекистан не ратифицировал ни одного существенного документа, заключенного в рамках этого союза²⁰, а в 2009 г. категорически отказался подписывать Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования²¹. Соответственно, его выход из данного объединения не стал неожиданностью, но продемонстрировал, что он все больше отдаляется от России.

Очередной разворот во внешней политике Ташкента вызвал незамедлительную реакцию со стороны государств Центральной Азии, традиционно находившихся с ним в конфликтных отношениях. Так, в Таджикистане началась подготовка к возможному военному противостоянию с Узбекистаном, при этом Душанбе недвусмысленно намекал на обязанность Москвы в подобной ситуации незамедлительно встать на его защиту. В Киргизии замет-

---

¹⁸ Главы Узбекистана и КНР подписали декларацию о стратегическом партнерстве [Электронный ресурс] // УЗИНФОРМ: Информационный портал Узбекистана. 2012. 6 июня. URL: <https://www.uzinform.com/ru/news/20120606/13571.html> (дата обращения 30 марта 2021).

¹⁹ Пауфилова В. Узбекистан возвращается к США [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 4 июля. URL: https://www.ng.ru/cis/2012-07-04/1_uzbekistan.html (дата обращения 30 марта 2021).

²⁰ Узбекистан второй раз выходит из ОДКБ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2016. 28 июня. URL: <https://ria.ru/20120628/687288392.html> (дата обращения 30 марта 2021).

²¹ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14 июня 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2011. № 7. С. 10–20.

но активизировались сторонники строительства Камбаратинской ГЭС-1, призванной стать одной из крупнейших энергетических мощностей в регионе, по проекту, способному лишить Узбекистан значительной части водных ресурсов²².

В подобных обстоятельствах российское руководство поспешило успокоить своих партнеров, напомнив им, что Москву и Ташкент по-прежнему связывает двусторонний договор о союзнических отношениях, а реализация любых совместных проектов в Центральной Азии должна осуществляться в интересах всех стран региона²³. В подтверждение подобного подхода в октябре 2012 г. для обсуждения вопросов строительства ГЭС на территории Киргизии Россия сформировала с Узбекистаном специальную совместную комиссию²⁴; это было с пониманием воспринято Ташкентом, который незамедлительно активизировал работу, связанную с его предстоящим вхождением в Зону свободной торговли СНГ²⁵.

Курс на постепенное урегулирование проблем двустороннего сотрудничества был продолжен Россией и Узбекистаном в 2013 г. Уже в начале года стороны приступили к подготовке очередного визита в Россию И.А. Каримова. Визит состоялся 15 апреля 2013 г. и в отличие от предыдущих встреч глав двух государств получил довольно широкое освещение в СМИ.

В ходе проведенных консультаций стороны детально обсудили практически все аспекты своего взаимодействия в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах, обменявшись мнениями о содержании и перспективах интеграционных процессов на постсоветском пространстве и по актуальным международным делам²⁶. Основные итоги переговоров были озвучены ими в Совместном заявлении для прессы.

---

²² *Князев А.А.* У Ташкента остается право на возвращение [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 26 нояб. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2012-11-26/11_tashkent.html?id_user=Y (дата обращения 30 марта 2021).

²³ Визит в Киргизию [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2012. 20 сент. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16509> (дата обращения 30 марта 2021).

²⁴ *Панфилова В.* Узбекистан останется союзником России еще четыре года [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2013. 15 апр. URL: https://www.ng.ru/cis/2013-04-15/6_uzbekistan.html (дата обращения 30 марта 2021).

²⁵ *Панфилова В.* Ислам Каримов укрепляет вектор СНГ [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 28 дек. URL: https://www.ng.ru/cis/2012-12-28/7_karimov.html (дата обращения 30 марта 2021).

²⁶ Российско-узбекистанские переговоры [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2013. 15 апр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17897> (дата обращения 30 марта 2021).

Президенты с удовлетворением отметили преодоление спада в товарообороте двух стран, достигшем по итогам 2012 г. около 4 млрд долл. Приветствуя последовательное расширение двустороннего экономического сотрудничества, В.В. Путин привел данные, согласно которым за истекшие пять лет общий объем российских инвестиций в экономику Узбекистана составил 6 млрд долл., при этом в республике действовали около 850 совместных предприятий с участием российского капитала и были аккредитованы представительства более 100 российских компаний. Высоких результатов сторонам удалось добиться в развитии межрегионального сотрудничества: к началу 2013 г. тесное взаимодействие со своими узбекскими партнерами поддерживали 70 субъектов Российской Федерации, наиболее активными из которых стали Москва, Воронежская область, Республика Башкортостан, Челябинская, Иркутская, Свердловская области и Санкт-Петербург.

В.В. Путин выразил благодарность И.А. Каримову за бережное и внимательное отношение в Узбекистане к изучению и поддержанию позиций русского языка. В свою очередь узбекский лидер отметил важность роли России в решении наиболее актуальных проблем современного мира: сохранении стратегического баланса сил, нераспространении ядерного оружия, обеспечении энергетической безопасности, противодействии новым вызовам и угрозам. Также И.А. Каримов подчеркнул, что «присутствие России в Центральной Азии... является важным фактором укрепления мира и стабильности, предотвращения ползучей... экспансии экстремизма и радикализма в регионе»²⁷.

Примечательно, что впервые за несколько лет главы России и Узбекистана констатировали полное совпадение или близость своих взглядов по различным вопросам международной повестки дня. Особую тревогу И.А. Каримова по-прежнему вызывало положение дел в Афганистане в контексте предстоящего вывода оттуда Международных сил содействия безопасности. В ответ В.В. Путин обозначил приоритетные направления взаимодействия Москвы и Ташкента в военно-политической сфере:

Внимательно отслеживать и согласовывать возможные совместные шаги... оказывать необходимое содействие афганскому руководству в русле стабилизации военно-политической ситуации, в борьбе с наркоугрозой, терроризмом и экстремизмом²⁸.

---

²⁷ Заявления для прессы по итогам российско-узбекских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2013. 15 апр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/17901> (дата обращения 30 марта 2021).

²⁸ Там же.

В ходе визита И.А. Каримова правительственными делегациями двух стран был подписан пакет соглашений, призванных наполнить их стратегическое партнерство и союзническое взаимодействие новым содержанием. Программа экономического сотрудничества на 2013–2017 гг. определила основные цели, задачи и приоритетные направления взаимодействия сторон в условиях выхода мировой экономики из затянувшейся рецессии²⁹. Межправительственная программа сотрудничества в культурно-гуманитарной и научно-технической сферах на 2013–2015 гг. была направлена на расширение взаимодействия Москвы и Ташкента в тех областях межгосударственных отношений, которые прежде не получили должного развития и оставались на периферии их внимания³⁰. Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, пришедшее на смену так и не вступившему в силу одноименному договору от 22 декабря 1997 г., было призвано привлечь в различные отрасли узбекской экономики дополнительные объемы российских финансовых средств³¹. Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды³² стало, пожалуй, первым договором между Россией и Узбекистаном в экологической сфере.

Итоги визита И.А. Каримова, высоко оцененные как в Москве, так и в Ташкенте, позволили сделать несколько важных выводов.

Во-первых, российско-узбекские отношения начали постепенно выходить из кризиса, в котором они пребывали в 2008–2012 гг.

Во-вторых, в сферах экономики и безопасности Ташкент сохранил высокую степень зависимости от Москвы, что не позволило

---

²⁹ Программа экономического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан на 2013–2017 годы от 15 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499043036> (дата обращения 6 апреля 2021).

³⁰ Программа сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан в культурно-гуманитарной и научно-технической сферах на 2013–2015 годы от 15 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/getwordfile/2740933> (дата обращения 6 апреля 2021).

³¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о поощрении и взаимной защите инвестиций от 15 апреля 2013 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 8. С. 85–91.

³² Документы, подписанные по итогам визита Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2013. 15 апр. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1439> (дата обращения 30 марта 2021).

ему пойти на радикальный пересмотр принципов двустороннего сотрудничества: Россия по-прежнему оставалась ведущим торговым партнером и главным военно-политическим союзником Узбекистана.

В-третьих, очередная попытка узбекского руководства расширить сотрудничество с США и странами НАТО, предпринимаемая Ташкентом с 2008 г., обернулась неудачей: на территории Узбекистана так и не появились новые американские военные объекты, а Вашингтон, принимая решение о выводе своих войск из охваченного войной Афганистана, отнюдь не стремился учитывать интересы стран Центральной Азии.

В-четвертых, в отношениях с Россией Узбекистан вновь стал делать ставку на углубление двусторонних отношений, а не многостороннего сотрудничества в рамках патронируемых ею интеграционных объединений. Подобный подход был свойственен его дипломатии с начала 1990-х гг., и отступление от него в 2005–2007 гг., после попытки совершения в республике «цветной революции», следовало воспринимать как временную и исключительную меру.

Одним из основных результатов переговоров В.В. Путина и И.А. Каримова стало окончательное согласование условий присоединения Узбекистана к Зоне свободной торговли СНГ. Соответствующий протокол был подписан на заседании Совета глав государств Содружества 31 мая 2013 г.³³ и вступил в законную силу 27 декабря 2013 г.³⁴ Примечательно, что, хотя Узбекистан не являлся учредителем Зоны свободной торговли и вступил в нее с некоторым опозданием, он ратифицировал соответствующие соглашения раньше Киргизии и Таджикистана – государств, входивших в состав ЕврАзЭС и ОДКБ.

С конца 2013 г. все большее влияние на динамику развития российско-узбекских отношений стали оказывать внутривнутриполитические события на Украине. Ташкент воспринял происходящее весьма болезненно. С одной стороны, узбекское руководство было крайне встревожено началом очередной революции на постсоветском пространстве, едва не закончившейся расправой захвативших

---

³³ Протокол о применении Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года между его Сторонами и Республикой Узбекистан от 31 мая 2013 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 11. С. 3–19.

³⁴ Закон Республики Узбекистан от 27 декабря 2013 г. «О ратификации Протокола о применении Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года между его сторонами и Республикой Узбекистан» (Минск, 31 мая 2013 г.) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2013. № 52. Ст. 687.

власть на Украине националистов над законно избранным главой государства В.Ф. Януковичем. С другой стороны, вынужденное вмешательство в конфликт России вызвало у Узбекистана (как и у остальных постсоветских республик) серьезные опасения за свое собственное будущее, поскольку в действиях Москвы он усмотрел потенциальную готовность приступить к ревизии тех принципов международного сотрудничества, которые существовали на постсоветском пространстве с момента роспуска СССР.

Еще большую озабоченность у Ташкента вызвали события в Крыму, продолжавшиеся с 23 февраля по 21 марта 2014 г. и закончившиеся переходом полуострова под суверенитет России. Свое первое официальное заявление по данной проблематике МИД Узбекистана сделал 4 марта 2014 г. Непосредственными причинами появления соответствующего документа, вероятно, стали принятие российским Советом Федерации постановления о предоставлении президенту права использования вооруженных сил России на территории Украины³⁵ и последовавшее за ним заявление В.В. Путина о потенциальной готовности Москвы к их применению³⁶. В тексте заявления отмечалось, что

...события, происходящие на Украине, приведшие к... противостоянию, могущие привести к еще большей эскалации напряженности и труднопредсказуемым последствиям, создать реальные угрозы суверенитету и территориальной целостности страны, не могут не вызвать глубокой тревоги и озабоченности... В Узбекистане разрешение создавшейся обстановки видят, прежде всего, в отказе от применения силовых вариантов и использовании политических средств и усилий для решения возникших проблем мирными средствами, путем переговоров, основываясь на фундаментальных нормах международного права и Устава ООН. Узбекистан выражает надежду на проявление максимальной сдержанности и благоразумия для скорейшего достижения согласия между сторонами, вовлеченными в конфликтный процесс³⁷.

---

³⁵ Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 марта 2014 г. // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 862.

³⁶ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 4 марта 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20366> (дата обращения 30 марта 2021).

³⁷ Узбекистан призывает отказаться от силовых вариантов урегулирования ситуации в Украине [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UzDaily». 2014. 4 марта. URL: <http://uzdaily.com/ru/post/19429> (дата обращения 30 марта 2021).

Реакции Москвы на указанное заявление не последовало, при этом узбекская сторона не выразила заинтересованности в обсуждении ситуации в Крыму на уровне руководства двух стран (например, путем проведения телефонных переговоров министров иностранных дел или президентов России и Узбекистана).

Между тем 11 марта 2014 г. Верховным Советом бывшей украинской Автономной Республики Крым и Севастопольским городским советом была принята Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя – документ, провозгласивший курс на отделение Крыма от Украины и проведение референдума об определении его нового международно-правового статуса³⁸. 16 марта в ходе всенародного плебисцита более 95% избирателей Крыма высказались за его воссоединение с Россией. На следующий день крымский парламент принял Постановление о независимости Крыма, придавшее итогам прошедшего референдума официальный статус и провозгласившее независимую Республику Крым³⁹. После этого В.В. Путин издал указ, согласно которому Российская Федерация признала Республику Крым суверенным и независимым государством⁴⁰. 18 марта в Москве был подписан договор о вхождении Республики Крым в состав России с образованием двух новых субъектов федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя⁴¹. 21 марта вступил в силу соответствующий федеральный конституционный закон⁴², после чего процесс воссоединения Крыма с Россией можно было считать завершенным.

---

³⁸ Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя от 11 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым: Официальный сайт. URL: <http://crimea.gov.ru/app/2988> (дата обращения 30 марта 2021).

³⁹ О независимости Крыма: Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым: Официальный сайт. URL: <http://crimea.gov.ru/act/11748> (дата обращения 30 марта 2021).

⁴⁰ О признании Республики Крым: Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2014 г. // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1259.

⁴¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6. С. 88–91.

⁴² О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.

Представляется, что столь стремительное развитие событий оказалось для Ташкента неожиданным и крайне неудобным. Являясь союзником Москвы, он не мог позволить себе критики ее действий, тем более – по столь принципиальному и деликатному вопросу. Но в то же время он не желал и поддерживать ее, поскольку это автоматически привело бы к резкому ухудшению его отношений со странами Запада, тогда как сам он, подобно Украине, не был застрахован от роста на своей территории сепаратистских настроений. В результате свое следующее заявление по «крымскому вопросу» МИД Узбекистана сделал лишь 24 марта 2014 г.; оно оказалось еще более пространным, чем аналогичный предыдущий документ, и содержало массу витиеватых формулировок, в которых не давалось конкретных оценок происходящего и содержался призыв к России и Украине вернуться к прямому диалогу⁴³. (Примечательно, что вскоре после опубликования данного документа на сайте МИД Узбекистана он был удален, а все официальные данные о нем – уничтожены.)

На этом фоне Ташкент заметно активизировал свою внешнеполитическую деятельность. С 16 по 27 марта Узбекистан посетили заместитель госсекретаря США Ф. Сумар⁴⁴ и министр иностранных дел Эстонии У. Паэт⁴⁵, а делегации министерства иностранных дел республики приняли участие в заседании Совета сотрудничества «Узбекистан – ЕС» в Брюсселе⁴⁶ и совещании Диалога «Центральная Азия + Япония» в Токио⁴⁷. Последнее свидетельствовало о готовности Ташкента к расширению контактов с государствами

---

⁴³ Позиция Республики Узбекистан по ситуации в Украине и Крымскому вопросу [Электронный ресурс] // Пресс-служба МИД Республики Узбекистан: Официальный сайт. 2014. 24 марта. URL: <http://www.mfa.uz/ru/press/news/2014/03/1525/> (дата обращения 30 марта 2021).

⁴⁴ Заместитель помощника госсекретаря США посещает Узбекистан [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UzDaily». 2014. 17 марта. URL: <http://uzdaily.com/ru/post/19587> (дата обращения 30 марта 2021).

⁴⁵ Узбекистан и Эстония обсудили перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UzDaily». 2014. 27 марта. URL: <http://uzdaily.com/ru/post/19725> (дата обращения 30 марта 2021).

⁴⁶ Узбекистан и ЕС провели заседание Совета Сотрудничества [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UzDaily». 2014. 18 марта. URL: <http://uzdaily.com/ru/post/19607> (дата обращения 30 марта 2021).

⁴⁷ Очередное совещание Диалога «Центральная Азия + Япония» состоялось в Токио [Электронный ресурс] // Информационное агентство «UzDaily». 2014. 18 марта. URL: <http://uzdaily.com/ru/post/19630> (дата обращения 30 марта 2021).

и структурами, оказавшимися в ходе украинского кризиса в числе самых резких критиков действий Москвы.

27 марта 2014 г. вопрос о переходе Крыма под суверенитет России был вынесен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе голосования по резолюции «О территориальной целостности Украины», декларировавшей незаконность крымского референдума и призвавшей все государства мира не признавать изменения статуса Крыма и Севастополя, незначительное большинство делегаций (100 из 193 стран-членов ООН) солидаризировалось с позицией Киева. В подобных обстоятельствах особенно важной для России представлялась поддержка со стороны ее ближайших партнеров – государств, имевших статус ее союзников. Однако против принятия резолюции открыто выступили лишь две постсоветские республики: Армения и Беларусь, – тогда как другие союзники Москвы либо воздержались, либо отказались от участия в голосовании. Среди воздержавшихся была и делегация Узбекистана⁴⁸. Очевидно, что подобную позицию скорее можно было трактовать как молчаливое неодобрение Ташкентом действий Москвы при явном нежелании портить с ней отношения. Официальной реакции российского руководства на это не последовало, однако оно еще раз убедилось в том, что союзнический статус его взаимодействия с Узбекистаном остается весьма условным и последний стремится поскорее позабыть о той помощи, которую он получил от Москвы во время Андижанских событий 2005 г.

В августе 2014 г. Россия и ведущие страны Запада начали вести диалог друг с другом на языке санкций. Это незамедлительно поставило под вопрос перспективы дальнейшего формирования Зоны свободной торговли СНГ и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Однако учитывая, что в отличие от Беларуси и Казахстана Узбекистан не являлся членом Таможенного союза и Единого экономического пространства ЕврАзЭС и не планировал вступать в ЕАЭС, введение Москвой запрета на импорт широкого ассортимента товаров из стран Запада не могло вызвать у него дополнительных затруднений в области внешней торговли.

Другое дело, что в условиях ухудшения экономической ситуации в России поддержание ею торгово-экономических отношений с Узбекистаном на прежнем уровне стало невозможным. Так, в связи с резким падением курса российской валюты произошло замет-

---

⁴⁸ Territorial integrity of Ukraine: Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014 (A/RES/68/262) // Resolutions and Decisions adopted by the General Assembly during its sixty-eighth session. Vol. 3. 28 December 2013 – 15 September 2014. N.Y.: United Nations, 2015. P. 3–4.

ное сокращение объема двустороннего товарооборота (с 4061 млн долл. в 2013 г. до 2837 млн долл. в 2015 г.⁴⁹); Москве и Ташкенту пришлось вновь заморозить реализацию ряда совместных инвестиционных проектов; тысячи узбекских трудовых мигрантов, занятых на российском рынке, были вынуждены вернуться на родину, поскольку их труд потерял рентабельность. При этом углубление экономической рецессии в России автоматически привело к падению основных макроэкономических показателей в Узбекистане. Все это шло вразрез с договоренностями В.В. Путина и И.А. Каримова, достигнутыми в 2012–2013 гг., что вызвало у Ташкента едва скрываемое раздражение.

1 сентября 2014 г., в День независимости Узбекистана, И.А. Каримов выступил с речью, акцент в которой был сделан на незыблемости принципов международного права в стремительно меняющейся мирополитической ситуации. Президент заявил о недопустимости нарушения суверенитета и территориальной целостности независимых государств, неприкосновенности их границ, отказе от применения силы при разрешении возникающих между ними споров. И хотя эксперты уловили в этом стремление узбекского лидера продемонстрировать готовность Ташкента противостоять новым попыткам поджигания в стране «цветных революций»⁵⁰, не исключено, что его слова были адресованы и руководству России. Между тем В.В. Путин направил коллеге поздравительную телеграмму, в которой высоко оценил «российско-узбекистанские отношения стратегического партнерства и союзничества» и выразил уверенность в том, что совместными усилиями Москва и Ташкент «будут и далее эффективно наращивать конструктивное двустороннее сотрудничество в различных областях, расширять взаимодействие в решении актуальных вопросов региональной и международной повестки дня»⁵¹. Таким образом, выступление И.А. Каримова не достигло своей цели и по крайней мере внешне было проигнорировано Москвой.

11 сентября 2014 г. В.В. Путин встретился с И.А. Каримовым на полях саммита ШОС, проходившего в Душанбе. Это была первая

---

⁴⁹ Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ // Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 507–508.

⁵⁰ Панфилова В. Ислам Каримов опасается дестабилизации страны [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2014. 2 сент. URL: https://www.ng.ru/cis/2015-01-15/6_uzbekistan.html (дата обращения 6 апреля 2021).

⁵¹ Поздравление Президенту Узбекистана Исламу Каримову [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 1 сентября 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46521> (дата обращения 30 марта 2021).

встреча глав России и Узбекистана с момента начала украинского кризиса.

Открывая переговоры, В.В. Путин напомнил коллеге, что «наши страны связывают многолетние... узы взаимодействия, дружбы, сотрудничества. Опираясь... на этот позитивный капитал... мы будем двигаться и дальше».

Ответное выступление И.А. Каримова оказалось намного менее оптимистичным и совершенно лишенным присущих этому политическому деятелю осторожности и миролюбия. В своей излюбленной иносказательной форме он буквально обрушил на российского лидера обвинения в том, что, совершая важные политические шаги, Москва не только перестала учитывать их возможное негативное влияние на своих союзников, но даже не удосуживалась проводить с ними какие-либо консультации, чтобы сориентировать их в происходящем⁵².

Поскольку реакция российского руководства на демарш узбекского лидера осталась неизвестной, это усилило впечатление, что российско-узбекские отношения оказались на краю пропасти. Однако их дальнейшего ухудшения, к счастью, не последовало: вероятно, слова президента Узбекистана были правильно оценены Москвой, немедленно приступившей к исправлению ошибок, допущенных ею во взаимодействии с Ташкентом.

Уже 10 декабря 2014 г. очередной официальный визит в Узбекистан совершил В.В. Путин. Основными задачами своих переговоров с И.А. Каримовым он обозначил полную сверку позиций сторон по всем направлениям межгосударственного сотрудничества, дальнейшую модернизацию и диверсификацию российско-узбекских отношений, выведение стратегического партнерства и союзнического взаимодействия сторон на более высокий уровень, их наполнение новым конкретным содержанием⁵³.

Особое внимание президенты уделили двум важным датам: уже прошедшей, но широко не отмечавшейся десятой годовщине заключения сторонами Договора о стратегическом партнерстве и предстоящей десятой годовщине подписания Договора о союзнических отношениях между Россией и Узбекистаном. Соответственно визит

---

⁵² Встреча с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2014. 11 сент. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46601> (дата обращения 30 марта 2021).

⁵³ Начало российско-узбекистанских переговоров в расширенном составе [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2014. 10 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47215> (дата обращения 30 марта 2021).

В.В. Путина был спланирован как своеобразное подведение итогов российско-узбекского сотрудничества за последние десять лет, т. е. за время действия двух вышеозначенных рамочных соглашений, которые вывели отношения Москвы и Ташкента на максимально высокий и доверительный уровень. Подобный формат встречи позволил российской стороне занять на переговорах более выгодную позицию, поскольку на протяжении всего рассматриваемого периода Россия неизменно оставалась главным торгово-экономическим партнером Узбекистана, крупнейшим инвестором в его экономику, основным (если не единственным) потребителем его избыточных трудовых ресурсов; она никогда не вмешивалась во внутренние дела республики и не позволяла делать это другим великим державам, выступая в качестве единственного гаранта ее безопасности и неприкосновенности ее границ. Даже выстраивая свое взаимодействие с иными партнерами по центральноазиатскому региону, Москва неизменно учитывала интересы Ташкента. В подобных обстоятельствах руководство Узбекистана даже теоретически не имело оснований для выдвижения в адрес России каких-либо претензий.

В результате атмосфера переговоров В.В. Путина и И.А. Каримова в ходе данного визита заметно отличалась от настроений, царивших во время их предыдущей встречи. Президент Узбекистана не скупился на теплые слова в адрес высокого российского гостя и всячески подчеркивал, что его визит в Ташкент «станет этапным событием в укреплении... узбекско-российских отношений». И.А. Каримов заверил своего коллегу в том, что «мы в Узбекистане всегда были и остаемся открытыми для России», приведя в подтверждение данного тезиса конкретные факты, отражающие масштабы взаимодействия сторон в торгово-экономической сфере. По словам узбекского лидера,

...Россия стабильно занимает позиции важного торгового партнера Узбекистана. На ее долю приходится более пятой части внешнеторгового оборота республики и выше половины – со странами СНГ... В Узбекистане функционирует около 900 узбекско-российских предприятий, и более 150 из них – со стопроцентным российским капиталом. В республике успешно работают такие крупнейшие транснациональные компании России, как «ЛУКОЙЛ», «Газпром», «ВымпелКом», МТС и другие. Общий объем российских инвестиций в экономику Узбекистана... за последние 15 лет составил более 8 млрд долл.⁵⁴

---

⁵⁴ Заявления для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2014. 10 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47216> (дата обращения 30 марта 2021).

Не менее оптимистичные оценки текущего состояния российско-узбекского сотрудничества прозвучали и в ходе выступлений В.В. Путина. Он выразил уверенность в том, что «отношения между Россией и Узбекистаном поступательно развиваются, носят подлинно дружеский, взаимовыгодный характер». Подчеркнув, что «Россия – ключевой деловой партнер Узбекистана», он сделал акцент на конкретных результатах и перспективах взаимодействия сторон в различных сферах межгосударственного сотрудничества.

Так, в области газовой энергетики ведущие российские компании уже многие годы участвовали в процессах геологоразведки и освоения запасов природного газа на территории Узбекистана. Например, концерн «Газпром» инвестировал в соответствующие проекты 390 млн долл., благодаря чему в республике было открыто месторождение «Джел» с запасами топлива, превышающими 6 млрд м³. В ходе переговоров В.В. Путина и И.А. Каримова было принято решение о том, что в ближайшее время к освоению группы газоконденсатных месторождений в Бухарской области приступит компания «ЛУКОЙЛ», планирующая до 2039 г. привлечь для реализации соответствующего проекта инвестиции в объеме 5 млрд долл. и построить в регионе крупный газоперерабатывающий комплекс мощностью до 8 млрд м³ в год.

Стороны вели планомерную работу, нацеленную на создание в узбекской экономике принципиально новой отрасли – атомной энергетики. Ими было подписано соглашение по вывозу с 2015 г. в Россию облученного ядерного материала ташкентского исследовательского реактора «Фотон».

В области гидроэнергетики российская компания «Силловые машины» принимала участие в модернизации Чарвакской ГЭС, расположенной вблизи Ташкента. В сфере теплоэнергетики при участии российского капитала практически завершилось техническое перевооружение двух блоков Сырдарьинской ТЭС мощностью по 300 МВт каждый.

Российский бизнес проявлял заинтересованность в расширении своего присутствия на узбекском рынке высоких технологий. Им было вложено более 200 млн долл. в развитие телекоммуникационных сетей на территории республики. Российская сторона принимала активное участие в сооружении международной радиоастрономической обсерватории «Суффа», оснащенной уникальным по своим техническим характеристикам радиотелескопом РТ-70.

Россия и Узбекистан активно сотрудничали в сфере высшего образования. В Ташкенте успешно работали филиалы ведущих российских вузов. В 2014 г. российская сторона выделила Узбеки-

стану 212 государственных стипендий, а общее число граждан республики, обучавшихся в российских вузах, достигло 12 тыс. чел.⁵⁵

Все вышесказанное являлось наилучшим свидетельством того, что, несмотря на тяжелую экономическую ситуацию и непростую международную обстановку, российско-узбекские отношения продолжали развиваться по восходящей, в соответствии с принципами долгосрочного стратегического партнерства.

Еще одним проявлением их союзнического статуса стало решение Москвы списать Ташкенту 865 из 890 млн долл. долга, образовавшегося у него в первой половине 1990-х гг., когда Узбекистан, покинувший рублевую зону, продолжал получать по льготным схемам российские товары и технику. Впоследствии образовавшаяся задолженность была переоформлена в кредит, расплатиться с которым республика так и не смогла. Списание долга позволило России открыть для Узбекистана новые кредитные линии, в первую очередь в области торговли оружием, благодаря чему стороны должны были расширить рамки своего взаимодействия в военно-технической сфере⁵⁶. Оставшийся долг в объеме 25 млн долл. Узбекистан обязался перевести России в течение месяца после вступления в силу соответствующего межправительственного соглашения, заключенного сторонами в ходе вышеозначенных переговоров В.В. Путина и И.А. Каримова⁵⁷.

Таким образом, официальный визит В.В. Путина в Ташкент оказался весьма успешным и продуктивным и способствовал скорейшему урегулированию сторонами многих проблем, о которых ранее говорил И.А. Каримов.

В декабре 2014 г. в Узбекистане началась активная подготовка к проведению очередных президентских выборов, главным участником которых стал действующий глава государства. Выборы заранее вызвали на Западе шквал критики. Во-первых, вопреки положениям Конституции Узбекистана, ограничивавшим пребывание одного и того же лица на посту президента двумя сроками подряд, И.А. Каримов избирался на свой пост уже в четвертый раз и возглавлял страну в течение 24 лет. Во-вторых, установленный Конституцией срок полномочий президента составлял 7 лет, а, учи-

---

⁵⁵ Заявления для прессы...

⁵⁶ *Панфилова В.* Путин простил долг Каримову [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2014. 11 дек. URL: https://www.ng.ru/cis/2014-12-11/2_putin.html (дата обращения 6 апреля 2021).

⁵⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств от 10 декабря 2014 г. // Бюллетень международных договоров. 2016. № 9. С. 75–78.

тывая, что предыдущие выборы в республике прошли 23 декабря 2007 г., с конца 2014 г. И.А. Каримов становился нелегитимным главой государства.

В то же время подобная критика в адрес Ташкента имела скорее формальный характер. В частности, она не помешала Вашингтону возобновить поставки в Узбекистан военной техники, прерванные еще накануне Андижанских событий 2005 г. Свою позицию США объясняли тем, что в условиях начавшегося вывода воинских подразделений НАТО из Афганистана странам Центральной Азии следовало оказывать всю необходимую помощь для сдерживания потенциальных угроз, исходивших из этого охваченного войной государства. До конца 2015 г. США планировали отправить в Узбекистан 308 автомобилей и 20 ремонтных машин общей стоимостью не менее 150 млн долл.⁵⁸ В подобных обстоятельствах озабоченность Ташкента положением дел в Афганистане несколько снизилась, и он вновь стал рассматривать Москву как одного из основных, хотя и не единственного гаранта обеспечения безопасности и стабильности в центральноазиатском регионе. С одной стороны, это способствовало преодолению некой нервозности, омрачавшей российско-узбекские отношения в последние годы; с другой стороны, стремление Ташкента к расширению взаимодействия с Москвой вновь стало снижаться.

Президентские выборы в Узбекистане состоялись 29 марта 2015 г. При явке избирателей в 91,08% в поддержку кандидатуры действующего национального лидера высказались 90,39% узбекских граждан⁵⁹. Уже на следующий день после проведения голосования В.В. Путин направил И.А. Каримову поздравительную телеграмму, в которой подчеркнул большой личный вклад коллеги в укрепление отношений союзничества и стратегического партнерства между Россией и Узбекистаном и выразил надежду на продолжение диалога и совместной работы⁶⁰.

В отличие от выборов 2007 г. свой первый зарубежный визит после переизбрания на пост президента в 2015 г. И.А. Каримов совершил не в Россию, а в Южную Корею. Тем самым он в очередной

---

⁵⁸ *Панфилова В.* США гонят в Узбекистан военные машины [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2015. 13 февр. URL: https://www.ng.ru/cis/2015-02-13/1_uzbekistan.html (дата обращения 6 апреля 2021).

⁵⁹ ЦИК: Ислам Каримов выиграл президентские выборы [Электронный ресурс] // UzDaily: Информационное агентство. 2015. 6 апр. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/24365> (дата обращения 30 марта 2021).

⁶⁰ Поздравление Исламу Каримову с победой на выборах Президента Узбекистана [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 30 марта. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49039> (дата обращения 30 марта 2021).

раз продемонстрировал, что Узбекистан является независимым государством, проводящим свою внешнюю политику без оглядки на Москву⁶¹. Однако подобный подход не вызвал у России недоумения: во-первых, узбекский лидер избрал в качестве цели своего визита страну, не являвшуюся конкурентом Москвы, в отличие, например, от США или Китая; во-вторых, вопреки ожиданиям, что свой первый зарубежный визит после избрания Президентом России в 2012 г. В.В. Путин совершит в Узбекистан, в действительности он отправился на саммит Россия – НАТО в Бухарест, а первой страной, которую он посетил после церемонии инаугурации, стала Беларусь. Таким образом, поездку И.А. Каримова в Сеул не следовало рассматривать как явный признак охлаждения в российско-узбекских отношениях.

Первая после президентских выборов поездка И.А. Каримова в Москву состоялась 8 мая 2015 г. Она была приурочена к заседанию Совета глав государств СНГ, посвященному празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне⁶². В ходе работы саммита И.А. Каримов выступил с речью, в которой значительное внимание было уделено вкладу в разгром фашизма Узбекской ССР. В конце своего доклада И.А. Каримов отдал должное заслугам всех народов Советского Союза, победивших общего врага, и подверг критике любые попытки реабилитации нацизма⁶³.

Слова президента Узбекистана были по достоинству оценены в России. Особенно важными они представлялись потому, что накануне им было принято решение не оставаться в Москве для участия в Параде Победы на Красной площади и иных торжественных мероприятиях, запланированных на 9 мая, после чего в СМИ появились сообщения о том, что он отказался приехать на юбилей Победы⁶⁴. Подобный подход вызвал у И.А. Каримова возмуще-

---

⁶¹ Панфилова В. Дипломатический ход Ислама Каримова [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2015. 27 мая. URL: https://www.ng.ru/cis/2015-05-27/7_karimov.html (дата обращения 30 марта 2021).

⁶² Встреча глав государств-участников СНГ [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 8 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49434> (дата обращения 30 марта 2021).

⁶³ Всегда помнить мужество, героизм и стойкость [Электронный ресурс] // Правительственный портал Республики Узбекистан. 2015. 9 мая. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/1586> (дата обращения 30 марта 2021); Выступление Ислама Каримова на неформальной встрече глав государств СНГ [Электронный ресурс] // YouTube. 2015. 11 мая. URL: <https://youtu.be/1aeGVkvHNLg> (дата обращения 30 марта 2021).

⁶⁴ Каримов отказался приехать на юбилей Победы в Москву [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2015. 6 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/06/karimov/> (дата обращения 30 марта 2021).

ние⁶⁵. Официальных комментариев с российской стороны по этому поводу не последовало, однако тон выступления И.А. Каримова, как и его отказ остаться в Москве, продемонстрировали, что у России и Узбекистана вновь появились существенные разногласия.

Наличие подобных противоречий подтверждалось и выступлением узбекского лидера во время его новых переговоров с В.В. Путиным, состоявшихся 10 июля 2015 г. на полях саммита ШОС в Уфе. И.А. Каримов подверг острой критике российские СМИ, что свидетельствовало о его крайнем недовольстве тем, как ими освещаются особенности внутренней и внешней политики Ташкента⁶⁶.

Резкие слова И.А. Каримова не могли не вызвать определенного недоумения. Действительно, начиная с 2008 г., когда узбекский лидер демонстративно не поздравил с избранием на пост президента своего коллегу Д.А. Медведева, отношение к нему со стороны российских СМИ начало меняться. Однако все последующие шаги Ташкента (активное сближение с США и Китаем, выход из состава ЕврАзЭС и ОДКБ, критика проекта Евразийского союза) лишь укрепляли сомнения экспертов относительно того, продолжает ли он воспринимать себя в качестве стратегического партнера и тем более союзника Москвы. На этом фоне поведение руководства Узбекистана в отношении России становилось все менее дипломатичным: оно все чаще позволяло себе осуждение ее действий, стремилось играть на ее противоречиях с другими державами, выдвигало к ней все возрастающие требования.

Конечно, российские журналисты могли бы не заострять внимания на том, что И.А. Каримов не принял приглашения В.В. Путина посетить торжественные мероприятия в Москве, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, и отбыл на родину вечером 8 мая; однако данное решение выглядело вызывающим и вряд ли соответствовало союзническому статусу российско-узбекских отношений. Кроме того, очередная атака И.А. Каримова на российские СМИ могла вызвать у Москвы сильное раздражение, в связи с чем выполнение ею договоренностей, достигнутых в ходе предыдущих консультаций президентов двух стран, было бы

---

⁶⁵ Выступление Ислама Каримова на неформальной встрече глав государств СНГ [Электронный ресурс] // YouTube. 2015. 11 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1aeGVkvHNLg> (дата обращения 30 марта 2021).

⁶⁶ Встреча с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 15 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49906> (дата обращения 30 марта 2021).

полностью заморожено. В частности, Ташкент рисковал лишиться обещанных инвестиций, а российская сторона могла пойти на пересмотр условий урегулирования его государственного долга.

Следовательно, тон выступления узбекского лидера должен был иметь под собой какие-то веские основания, тем более что И.А. Каримов заслуженно пользовался репутацией одного из наиболее прагматичных и рациональных политических деятелей на постсоветском пространстве. Весьма вероятно, что его слова были продиктованы следующими обстоятельствами.

Во-первых, президент Узбекистана не до конца отдавал себе отчет в том, что российские средства массовой информации, особенно электронные издания, пользовались довольно широкой автономией и могли выражать точку зрения, отличавшуюся от официальной позиции российского руководства. Появление в российском сегменте Интернета критических замечаний в адрес Ташкента вовсе не означало, что за этим в обязательном порядке стоит Москва.

Во-вторых, появление в России серии публикаций, в которых действия Узбекистана описывались исключительно в негативном свете, могло быть ошибочно воспринято И.А. Каримовым как некая спланированная акция, направленная на дискредитацию его режима. В подобном случае он наверняка вспомнил о том, что пятью годами ранее, в начале 2010 г., российские СМИ подвергли острой критике положение дел в Киргизии, после чего в республике начались массовые беспорядки, закончившиеся «Народной революцией» и свержением президента К.С. Бакиева.

В-третьих, И.А. Каримов мог по-прежнему испытывать опасения по поводу разрастания конфликта в соседнем Афганистане в связи с выводом оттуда войск НАТО. При этом Россия отнюдь не стремилась принять на себя миссию главного посредника в урегулировании ситуации в этой стране.

В-четвертых, президент Узбекистана был явно недоволен тем, что в условиях кризиса, охватившего российскую экономику в 2014–2015 гг., Москва стала затягивать с исполнением договоренностей, достигнутых президентами двух стран в ходе их предыдущих консультаций. В результате Узбекистан не получил от России ожидаемых объемов финансовой помощи, без которой республика не могла приступить к выполнению стоявших перед ее экономикой масштабных задач.

Стремясь оказать на позицию Москвы дополнительное давление, И.А. Каримов сделал намек на то, что Узбекистан как будущая страна-председатель ШОС может затормозить процесс присоединения к данной структуре двух новых членов – Индии и

Пакистана⁶⁷. Учитывая, что соответствующая инициатива активно лоббировалась Россией, это означало готовность Ташкента воспрепятствовать реализации планов своего союзника во внешнеполитической сфере.

Дальнейшие переговоры В.В. Путина и И.А. Каримова прошли в режиме тет-а-тет и не получили какого-либо освещения в прессе. Впрочем, некоторому снижению напряженности способствовало то, что В.В. Путин пригласил своего узбекского коллегу посетить Россию с официальным визитом.

27 августа 2015 г. рабочую поездку в Узбекистан совершил заместитель государственного секретаря США по Центральной Азии Д. Розенблум, предложивший руководству страны присоединиться к международной коалиции в борьбе с террористической организацией «Исламское государство»⁶⁸. Официальный ответ на данное предложение был предоставлен И.А. Каримовым 1 сентября, в очередную годовщину независимости республики:

Узбекистан никогда не присоединится ни к каким военно-политическим блокам и не будет размещать своих военнослужащих за пределами государства... Именно такую глубоко продуманную позицию, такую политику мы считаем правильной для себя, единственно верной, и никогда не свернем с этого пути⁶⁹.

В тот же день В.В. Путин направил И.А. Каримову поздравительную телеграмму, в которой высоко оценил динамичное развитие отношений между Россией и Узбекистаном в духе стратегического партнерства и союзничества⁷⁰.

31 октября 2015 г. в небе над Египтом произошла катастрофа российского авиалайнера «Airbus A321», унесшая жизни 224 человек. К объявленному в России трауру присоединился весь народ Узбекистана: И.А. Каримов направил В.В. Путину телеграмму собо-

---

⁶⁷ Встреча с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 10 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/321> (дата обращения 6 апреля 2021).

⁶⁸ США пригласили Узбекистан бороться с «Исламским государством» [Электронный ресурс] // Информационное агентство РБК. 2015. 28 авг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/08/2015/55df95689a79473ef01f569a> (дата обращения 30 марта 2021).

⁶⁹ Пауфилова В. Каримов отказал Вашингтону [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2015. 2 сент. URL: https://www.ng.ru/cis/2015-09-02/7_karimov.html (дата обращения 30 марта 2021).

⁷⁰ Поздравление Президенту Узбекистана Исламу Каримову с Днем независимости республики [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 1 сент. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50209> (дата обращения 30 марта 2021).

лезнования⁷¹, а жители республики в течение нескольких дней приносили цветы и игрушки к зданию посольства России в Ташкенте⁷².

14 ноября 2015 г. Москва и Ташкент отметили десятую годовщину подписания Договора о союзнических отношениях. В.В. Путин направил И.А. Каримову поздравительную телеграмму, в которой отметил, что

...этот документ стал важнейшей вехой в развитии российско-узбекских связей, создал условия для качественного наращивания конструктивного двустороннего сотрудничества на различных направлениях, а также для расширения партнерского взаимодействия в региональных и международных делах⁷³.

В начале 2016 г. по мере нарастания кризисных тенденций в российской экономике темпы развития российско-узбекского сотрудничества вновь замедлились. Россия утратила статус главного торгового партнера Узбекистана, ее доля во внешнеторговом балансе республики снизилась до 17%⁷⁴.

На этом фоне стороны занялись подготовкой очередного официального визита в И.А. Каримова Россию. Он состоялся 25–26 апреля 2016 г.

В первый день визита главы двух государств общались в неформальной обстановке. Отличительной чертой данных консультаций стала царившая на них атмосфера взаимопонимания и взаимного доверия⁷⁵.

---

⁷¹ Продолжают поступать соболезнования глав государств и правительств зарубежных стран в связи с авиакатастрофой [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 2 нояб. URL: <http://www.special.kremlin.ru/events/president/news/50607> (дата обращения 30 марта 2021).

⁷² Якубов С. Ташкентцы несут цветы к посольству России [Электронный ресурс] // Газета.uz. 2015. 2 нояб. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2015/11/02/russia/> (дата обращения 30 марта 2021).

⁷³ Поздравление Президенту Узбекистана по случаю десятилетия со дня подписания союзнического договора [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2015. 14 нояб. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50688> (дата обращения 30 марта 2021).

⁷⁴ Заявления для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2016. 26 апр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51805> (дата обращения 30 марта 2021).

⁷⁵ Заявления для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2016. 26 апр. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/51805/audios (дата обращения 30 марта 2021).

Второй день визита И.А. Каримова прошел в официальной и торжественной обстановке. В ходе переговоров основное внимание Президентов России и Узбекистана было сосредоточено на двух проблемах: поддержании безопасности и стабильности в Центральной Азии в контексте продолжающейся гражданской войны в Афганистане и перспективах развития двусторонней торговли в условиях падения мировых цен на углеводороды.

Характеризуя ситуацию в соседнем Афганистане, И.А. Каримов заявил:

Чтобы продвинуться в решении афганской проблемы, было бы целесообразным пригласить для участия в переговорах и представителей Российской Федерации... Многое зависит от самого участия России, если смотреть не только на сегодняшний день... а в далекую перспективу.

В то же время он предостерег Москву от прямого военного вмешательства во внутриафганский конфликт:

Учитывая уроки... недавней истории... важно не допустить вовлечения ШОС в военно-политические процессы в этой стране, которое может ошибочно восприниматься не только в Кабуле, в Афганистане, но и... практически всем мировым сообществом как готовность государств-членов ШОС (а мы оба являемся государствами-членами ШОС) взять на себя полноту ответственности за урегулирование афганского кризиса. Это было бы глубоко ошибочное мнение, когда афганскую проблему хотелось на кого-то взвалить, а потом задним числом говорить об успехе или неуспехе этой проблемы⁷⁶.

Говоря о диверсификации двусторонней торговли, В.В. Путин привел данные, согласно которым в условиях взаимных экономических санкций, введенных Россией и Европейским союзом, в 2015 г. произошло резкое увеличение экспорта из Узбекистана в Россию сельскохозяйственной продукции. В частности, поставки некоторых видов овощей выросли в 10 раз, винограда – в 20 раз, цитрусовых – в 54 раза⁷⁷. Это означало, что узбекские сельхозпроизводители приступили к освоению огромного российского рынка, что в перспективе могло сформировать одну из основных отраслей торгово-экономического сотрудничества Москвы и Ташкента.

В свою очередь И.А. Каримов заявил о готовности Узбекистана уже в текущем году увеличить производство сельскохозяйственной продукции до 4,5 млн т. В качестве стратегической цели Ташкента

---

⁷⁶ Заявления для прессы...

⁷⁷ Российско-узбекистанские переговоры...

он обозначил постепенное замещение узбекскими овощами и фруктами соответствующей продукции, ранее импортируемой Россией из стран ЕС. Стороны договорились сформировать совместную бизнес-структуру, способную определить долгосрочные потребности различных регионов Российской Федерации в продукции узбекского овощеводства, плодоводства и виноградарства⁷⁸. Таким образом, Узбекистан получал уникальную возможность значительно расширить свой экспорт в Россию и одновременно – создать тысячи новых рабочих мест, призванных обеспечить занятостью его избыточные трудовые ресурсы; Россия могла закупать более дешевую, качественную и экологически чистую продукцию, производимую в Узбекистане непосредственно для ее потребителей.

Стороны уделили внимание и реализации договоренностей, достигнутых ими в ходе предыдущих совместных консультаций.

По словам В.В. Путина, ведущие российские компании приступили к выполнению своих обязательств по реализации крупных проектов в энергетической сфере. Так, компания «ЛУКОЙЛ» начала освоение газоконденсатных месторождений в Бухарской области, уже выделив на это 3,6 млрд долл. и запланировав проинвестировать соответствующие работы на уровне не менее 12 млрд долл. В Узбекистане началось строительство одного из крупнейших в Центральной Азии газоперекачивающих комплексов мощностью 8 млрд м³ в год и стоимостью более 3 млрд долл. Свою деятельность в республике продолжил концерн «Газпром». Компания «Силовые машины» завершила модернизацию ряда крупных электростанций на территории Узбекистана.

В области машиностроения в Узбекистане было создано крупнейшее в СНГ совместное предприятие по выпуску электротехнической продукции. На основе комплектующих «КамАЗа» сторонами была налажена сборка разнообразной автотехники.

Не менее активное взаимодействие стороны продолжали развивать в сфере высшего образования. По состоянию на начало 2016 г., в России обучались около 21 тыс. узбекских студентов. В Узбекистане успешно функционировали филиалы ведущих российских вузов: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Университета нефти и газа имени И.М. Губкина⁷⁹.

В.В. Путин поблагодарил коллегу за внимательное отношение к изучению русского языка в Узбекистане. В республике на тот

---

⁷⁸ Заявления для прессы...

⁷⁹ Там же.

момент работало 840 школ с обучением на русском языке, которые посещали около 450 тыс. учащихся⁸⁰.

По итогам официального визита И.А. Каримова сторонами была подписана серия соглашений, способствовавших углублению их сотрудничества в военно-технической и культурно-гуманитарной сферах.

Межправительственное соглашение о взаимодействии сторон при осуществлении экспорта продукции военного назначения в третьи страны защищало интересы России в случае реэкспорта Узбекистаном в третьи страны поставленных РФ товаров соответствующей категории. В частности, Ташкент обязался обеспечивать защиту конфиденциальной информации и интеллектуальной собственности, предоставленной ему Москвой. Соглашение было заключено сроком на пять лет с правом последующего автоматического продления на годовые периоды⁸¹ и вступило в законную силу 24 января 2017 г.

Принятие Программы сотрудничества между правительствами двух стран в культурно-гуманитарной сфере на 2016–2018 гг.⁸² и Программы сотрудничества между министерствами иностранных дел России и Узбекистана на 2016–2017 гг. свидетельствовало о том, что стороны планировали сохранить высокую интенсивность контактов по соответствующим направлениям межгосударственного партнерства.

Меморандум о взаимопонимании сторон о сотрудничестве в области физической культуры и спорта стал первым специальным документом, регулирующим взаимодействие Москвы и Ташкента в данной области. Стороны договорились развивать сотрудничество по таким направлениям, как спорт высших достижений, массовый спорт, спорт инвалидов, детско-юношеский спорт, образование в области спорта, реализация волонтерских программ, спортивная наука, развитие спортивной инфраструктуры, борьба с применением допинга, проведение крупных спортивных мероприятий, координация сотрудничества в рамках международных общественных

---

⁸¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о взаимодействии при осуществлении экспорта продукции военного назначения в третьи страны от 26 апреля 2016 г. // Бюллетень международных договоров. 2017. № 4. С. 88–92.

⁸² Программа сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан в культурно-гуманитарной сфере на 2016–2018 годы от 26 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420362932> (дата обращения 6 апреля 2021).

организаций, изучение истории спорта. Основными формами взаимодействия сторон должны были стать обмен информацией и документацией, спортивными делегациями и рабочими визитами, проведение совместных учебно-тренировочных сборов, организация контактов по линии спортивных федераций, проведение тематических международных семинаров, симпозиумов, конференций, выставок, подготовка профессиональных кадров в области спорта, проведение совместных научных исследований⁸³. Таким образом, физкультура и спорт стали еще одним перспективным направлением российско-узбекского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. (Примечательно, что текст меморандума базировался на соглашениях, заключенном правительствами двух стран еще в 1993 г.⁸⁴, но в области спорта так и не реализованном.)

По окончании переговоров В.В. Путин и И.А. Каримов сделали заявления для прессы, тон которых позволял надеяться на то, в российско-узбекских отношениях наконец завершился период турбулентности.

Следующая встреча В.В. Путина и И.А. Каримова состоялась 23–24 июня 2016 г. Она проходила в Ташкенте и была приурочена к очередному саммиту ШОС, в ходе которого произошло фактическое оформление постоянного членства в данной организации Индии и Пакистана. Как и следовало ожидать, Узбекистан не стал препятствовать присоединению к ШОС новых членов, и итоги его председательства были высоко оценены российским руководством⁸⁵.

Накануне саммита президенты России и Узбекистана провели двусторонние переговоры, в ходе которых в очередной раз обсудили все основные вопросы межгосударственного сотрудничества.

---

⁸³ Меморандум о взаимопонимании между Министерством спорта Российской Федерации и Министерством по делам культуры и спорта Республики Узбекистан о сотрудничестве в области физической культуры и спорта от 26 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420362958> (дата обращения 6 апреля 2021).

⁸⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19 марта 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6. С. 62–67.

⁸⁵ *Путин В.В.* Ответы на вопросы журналистов [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 24 июня 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/52264> (дата обращения 30 марта 2021).

Примечательно, что, несмотря на невысокий дипломатический ранг данного визита (он имел рабочий характер), прием В.В. Путина в Ташкенте был организован на уровне, соответствовавшем официальному визиту: его постоянно сопровождал лично И.А. Каримов, к встрече глав государств была приурочена соответствующая культурная программа (посещение специально подготовленного концерта и возложение цветов к памятнику А.С. Пушкину)⁸⁶. Это стало еще одним доказательством того, что Ташкент рассматривает свое взаимодействие с Москвой как главный приоритет своей внешней политики, а И.А. Каримов стремится продемонстрировать В.В. Путину свою глубокую симпатию и, возможно, сгладить негативные последствия политических демаршей, совершенных им в предыдущие годы.

Таким образом, весной 2016 г. в российско-узбекских отношениях наступила некоторая стабилизация, благодаря чему они стали в полной мере соответствовать своему высокому юридическому статусу. Однако «период покоя» в них продолжался недолго: в канун 25-й годовщины государственной независимости Узбекистана, 28 августа 2016 г., Кабинет министров республики распространил сообщение о том, что президент И.А. Каримов был госпитализирован и направлен на стационарное лечение. Подробности о характере заболевания главы государства в сообщении не приводились⁸⁷. Между тем в электронных изданиях появилась информация о том, что накануне ночью И.А. Каримов перенес инсульт и его состояние следовало оценивать как безнадежное⁸⁸. На следующий день близкое по содержанию заявление сделала младшая дочь президента Л.И. Тилляева⁸⁹, после чего Интернет наводнили сообщения о том, что И.А. Каримова уже нет в живых⁹⁰.

---

⁸⁶ Встреча с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 23 июня 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52247> (дата обращения 30 марта 2021).

⁸⁷ Информационное сообщение Кабинета министров Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Информационное агентство Узбекистана «UzA». 2016. 28 авг. URL: <http://uza.uz/ru/society/informatsionnoe-soobshchenie-kabinet-ministrov-respubliki-u-28-08-2016> (дата обращения 28 августа 2016).

⁸⁸ Президент Узбекистана Ислам Каримов попал в больницу [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2016. 28 авг. URL: <https://www.interfax.ru/world/525626> (дата обращения 30 марта 2021).

⁸⁹ Дочь президента Узбекистана рассказала о кровоизлиянии в мозг у отца [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2016. 29 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2016/08/29/karimov/> (дата обращения 30 марта 2021).

⁹⁰ СМИ сообщили о смерти Ислама Каримова [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2016. 29 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2016/08/29/karimovdead/> (дата обращения 30 марта 2021).

В подобных обстоятельствах российское руководство решило взять паузу и дожидаться официальных заявлений узбекских властей по поводу происходящего. Точку зрения Москвы озвучил пресс-секретарь президента России Д.С. Песков:

Мы знаем, что были различные сообщения, которые не нашли подтверждения... Было бы неправильно из Кремля давать какие-то детали по состоянию здоровья главы государства Узбекистан.

В то же время он отметил, что Москва постоянно поддерживает контакты с Ташкентом «и по дипломатическим, и по иным, ведомственным каналам»⁹¹.

Это позволило предположить, что российское руководство гораздо лучше осведомлено о реальном положении дел в Узбекистане.

30 августа правительством Узбекистана было принято решение о проведении предстоящего празднования Дня независимости республики в сокращенном формате⁹². 31 августа в узбекских СМИ было опубликовано праздничное поздравление в связи с 25-летием государственной независимости Республики Узбекистан, подписанное президентом И.А. Каримовым⁹³.

Тогда же на имя И.А. Каримова стали поступать многочисленные поздравительные послания. 1 сентября свое поздравление президенту и гражданам Узбекистана направил В.В. Путин. В нем отмечались значительные успехи, достигнутые республикой в социально-экономической, научно-технической, гуманитарной и иных областях, и подчеркивалось, что «отношения между нашими государствами, опирающиеся на добрые традиции дружбы и взаимного уважения, активно развиваются в духе стратегического

---

⁹¹ *Алешина М.* Нездоровый интерес: Кремль не располагает новой информацией о состоянии здоровья главы Узбекистана [Электронный ресурс] // Российская газета. 2016. 30 авг. № 194 (7062). URL: <https://rg.ru/2016/08/30/kreml-ne-poluchal-novoj-informacii-o-sostoianii-karimova.html> (дата обращения 6 апреля 2021).

⁹² Празднование Дня независимости Узбекистана пройдет по сокращенной программе [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2016. 30 авг. URL: <https://www.interfax.ru/world/525938> (дата обращения 30 марта 2021).

⁹³ *Каримов И.А.* Праздничное поздравление в связи с 25-летием государственной независимости Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Информационное агентство Узбекистана «UzA». 2016. 31 авг. URL: <http://uza.uz/ru/politics/prazdnichnoe-pozdravlenie-narodu-uzbekistana-v-svyazi-s-25-l-31-08-2016> (дата обращения 31 августа 2016).

партнерства и союзничества». При этом российский лидер выразил уверенность в том, что

...Москва и Ташкент будут и далее укреплять взаимовыгодное двустороннее сотрудничество на всех направлениях, эффективно координировать усилия в решении актуальных вопросов международной повестки дня, что отвечает коренным интересам народов России и Узбекистана⁹⁴.

2 сентября с разницей в несколько часов узбекские власти распространили два сообщения: о резком ухудшении состояния здоровья⁹⁵ и о смерти И.А. Каримова⁹⁶. Российское руководство до последнего момента оставалось верным своей позиции и не давало комментариев по поводу ситуации в Ташкенте⁹⁷. После появления официальной информации о кончине узбекского лидера президент В.В. Путин направил телеграмму соболезнования на имя временно исполняющего обязанности президента Республики Узбекистан Н.Т. Юлдашева, а председатель правительства России Д.А. Медведев – на имя своего узбекского коллеги Ш.М. Мирзиёева.

В телеграмме В.В. Путина говорилось:

Его уход из жизни – тяжелая утрата для народа Узбекистана, а также для всего Содружества Независимых Государств и для стран-партнеров по Шанхайской организации сотрудничества. Ислам Абдуганиевич был авторитетнейшим государственным деятелем, настоящим лидером своей страны. С его именем связаны важнейшие вехи в истории современного узбекского государства. Под руководством Ислама

---

⁹⁴ Поздравление Исламу Каримову и всем гражданам Узбекистана с 25-й годовщиной провозглашения независимости страны [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2016. 1 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/109/events/52790> (дата обращения 30 марта 2021).

⁹⁵ Информационное сообщение Кабинета Министров Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Правительственный портал Республики Узбекистан. 2016. 2 сент. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/7163> (дата обращения 2 сентября 2016).

⁹⁶ Информационное сообщение Кабинета министров Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Правительственный портал Республики Узбекистан. 2016. 2 сент. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/7167> (дата обращения 2 сентября 2016).

⁹⁷ В Кремль информация о смерти Ислама Каримова не поступала [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2016. 2 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2016/09/02/peskov3/> (дата обращения 30 марта 2021).

Абдуганиевича Узбекистан проводил миролюбивую внешнюю политику, способствовавшую укреплению безопасности и стабильности в Центральной Азии, развитию многостороннего сотрудничества в регионе. Трудно переоценить вклад Ислама Абдуганиевича Каримова в становление отношений стратегического партнерства и союзничества между нашими странами⁹⁸.

В телеграмме Д.А. Медведева отмечалось:

Ушел из жизни выдающийся государственный деятель, с именем которого неразрывно связана история независимого Узбекистана. Под его руководством достигнуты значимые успехи в государственном строительстве и социально-экономическом развитии. Хотел бы особо отметить большой личный вклад И.А. Каримова в развитие традиционно дружественных, партнерских и союзнических отношений, объединяющих Российскую Федерацию и Республику Узбекистан⁹⁹.

Со смертью И.А. Каримова в российско-узбекских отношениях завершилась целая эпоха, продолжавшаяся более 26 лет. Москва и Ташкент вступили в новый этап своего сотрудничества, всестороннему изучению которого еще предстоит стать предметом отдельного исследования.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении последних лет президентства И.А. Каримова (в 2012–2016 гг.) российско-узбекские отношения демонстрировали противоречивые тенденции.

В первую очередь, для них были характерны непредсказуемость и турбулентность. Данные особенности были обусловлены рядом факторов: резким обострением отношений между Россией и странами Запада, приведшим к возрождению в мировой политике системы «холодной войны»; значительным ухудшением экономической ситуации в России и Узбекистане; стремлением каждой из сторон использовать взаимодействие с партнером исключительно в собственных интересах; неготовностью Москвы и Ташкента досконально исполнять принятые на себя обязательства и связанным с этим расхождением между договоренностями сторон и их прак-

---

⁹⁸ Соболезнования в связи с кончиной Президента Узбекистана Ислама Каримова [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. 2016. 2 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52805> (дата обращения 30 марта 2021).

⁹⁹ Дмитрий Медведев выразил соболезнования Премьер-министру Узбекистана Шавкату Мирзиёеву в связи с кончиной Ислама Каримова [Электронный ресурс] // Правительство России: Официальный сайт. 2016. 2 сент. URL: <http://government.ru/telegrams/24415/> (дата обращения 30 марта 2021).

тической реализацией; все большим разочарованием узбекского руководства в сотрудничестве с Россией.

К сожалению, расчет Узбекистана на то, что с избранием президентом В.В. Путина в 2012 г. его отношения с Россией вернутся к тем же принципам, которые лежали в основе их сотрудничества в 2000-е гг., совершенно не оправдался. Данное обстоятельство было обусловлено двумя основными причинами: переоценкой российским руководством значимости Ташкента в системе геополитических приоритетов Москвы и сокращением у России реальных возможностей для проведения активной внешней политики в Центральной Азии. (В отличие от периода 2000–2007 гг., впоследствии Москва действительно взяла курс на постепенное уменьшение своего присутствия в регионе и избавление от нерентабельных для нее видов сотрудничества с расположенными здесь государствами.) В результате те перемены в отношении России к Узбекистану, которые произошли в 2008 г. и связывались И.А. Каримовым исключительно с субъективным фактором (личностью президента Д.А. Медведева), не подверглись какой-либо коррекции и по возвращении на пост главы государства В.В. Путина. Последнее обстоятельство стало для узбекского лидера совершенно неожиданным и вызвало у него своего рода «фрустрацию», прямым следствием которой стала исключительная нервозность политики Ташкента в отношении Москвы со всеми присущими ей негативными проявлениями. Подобно далеким 1990-м гг., узбекская дипломатия стала впадать из крайности в крайность, что вызывало у российского руководства все большее раздражение и вынуждало его усомниться в том, что Узбекистан по-прежнему остается надежным союзником и стратегическим партнером России.

Тем не менее на рубеже 2015–2016 гг. во взглядах И.А. Каримова произошли существенные изменения. Вероятно, предчувствуя свой скорый уход, он предпринял все необходимые шаги для скорейшей нормализации узбекско-российских отношений и преодоления накопившихся в них противоречий. Его последний официальный визит в Москву (по крайней мере, то, что он сам рассказал о нем журналистам) стал совершенно уникальным событием в российской дипломатической практике: он не просто являлся примером доверительного диалога глав двух государств, но и создавал впечатление некоего напутствия или политического завещания, которое И.А. Каримов оставил В.В. Путину – «человеку, с которым можно идти в разведку».

Среди основных проблем российско-узбекского сотрудничества в рассматриваемый период возможно выделить нижеследующие.

1. Сохранение российской дипломатией порядка, при котором большинство решений, способных затронуть интересы Ташкента, принимались Москвой в одностороннем порядке, без проведения предварительных консультаций с ее узбекскими партнерами. (При этом руководство Узбекистана зачастую узнавало о том или ином шаге России уже по факту его совершения, получая соответствующую информацию не по дипломатическим каналам, а из СМИ, что абсолютно не соответствовало союзническому духу их отношений.)

2. Усиление во внешней политике Узбекистана принципов «дуалистичной дипломатии», при которой расширение контактов с одними партнерами республики автоматически приводило к резкому сокращению ее взаимодействия с другими партнерами [Ламулин 2007]. (Так, по мере развития Ташкентом диалога с США, странами ЕС, Китаем и Южной Кореей наблюдалось заметное снижение темпов его сотрудничества с Россией.) В отличие от многовекторной дипломатии, типичной для большинства государств современного мира, включая Россию, дуалистичная дипломатия вела к явным перекосам во внешней политике Ташкента и нарастанию непредсказуемости в его отношениях с Москвой.

3. В первой половине 2010-х гг. – возвращение узбекского руководства к практике недружественного, а зачастую и недипломатического поведения в отношении Москвы, активно применяемой им ранее, но утратившей свою актуальность в 2002–2007 гг.

4. Постепенное понижение значимости Узбекистана в системе внешнеполитических приоритетов России и значимости России – в системе внешнеполитических приоритетов Узбекистана; стремление сторон к максимальному ограничению расходов, связанных с поддержанием высокого уровня их отношений.

5. Неспособность Москвы и Ташкента следовать принимаемым на себя обязательствам по наполнению своих отношений конкретным содержанием и, как следствие, нарастание в них некой декларативности, при которой российско-узбекское стратегическое партнерство все чаще принимало «бумажно-словесный» характер.

6. Временное ослабление позитивного воздействия на российско-узбекские отношения субъективного фактора – особого взаимопонимания между В.В. Путиным и И.А. Каримовым, существовавшего в 2000-е гг. и восстановленного лишь незадолго до смерти Президента Узбекистана.

7. Очевидное несоответствие юридического статуса российско-узбекских отношений их фактическому состоянию.

8. Исчезновение некоторых форм политического диалога между Россией и Узбекистаном, в частности отказ В.В. Путина от прак-

тики проведения регулярных телефонных переговоров с И.А. Каримовым, широко применяемой в годы президентства Д.А. Медведева.

9. Отсутствие у российского руководства достаточной заинтересованности в проведении со своими узбекскими коллегами регулярных консультаций по вопросам взаимодействия сторон на мировой арене.

10. Неспособность России удержать Узбекистан в патронируемых ею интеграционных объединениях на постсоветском пространстве; выход Ташкента из ОДКБ и его стойкое нежелание присоединиться к работе ЕАЭС.

11. Сокращение масштабов торгово-экономического сотрудничества между Москвой и Ташкентом: снижение объемов двустороннего товарооборота, сохранение его структурой невыгодного для Узбекистана характера; утрата Россией статуса главного торгового партнера Узбекистана; недостаточно высокий уровень инвестиционного сотрудничества и межрегионального взаимодействия сторон.

Наличие всех вышеозначенных проблем свидетельствовало о том, что ответственность за пробуксовывание в российско-узбекских отношениях, имевшее место в течение всего рассматриваемого периода, лежала на обеих сторонах. При этом позиция Москвы в основном сводилась к экономии ресурсов, которые она была готова потратить на развитие сотрудничества с Ташкентом, тогда как интересы Ташкента, напротив, состояли в максимизации выгод, приобретаемых им от взаимодействия с Москвой. В результате для поддержания контактов с Узбекистаном на ранее достигнутом союзническом уровне Россия была вынуждена все чаще принимать на себя завышенные обязательства в различных сферах межгосударственного сотрудничества, не обеспеченные необходимыми для их выполнения ресурсами. Поэтому в российско-узбекских отношениях неизбежно возникали внутренние конфликты, готовые в любой момент выйти на поверхность и спровоцировать возникновение в них полномасштабных кризисов.

Вместе с тем в 2012–2016 гг. в отношениях Москвы и Ташкента имелись определенные достижения, важнейшими из которых представляются нижеследующие.

1. Сохранение сторонами максимально высокого уровня взаимодействия даже после выхода Узбекистана из системы ОДКБ; недопущение ревизии российско-узбекских отношений, их последовательное развитие в духе стратегического партнерства и союзничества.

2. Высокая эффективность взаимодействия органов государственной власти двух стран, поддержание ими постоянных контак-

тов по всему спектру вопросов межгосударственного сотрудничества.

3. Умение России и Узбекистана преодолевать проблемы в двусторонних отношениях в рабочем порядке, без привлечения внимания широкой общественности; недопущение возникновения в них полномасштабных кризисов.

4. С 2015 г. – постепенный отказ сторон от практики выдвижения взаимных претензий и обвинений, переход к выстраиванию диалога друг с другом на принципах взаимной выгоды и учета интересов партнера.

5. Проведение сторонами активной работы по поиску новых направлений и форм сотрудничества; осуществление постепенной модернизации и диверсификации межгосударственных отношений.

6. Начало перехода российско-узбекских отношений на новый (преимущественно экономический) фундамент в контексте сокращения взаимодействия сторон в военно-политической сфере.

7. Дальнейшее обогащение нормативно-правовой базы двустороннего сотрудничества, заключение Москвой и Ташкентом ряда соглашений в развитие положений ранее подписанных ими договоров.

8. По сравнению с периодом 2008–2012 гг. – значительная активизация политического диалога Москвы и Ташкента; возвращение сторон к практике регулярного обмена визитами на высшем уровне; восстановление доверительных отношений между главами России и Узбекистана.

9. Ускоренное развитие торгово-экономического сотрудничества Москвы и Ташкента; разработка совместных проектов, направленных на совершенствование структуры двустороннего товарооборота и расширение инвестиционного взаимодействия России и Узбекистана.

10. Успешная реализация на территории Узбекистана крупнейших за все годы двустороннего сотрудничества совместных проектов с участием российского капитала.

11. Постепенное расширение взаимодействия сторон в сфере высшего образования; установление контактов в области экологии, физкультуры и спорта.

12. Сохранение в Узбекистане позиций русского языка и культуры; прекращение процесса дерусификации республики, окончательное урегулирование «проблемы русскоязычного населения».

13. К 2016 г. – достижение некоторой стабилизации двусторонних отношений, последовавшее на фоне глубокого экономического кризиса в России и Узбекистане и дальнейшего нарастания международной напряженности.

Таким образом, несмотря на то что в последние годы президентства И.А. Каримова в российско-узбекских отношениях существовало немало трудностей, данный период можно охарактеризовать как один из наиболее успешных этапов в истории двустороннего сотрудничества. Москве и Ташкенту удалось в скорейшем порядке адаптировать свое взаимодействие к резко изменившимся условиям и выработать эффективные механизмы по преодолению возникших в их отношениях кризисных тенденций. В результате стороны сохранили высокий статус стратегических партнеров и союзников, и перед ними открылись новые перспективы развития сотрудничества в самых разных областях. Именно такое наследие в российско-узбекских отношениях оставил первый президент Республики Узбекистан И.А. Каримов.

Литература

Буш, Скоукрофт 2004 – *Буш Д., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М.: Междунар. отн., 2004. 504 с.

Лаумулин 2007 – *Лаумулин М.Т.* Многовекторная внешняя политика стран Центральной Азии // *Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы.* М., 2007. С. 46–65.

References

Bush, G. and Scowcroft, B. (2004), *Mir stal drugim* [The world has become different], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

Laumulin, M.T. (2007), “Multi-vector foreign policy of Central Asian states”, in *Central'naya Aziya i Kavkaz: nasushchnye problemy* [Central Asia and Caucasus. Pressing issues], Moscow, Russia, pp. 46–65.

Информация об авторе

Константин Е. Мещеряков, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8; k.mesheryakov@spbu.ru

Information about the author

Konstantin E. Meshcheryakov, Dr. of Sci. (History), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 1/3, entr. 8, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191124; k.mesheryakov@spbu.ru

Местное управление в странах СНГ

УДК 352

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-53-85

Становление молдавской системы местного самоуправления в контексте европейской интеграции (1990-е гг.)

Елена А. Косован

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kosovan.ea@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования институциональных и правовых основ системы местного самоуправления в Республике Молдова. Хронологически исследование охватывает первое десятилетие после распада Советского Союза. Становление национальной системы местного самоуправления автор помещает в контекст европейского вектора молдавской внешней политики, анализируя этот процесс (в особенности проведение так называемой «реформы децентрализации») с точки зрения взаимодействия Молдовы с Евросоюзом и Советом Европы. Концептуальной основой исследования являются теории формальной структуры и социальной имитации.

Автор коротко характеризует советскую систему самоуправления, постепенный отказ от которой составлял сущность реформ 1990-х гг., а также касается вопросов об организации самоуправления в соответствии с англосаксонской и континентальной моделями и о современных системах самоуправления, существующих в Евросоюзе, к членству в котором Республика Молдова стремится. В статье последовательно анализируются этапы работы молдавских законодателей, направленной на формирование местных органов власти, оцениваются ее результаты как с точки зрения соответствия европейским нормам и принципам организации местного самоуправления, так и в контексте национальной этнополитической, институционально-правовой, гражданско-политической специфики. Согласно авторской гипотезе, Республика Молдова выстраивает систему местного самоуправления, внедряя в свои формальные структуры элементы институционального окружения (европейские принципы регионализации и деконцентрации), но при этом исходит не столько из их соответствия конкретным целям и задачам молдавского государства, его политическим, экономическим и социокультурным особенностям, сколько из их символического веса, способности легитимировать Молдову на международной арене в качестве государства, успешно совершающего демократический транзит.

© Косован Е.А., 2021

Ключевые слова: Молдова, публичное управление, реформа, Восточное партнерство, Европейский союз, Совет Европы

Для цитирования: Косован Е.А. Становление молдавской системы местного самоуправления в контексте европейской интеграции (1990-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 53–85. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-53-85

Formation of the Moldovan local self-government system in the context of European integration (1990s)

Elena A. Kosovan

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, kosovan.ea@rggu.ru*

Abstract. The article considers the process of formation of the institutional and legal framework for the local self-government system in the Republic of Moldova. Chronologically, the study covers the first decade after the collapse of the Soviet Union. The author places the formation of the national local self-government system in the context of the European vector of Moldovan foreign policy, analysing the process (especially the implementation of the so-called “decentralization reform”) from the perspective of Moldova’s interaction with the European Union and the Council of Europe. The theories of formal structure and social imitation provide the conceptual framework for the study.

The author briefly describes the Soviet self-government system, the gradual abandonment of which was the essence of the reforms of the 1990s, and touches upon the organization of self-governance according to the Anglo-Saxon and Continental models and the modern systems of self-governance existing in the European Union, to which the Republic of Moldova aspires to become a member. The article consecutively analyses the stages of work of Moldovan legislators aimed at the formation of local authorities, evaluating its results both in terms of compliance with European norms and principles of local self-government organization and in the context of the national ethno-political, institutional and legal, civil and political specificity. According to the author’s hypothesis, the Republic of Moldova builds a system of local self-government by introducing elements of its institutional environment (European principles of regionalization and deconcentration) into its formal structures, but proceeds not so much from their compliance with specific goals and objectives of the Moldovan state, its political, economic and sociocultural specificities, as from their symbolic weight and ability to legitimize Moldova on the international scene as a state successfully undergoing a democratic transition.

Keywords: Moldova, public administration, reform, Eastern Partnership, European Union, Council of Europe

For citation: Kosovan, E.A. (2021), “Formation of the Moldovan local self-government system in the context of European integration (1990s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 53-85, DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-53-85

Введение

Одним из важнейших аспектов формирования постсоветской государственности является создание института местного самоуправления (МСУ). О роли МСУ написаны сотни работ, и мы знаем, что рационально организованная и правильно функционирующая система местного самоуправления эффективно удовлетворяет интересы и защищает права граждан, совместно проживающих на определенной территории, способствует согласованию интересов социума и государства, повышению вовлеченности населения в процесс управления и формированию гражданского общества¹ [Бутырина 2010, с. 1]. Органы местного самоуправления не только решают вопросы, имеющие узколокальное значение – в долгосрочной перспективе их работа сказывается на социально-экономическом, политическом и социокультурном развитии государства в целом.

Современная теория права и управления предполагает существование нескольких моделей МСУ.

Наиболее распространен бинарный подход, который позволяет выделить англосаксонскую и континентальную модели. В основе англосаксонской модели, которая характеризуется высокой независимостью местных властей от государства, лежит теория свободной общины, базирующаяся на признании естественным и неотъемлемым права общины свободных граждан на самоуправление и подразумевающая невмешательство или ограниченное вмешательство государственной власти в общинные дела. Государство делегирует органам местного самоуправления ряд правительственных прав, обеспечивая разделение функций и полномочий между ними и органами госвласти и гарантируя им независимость и неприкосновенность [Бабичев 2004, с. 71].

Континентальная же модель опирается на государственную теорию местного самоуправления, согласно которой компетенция общины свободных граждан не является природной (как права и свободы человека и гражданина), но создается государством, по-

---

¹ Бабун Р.В., Мальковец Н.В. Самая близкая к народу власть: Пособие для населения и некоммерческих организаций / Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив. Новосибирск, 2009. С. 8; Завадский А.Л. Беларусь и Европейский Союз. Возможности взаимовыгодного сотрудничества в сфере местного самоуправления. Февраль 2012 г. [Электронный ресурс] // Фонд им. Фридриха Эберга. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/08943.pdf> (дата обращения 13 декабря 2020).

этому МСУ является частью системы государственной власти, а полномочия местных властных структур – разновидностью государственных функций [Бабичев 2004, с. 71].

Особая, весьма интересная ситуация сложилась в СССР и в социалистических государствах Восточной Европы. «Западные» модели МСУ были несовместимы с социалистической государственностью, поскольку основополагающим принципом социалистического управления является так называемый «демократический централизм», исключающий противопоставление местных органов высшим органам власти. В соответствии с данным принципом в СССР произошло слияние местных и высших органов власти в рамках единой системы государственного управления, органы МСУ были включены в вертикально интегрированный и жестко иерархизированный государственный механизм и не имели реальной автономии² [Ешинимаева 2005, с. 47]. И хотя они все-таки выполняли ряд функций, свойственных местному самоуправлению в классическом понимании, формализм, жесткое ограничение муниципальной демократии и постоянный контроль со стороны вышестоящих органов, а главное – отсутствие серьезной материальной базы делали их в известной степени декоративным институтом³ [Артемов 1999, с. 64, 66].

Распад Советского Союза поставил новые независимые государства перед проблемой создания новых систем МСУ. Весьма часто эта проблема оказывалась тесно переплетена с проектами интеграции в европейские структуры.

В ЕС не существует единой системы местного управления. В Договоре о Европейском союзе указано, что эта организация с уважением относится к национальной самобытности в том, что касается организации политических структур, в том числе на местном и региональном уровне⁴. Следовательно, каждое государство-участник ЕС выстраивает собственную систему МСУ, а европейское право, регулирующее отношения в этой сфере, довольно слабо интернационализировано [Черкасов 2016, с. 150]. В странах ЕС представлены разные системы самоуправления (и англосак-

---

² Бусыгина И.М. Местное самоуправление [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов». URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01245:article#Советская%20модель%20местного%20самоуправления> (дата обращения 10 июля 2021).

³ Там же.

⁴ Договор о Европейском союзе (новая ред.). Раздел I «Общие положения», ст. 4, п. 2 [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения 18 июля 2021).

сонская, и континентальная, а также их варианты и гибриды) и типологически различные органы МСУ. При этом существуют общеевропейские нормы, на которые ориентируется все «европейское сообщество». Эти нормы зафиксированы в Европейской хартии местного самоуправления (1985), Декларации по регионализму в Европе (1996), Лиссабонском договоре (2007/2009) и в других документах. Неотъемлемой частью евроинтеграции является регионализация – децентрализация власти в рамках национальных государств-членов ЕС и рост самостоятельности субнациональных единиц, которые становятся полноправными участниками структурных изменений в Европе – «Европе регионов» [Авчухова, Белов 2006, с. 83; Рысаева 2016, с. 55]. Этот процесс осуществляется в рамках Европейского союза и Совета Европы [Грицун 2018, с. 134].

Сближение постсоветских государств с европейскими структурами подразумевает их согласие с политикой децентрализации и регионализации при сохранении местных особенностей МСУ. Иными словами, бывшие республики СССР формируют собственные модели местного самоуправления, взяв за образец англосаксонский или континентальный вариант, но общие принципы функционирования национальных моделей должны соответствовать основным европейским нормам⁵. Учитывая все сложности переходного периода, приходится признать, что это непростая задача, чреватая многими срывами и конфликтами. Ситуацию усугубляет и то, что во многих постсоветских государствах имеются очаги этнотерриториальных раздоров и сепаратизма. Данная работа посвящена одной из самых «сложных» в этом смысле новых независимых республик – Молдове. Ниже мы рассмотрим начальные этапы формирования молдавской МСУ в контексте реализации властями страны курса на сближение с Евросоюзом.

---

⁵ Эти нормы зафиксированы в Европейской хартии местного самоуправления, подписание которой является с 1988 г. обязательным условием вступления в Совет Европы, а также в Декларации по регионализму в Европе Ассамблеи Регионов Европы (АРЕ). См.: Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г.). СЕД № 122 [Электронный ресурс] // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168007a105> (дата обращения 18 июля 2021); Декларация по регионализму в Европе (4 декабря 1996 г. Базель) [Электронный ресурс] // Единый образовательный портал Алтайского государственного университета. URL: https://portal.edu.asu.ru/pluginfile.php/12871/mod_folder/content/0/Декларация (дата обращения 18 июня 2021).

Начальный этап формирования молдавской системы МСУ (1991–1993)

Становление молдавской государственности происходило в крайне тяжелых условиях. Национальная экономика находилась в состоянии кризиса, в стране отсутствовали необходимые государственные институты, представления властных элит о будущем Молдовы, о ее внутри- и внешнеполитических целях были весьма туманны, да и само существование Республики Молдова ставилось под сомнение как сторонниками восстановления СССР, так и сторонниками объединения с Румынией (унионистами)⁶ [Андриеш 2013, с. 9]. Так как в начале 1990-х гг. Молдова столкнулась с приднестровским и гагаузским конфликтами, вопрос о ее существовании в качестве, по крайней мере, единого государства не был праздным.

Национальные властные элиты оказались слабо подготовлены к самостоятельности как во внутренней, так и во внешней политике и были заняты переделом полномочий, поэтому осознание места постсоветской Молдовы в системе международных отношений и ее внутриполитического пути происходило медленно и конфликтно и во многом определялось «зависанием» страны между двумя полюсами – российским и румыно-европейским [Андриеш 2013, с. 10].

Подобная ситуация не была специфически молдавской. Большинство республик СССР, пустившись в свободное плавание, оказались дезориентированными внутри-, внешне- и геополитически и обладали слишком скудными ресурсами, чтобы играть самостоятельную политическую роль даже на региональном уровне. В итоге они оказались перед выбором: за какой из доминирующих региональных и(ли) мировых сил следовать [Маммадов 2017, с. 81]. Со временем на постсоветском пространстве образовалась сравнительно узкая группа государств, для которых внешняя политика превратилась в фундаментальную основу экономического, политического, социокультурного развития. В эту группу вошла и Молдова.

Уже на первом этапе становления национальной государственности в политических кругах Молдовы зародилась идея о европейской интеграции РМ. Примечательно, что впервые она была озвучена унионистами [Андриеш 2013, с. 10]. Однако в начале

---

⁶ Radu N. Report on regional democracy in Moldova – CPR (7) 4 Part II [Электронный ресурс] // Council of Europe. 2000. 18 April. URL: <https://rm.coe.int/report-on-regional-democracy-in-moldova-18-april-2000-/168071987b> (дата обращения 28 октября 2020).

1990-х гг. эта идея еще не имела четкого оформления, ее носители не были уверены в том, в каком качестве Молдова может претендовать на членство в «европейской семье» – как самостоятельное государство или же в составе Румынии. Что же касается позиции Евросоюза, то мы в целом солидарны с мнением Маркуса Бройха, который называет 1991–1995 гг. в истории взаимоотношений Молдовы и Евросоюза периодом взаимного дистанцирования и равнодушия [Broich aus Leer 2008, p. 61].

Впрочем, это не означает, что сотрудничество как таковое в этот период отсутствовало. В частности, одним из его приоритетных направлений было содействие демократизации молодого молдавского государства, формированию в Молдове институтов так называемой «прямой», «локальной» или «непосредственной демократии», к которым относятся и органы местного самоуправления.

В 1991 г. Молдова присоединилась к программе ЕС TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States), которая подразумевала содействие экономическим преобразованиям в республиках бывшего СССР – с тем, разумеется, чтобы взаимодействие с последними отвечало интересам Евросоюза⁷. Поскольку развитие рыночной экономики тесно связано с формированием институтов демократического управления, в качестве одного из ключевых направлений реализации TACIS была заявлена поддержка реформ в сфере публичного менеджмента (public administration), ключевым элементом которой является МСУ. Согласно докладу TACIS 2000 г., на начальном этапе реализации программы (1991–1994) Кишиневу на реорганизацию социального сектора и системы публичного управления было выделено более 4 млн экю⁸.

Кое-какие шаги в направлении реформ были сделаны молдавскими властями еще до распада СССР, и мы можем утверждать, что начало формированию современной молдавской системы местного самоуправления было положено на рубеже 1980–1990-х гг.

Ускоренное перестройкой разложение советской системы отразилось и на институте МСУ, который нуждался в модернизации. С этой целью в 1989 г. в законы о местном самоуправлении и об административно-территориальном управлении Молдавской ССР

---

⁷ Подробнее о программе см.: *Пашковская И.Г.* Институциональная основа внешней помощи Европейского союза (в контексте ее политической составляющей) // *Международное право – International Law*. 2006. № 2 (26). С. 140–162.

⁸ *Evaluation of TACIS Country Strategy in Moldova: Final Report. Vol. I – Executive Summary and Main Text. Submitted by NOMISMA and ECONOMISTI ASSOCIATI (Bologna, Italia) in collaboration with AGREX (Chisinau, Moldova), December 2000. P. 15, 18.*

были внесены изменения, в соответствии с которыми МСУ было отделено от партийно-политической системы [Cornea 2012, p. 73].

Затем, в 1990 г., Верховный Совет МССР утвердил Постановление о совершенствовании административно-территориального устройства республики и обязал Комитет по самоуправлению и местной экономике рассмотреть возможность создания новых административно-территориальных единиц – уездов, или жудецов (от *рум. județe*) [Cornea 2012, p. 73]. Административно-территориальное деление МССР отличалось высокой дробностью: в 1980-е гг. в республике было 40 районов; районы включали 829 сельсоветов, 21 город (из которых 10 находилось в республиканском подчинении и 11 – в районном) и 49 поселков городского типа. Такая политика обычно основывалась на стремлении к максимальной централизации управления и была оправдана в советских условиях, но вне советского порядка не имела смысла [Cornea 2015, p. 266–269].

10 июля 1991 г. были приняты Закон «Об основах местного самоуправления» № 635-ХП и Постановление № 636 о порядке введения в действие данного закона⁹. По условиям указанных актов в стране вводился двухэтапный переходный период. На первом этапе, т. е. с 10 июля 1991 г. и до принятия Закона об административно-территориальном устройстве Республики Молдова, должны были произойти:

- децентрализация государственной власти в пределах существующих районов;
- расширение компетенций сел (или коммун как сельских объединений) и городов;
- укрепление исполнительной власти по вертикали.

В течение двух недель после вступления в силу Закона «Об основах местного самоуправления» районные Советы народных депутатов, а также Советы городов республиканского подчинения должны были

...созвать последние свои сессии и избрать на них единое официальное лицо, ответственное за государственное администрирование на подведомственной территории, – соответственно председателя исполнительного комитета района и примара города с новыми функциями (Постановление «О порядке введения в действие Закона Республики Молдова “Об основах местного самоуправления”», п. 2а).

---

⁹ Hotărîre Nr. 636 din 10.07.1991 pentru aplicarea Legii Republicii Moldova “Cu privire la bazele autoadministrării locale”. Publicat: 30.12.1991 în Monitorul Oficial Nr. 11–12 art. 111 [Электронный ресурс]. Ministerul Justiției. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=60849&lang=ro (дата обращения 12 августа 2020).

После этого Советы народных депутатов следовало преобразовать в советы соответствующих административных единиц, депутаты становились советниками, а председатели сельских, поселковых, городских (в городах районного подчинения) Советов – примарами. Председателем районных исполнительных комитетов и примаров городов республиканского подчинения должен был утвердить президент РМ (п. 2а).

На втором этапе предполагалось завершить реформу всей молдавской системы административно-территориальной организации (п. 2б). При этом конкретные сроки реализации реформы установлены не были.

Таким образом, еще до распада Советского Союза в Молдове были определены основные административно-территориальные единицы, в которых следовало ввести самоуправление (районы; города, в том числе республиканского подчинения; села и их объединения – коммуны), а также новые органы власти и должностные лица (советники, председатели исполкомов районов, примары). Поскольку советская система МСУ не ликвидировалась полностью, сформировалась переходная гибридная система, в рамках которой сосуществовали советские и постсоветские элементы [Макухин 2017, с. 129; Cornea 2012, р. 73].

Именно она определяла сущность молдавского самоуправления на местах в самый трудный период постсоветской истории страны – 1991–1993 гг.

К этому же времени относится деятельность рабочих групп, организованных Постоянной комиссией молдавского парламента по вопросам местного самоуправления и экономики. Они подготовили три законопроекта, которые должны были лечь в основу новой системы МСУ – «Об административном устройстве территории» (“Cu privire la organizarea administrativă a teritoriului”), «О местном публичном управлении» (“Cu privire la administrarea publică locală”), «О местных выборах» (“Cu privire la alegerile locale”). Законопроекты предусматривали:

- разукрупнение административно-территориальной структуры Молдовы;
- организацию местного самоуправления в соответствии с основными принципами Европейской хартии местного самоуправления;
- приведение порядка организации и проведения выборов в соответствие с основополагающими принципами европейской электоральной демократии [Cornea 2018, р. 509].

Однако в условиях дезинтеграции страны административно-территориальная реформа и реформа МСУ оказались невозможны.

*Формирование молдавской системы
МСУ в 1994–1997 гг.*

Возвращение к проблеме реорганизации административно-территориального устройства Молдовы и органов местной власти приходится на 1994–1997 гг. Этот период весьма интересен с точки зрения геополитического самоопределения страны и влияния этого самоопределения на внутривосточный процесс.

На рубеже 1993–1994 гг. происходит активизация молдо-европейских контактов. Считается, что именно в это время начинается формирование политико-юридических основ взаимоотношений РМ и ЕС [Гудым 2002, с. 9–10]. Инициатором в данном случае выступает молдавская сторона, которая нуждается в расширении экономического взаимодействия с евроструктурами.

В конце 1993 – начале 1994 г. власти Молдовы в лице президента Мирча Снегура и премьер-министра Андрея Сангели начинают настойчиво обращаться к представителям ЕС с просьбой рассмотреть возможность расширения молдо-европейского сотрудничества. Эта просьба содержалась в письмах М. Снегура руководству евроструктур (ноябрь 1993 г., январь 1994 г.); проблеме расширения сотрудничества между ЕС и Молдовой обсуждал А. Сангели во время своей встречи с комиссарами ЕС по торговле и внешним связям сэром Леоном Бриттеном и Хансом ван ден Бруком (ноябрь 1993 г.)¹⁰ [Broich aus Leer 2008, p. 62–63]. Были и другие встречи и переговоры, итогом которых стала работа специальной комиссии Евросоюза: она должна была оценить преобразования, проведенные в Молдове в 1991–1994 гг., и сделать вывод относительно возможности заключения между ЕС и РМ Соглашения о партнерстве и сотрудничестве¹¹ (далее – СПС) [Broich aus Leer 2008, p. 62; Roper 2008, p. 87].

Несмотря на то что Молдова находилась в самом начале весьма болезненного перехода от советского к постсоветскому порядку, Комиссия в целом положительно оценила произошедшие в стране изменения: европейские эксперты отметили

---

¹⁰ Во время этой встречи А. Сангели дали понять, что расширение молдо-европейского сотрудничества вообще и заключение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве в частности зависят от того, насколько активно молдавские власти будут проводить реформы и какова будет результативность этих реформ [Broich aus Leer 2008, p. 63].

¹¹ *Bologan D. The Adjustment of Moldova's Competition Law to European Union Competition Law // Discussion Paper (Edition of Europa-Kolleg Hamburg, Institute for European Integration). 2015. № 1/15. P. 8*

и проведение первых многопартийных выборов в парламент в феврале 1994 г., и осуществление законодательной реформы, и подготовку новой Конституции, и либерализацию экономики, и демократизацию социально-политической сферы. По их мнению, все это свидетельствовало об изменениях к лучшему [Гудым 2002, с. 9–10]. Кроме того, к 1994 г. была прекращена горячая фаза Приднестровского конфликта и урегулирован вопрос о статусе Гагаузии.

Позитивная оценка первых итогов молдавского постсоветского транзита позволила ЕС и РМ заключить СПС в ноябре 1994 г. И хотя Соглашение вступило в силу не в 1994, а в 1998 г. (ему предстояло пройти процедуру ратификации в молдавском парламенте, Европарламенте и в законодательных органах всех стран-членов ЕС), в историографии (особенно молдавской) его подписание традиционно оценивается как важная веха.

Считается, что после подписания СПС европейский выбор Молдовы начинает формулироваться все более четко; постулируется, что вступление РМ в отношения партнерства с ЕС становится актом согласия с «европеизацией» страны, с тем, что основная цель ее постсоветского перехода и модернизации заключается в приближении (при помощи ЕС) к «копенгагенским критериям» (стабильное функционирование институтов, обеспечивающих демократию, верховенство закона, свободная реализация прав человека, развитие рыночной экономики и др.) [Андриеш 2013, с. 15; Гудым 2002, с. 31].

Однако мы полагаем, что в 1994–1997 гг. все было далеко не столь однозначно.

В 1994 г. Молдова не только заключила Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, но и стала полноправным членом Содружества Независимых Государств. В последующие годы официальный Кишинев балансировал между ЕС и СНГ, притом взаимодействие с отдельными странами-членами ЕС и международными финансовыми институтами оставалось более тесным, нежели с Евросоюзом как таковым [Кириллов, Путинцев 2012, с. 27].

Однако спорить с тем, что у молдавских властных элит в этот период укрепляется представление об интеграции РМ в ЕС как об оптимальном способе формирования демократического европейского государства, не имеющего ни экономических, ни территориально-политических проблем, также затруднительно. Ведь в «Концепции внешней политики Республики Молдова» 1995 г. зафиксировано, что евроинтеграция рассматривается как «реальная возможность упрочить национальную безопасность

и обеспечить территориальную целостность» РМ¹². Несмотря на то что дело не идет дальше довольно расплывчатых, хотя и броских деклараций, их появление кажется симптоматичным.

Что же касается Евросоюза, для него Молдова все еще остается преимущественно «зоной мягких рисков и угроз», что связано как с неразрешенностью «приднестровского вопроса, так и с тем, что в стране недостаточно развиты основные властные институты, определяющие политическую систему РМ» [Андриеш 2013, с. 15]. Этот тезис хорошо иллюстрирует общение с ЕС приемника М. Снегура на посту президента Молдовы Петра (Петру) Лучинского и премьер-министра Иона Чубука в 1996–1997 гг. В декабре 1996 и октябре 1997 г. Лучинский обращается к Председателю Еврокомиссии Жаку Сантеру, а также к главам государств и правительств стран-членов ЕС, декларируя стремление РМ к заключению Соглашения об ассоциации с ЕС в срок до 2000 г. Вопрос об ассоциации Молдовы и Евросоюза обсуждается и на встрече премьер-министра РМ Иона Чубука с представителями ЕС 3–6 декабря 1997 г. Однако на просьбу Лучинского начать переговоры об ассоциации не отреагировал ни один из адресатов, а Чубуку дали понять, что ЕС в принципе одобряет молдавскую инициативу, но начало нового этапа в двусторонних отношениях по-прежнему зависит от прогресса в реализации основных пунктов СПС [Broich aus Leer 2008, p. 67–68].

Характеризуя СПС, отметим, что это было типовое рамочное соглашение – подобные соглашения Евросоюз заключил в 1994–1998 гг. почти со всеми постсоветскими государствами. Оно не предусматривало вступления страны-подписанта в ЕС, но декларировало установление партнерских отношений между сторонами, развитие сотрудничества в различных сферах (преимущественно в экономических) и готовность ЕС содействовать транзиту партнера к либерально-демократическому порядку. СПС следует рассматривать преимущественно как «декларацию о намерениях», или «дорожную карту», которая в известной степени подразумевала геополитическое самоопределение страны-подписанта и кропотливую работу в приоритетных, прежде всего экономической, областях¹³ [Гудым 2002, с. 31].

---

¹² Постановление Парламента Республики Молдова от 8 февраля 1995 г. № 368-XIII «Об утверждении Концепции внешней политики Республики Молдова» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31355452#pos=5;-106 (дата обращения 13 декабря 2020).

¹³ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Молдовой 1994 г. / Комментар. П.А. Калиниченко [Электронный ресурс] // Кафедра интеграционного и европейского права МПЮА. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-moldovoj-1994-g/> (дата обращения 2 августа 2021).

Сферу МСУ Соглашение напрямую не затрагивало. В этом смысле гораздо важнее, чем заключение СПС, было вступление Молдовы в состав Конгресса местных и региональных властей (Congress of Local and Regional Authorities of Europe, CLRAE) в 1995 г. и подписание 2 мая 1996 г. Европейской хартии местного самоуправления¹⁴ – документа, который, повторим, был принят CLRAE¹⁵ в 1985 г., который определил основные принципы работы органов местного самоуправления и ввел гарантии их политической, административной и финансовой независимости¹⁶.

Ранее, в 1994 г., в молдавское законодательство были введены ключевые документы, регулирующие территориально-политическое устройство страны и процесс децентрализации управления. Это Конституция Республики Молдова¹⁷, а также законы «Об административно-территориальном устройстве РМ» (от 7 декабря 1994 г. № 306)¹⁸, «О местном публичном управлении» (от 7 декабря 1994 г. № 310)¹⁹ и «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери)»²⁰.

---

¹⁴ Вступила в силу 1 февраля 1998 г.

¹⁵ Для обозначения большинства организаций и структур мы используем аббревиатуры, образованные от их русскоязычных названий – ООН, ОБСЕ, СЕ, ВП и т. п. Но применительно к Конгрессу местных и региональных властей Совета Европы мы используем англоязычную аббревиатуру CLRAE в связи с тем, что ее русский аналог – КМРВСЕ – сложен для восприятия.

¹⁶ О ратификации Европейской хартии местного самоуправления (16 июля 1997). Постановление Парламента Республики Молдова № 1253-XIII [Электронный ресурс] // Monitorul Oficial AL RM. 1997. № 48. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=307667&lang=2> (дата обращения 18 января 2021).

¹⁷ Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994. Publicat: 29-03-2016 în Monitorul Oficial Nr. 78 art 140 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=111918&lang=ro (дата обращения 28 ноября 2020).

¹⁸ Lege Nr. 306 din 07.12.1994 privind organizarea administrativ-teritorială a Republicii Moldova. Publicat: 14.01.1994 în Monitorul Oficial Nr. 3–4 art 40. Data intrării în vigoare: 17.03.1997 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=310874&lang=1> (дата обращения 28 ноября 2020).

¹⁹ Lege Nr. 310 din 07.12.1994 privind administrația publică locală. Publicat: 14.01.1995 în Monitorul Oficial Nr. 3–4 art. 43 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=64704&lang=ro (дата обращения 28 ноября 2020).

²⁰ Lege Nr. 344 din 23.12.1994 privind statutul juridic special al Găgăuziei (Gagauz-Yeri). Publicat: 14.01.1995 în Monitorul Oficial Nr. 3–4 art 51 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=311656&lang=1> (дата обращения 28 ноября 2020).

Согласно этим документам, население Молдовы наделялось правом «объединяться в территориальные сообщества... для решения вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью в соответствии с законодательством государства и учетом местных, исторических и иных традиций» [Джорджевич и др. 2019, с. 7].

Также, согласно этим актам:

- местное публичное управление было определено как форма представительной власти, которая организуется населением территориальной единицы для решения местных вопросов в соответствии с Конституцией Республики Молдова (Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 2);
- к административно-территориальным единицам были причислены села (несколько сел получили возможность объединиться, образовав коммуну), города (некоторые города, играющие особенно важную экономическую, политическую или социокультурную роль в жизни страны, получили право на статус муниципия²¹), районы и автономно-территориальное образование (АТО) Гагаузия²² (Конституция РМ, разд. III «Публичные власти», гл. VIII «Публичное управление», ст. 110 «Административно-территориальное устройство»; Закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова, гл. II «Административно-территориальные единицы», ст. 3, 4; Закон «О местном публичном управлении», гл. «Общие положения», ст. 1);
- публичное управление данными административно-территориальными единицами должно было осуществляться в соответствии с принципами местной автономии, децентрализации, выборности местных властей и консультаций с населением административно-территориальной единицы по важнейшим вопросам местного значения (Конституция Республики Молдова, разд. III «Публичные власти», гл. VIII «Публичное управление», ст. 109, 110, 112; Закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова», гл. I «Общие положения», ст. 2, 3; Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 1, ст. 3–1);

---

²¹ Аналогично статусу «город республиканского подчинения» в СССР.

²² Согласно Конституции РМ, «населенным пунктам левобережья Днестра могут быть предоставлены особые формы и условия автономии» (разд. III «Публичные власти», гл. VIII «Публичное управление», ст. 110 «Административно-территориальное управление»).

- за административно-территориальными единицами был закреплён статус юридических лиц, финансово независимых, владеющих собственностью, обладающих правом инициативы в управлении местными публичными делами через органы местного публичного управления (Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 1, ст. 3–2);
- к органам местного публичного управления были причислены сельские (коммунальные), городские (муниципальные), районные советы как правомочные органы власти, примэрии сёл (коммун), городов (муниципиев) и районные исполнительные комитеты, примэры сёл (коммун), городов (муниципиев) и председатели районных исполнительных комитетов как исполнительные органы власти (Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 7–1);
- представительные органы местного публичного управления должны были образовать двухуровневую систему: первый уровень – сельские (коммунальные), городские советы и примэры сёл (коммун), городов, второй – районные советы и председатели районных исполнительных комитетов, муниципальные советы и примэры муниципиев; районные и муниципальные советы должны были координировать деятельность сельских (коммунальных), городских советов, причем отношения между ними должны были выстраиваться в соответствии с принципами автономии, законности и сотрудничества в решении общих вопросов (Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 6, пп. 1–2);
- сельские (коммунальные), городские (муниципальные), районные советы должны были избираться в соответствии с Законом о местных выборах сроком на 4 года (Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 7–2);
- примэрии сёл (коммун), городов (муниципиев), районные исполнительные комитеты должны были избираться соответствующими советами, а примэры сёл (коммун) и городов – в соответствии с Законом о местных выборах (Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 7, пп. 4–5).

Особо отметим, что в Конституции и в законе «О местном публичном управлении» оговаривалось, что перераспределение полномочий центра в пользу местных властей «не может затрагивать унитарный характер государства» (Конституция РМ, гл. VIII «Публичное управление», ст. 109 «Основные принципы местного

публичного управления», п. 3; Закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ст. 5, п. 2).

На первый взгляд все выглядело логично и в целом соответствовало демократическим стандартам. Руководствуясь консультациями Совета Европы, молдавские законодатели постарались привести национальное право в части самоуправления в соответствие с европейской концепцией местной автономии и децентрализации²³.

Однако территориальная организация публичной власти осталась в основном прежней, если не считать некоторых понятийных новаций, а также установления «минимальных условий», необходимых для получения статуса независимой административно-территориальной единицы (не менее 1000 жителей, наличие средств для содержания управленческого корпуса) [Cornea 2018, p. 511].

Что же касается «Закона о публичном управлении», в нем были допущены нестыковки и противоречия, которые впоследствии оказали негативное влияние на реализацию основных функций МСУ.

Во-первых, статус представителей местного самоуправления оказался размытым: они выступали одновременно как персоны, избираемые народом, и как должностные лица, назначаемые вышестоящими властями (гл. I «Общие положения», ст. 7, пп. 4–7).

Во-вторых, положение о координирующей роли районных и муниципальных советов по отношению к сельским (коммунальным) и городским советам поставило последние фактически в подчиненное положение (гл. I «Общие положения», ст. 6–2).

В-третьих, не были четко разграничены полномочия органов местного самоуправления и государственной власти [Pora et al. 2001, p. 294].

В-четвертых, закон не решал проблему финансирования местных властей, которая ставила под сомнение существование местных властных структур в принципе: у муниципалитетов не было собственных ресурсов и они полностью зависели от вливаний из госбюджета; однако, как отмечает С. Корнеа, в условиях сокращения ВВП на две трети и обесценивания национальной валюты государство больше не могло финансировать местные структуры, не способные выжить в рыночных условиях [Cornea 2018, p. 513]. Таким образом, они были обречены на банкротство.

---

²³ *Osadci A.* Decentralisation and local public administration reform in Moldova: Status report. March 2021. P. 5 [Электронный ресурс] // Issue: Digital Publishing Platform. URL: <https://document.issuu.com/210414114627-2ec42d-4b8a5a30866b3aa10eeb29da36/original.file?AWSAccessKeyId=AKIATDDRE5J7XVRGBFFGQ&Expires=1628060208&Signature=taW0GN7oBm6mw9kF3%2FNUtITwp%2Bo%3D> (дата обращения 1 августа 2021).

Деструктивный характер перечисленных недочетов проявился в полной мере после всеобщих местных выборов, которые прошли в Молдове 16 апреля 1995 г.²⁴ Органы местного самоуправления были созданы, но они не получили реальной автономии и финансовой независимости, а потому не могли полноценно функционировать [Pora et al. 2001, p. 295; Cornea 2018, p. 510].

В следующие два года в законы о местном публичном управлении и об административно-территориальном устройстве вносились поправки, а в 1997 г. к пакету документов, на основе которых происходило формирование каркаса МСУ, добавился Кодекс о выборах Республики Молдова [Костаки, Боршевский, Мазур 2011, с. 5]. Кодекс установил порядок, в соответствии с которым примары городов (муниципиев), секторов и сел (коммун) и советники районных, городских (муниципальных), секторальных и сельских (коммунальных) советов должны были избираться сроком на 4 года на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (Кодекс о выборах РМ, разд. V «Местные выборы», ст. 130 «Местные выборы», п. 1). Кроме того, в 1996–1997 гг. появились акты, регулирующие финансовые вопросы и имеющие прямое отношение к сфере местного самоуправления: закон «О бюджетной системе и бюджетном процессе» от 24 мая 1996 г. № 847-XIII и Налоговый кодекс РМ Молдова от 27 апреля 1997 г. № 1163²⁵.

Несмотря на эти нововведения, гибридная система, подразумевающая сосуществование новых и старых элементов самоуправления, разрушена не была.

Стремилась ли к этому инициаторы, организаторы и идеологи реформы?

Мы полагаем, во-первых, что на фоне Приднестровского конфликта, в условиях экономического кризиса и формирования новых государственных структур молдавские властные элиты – на республиканском, региональном и локальном уровнях – проблемы административно-территориальной организации власти и ее местной автономии не воспринимали как первостепенные, а возникшее и быстро углублявшееся противоречие между либерально-демократическими реформами в других сферах и по существу совет-

---

²⁴ Alegeri locale 1995 [Электронный ресурс] // Partide politice din Republica Moldova. URL: <http://www.parties.e-democracy.md/electionresults/1995local/> (дата обращения 12 июля 2021).

²⁵ Секриеру А., Драгомир-Ромару Л. Управление местными публичными финансами: Руководство для местных органов власти. Кишинэу: Ин-т развития и социальных инициатив (ИРСИ) «Viitorul», 2015. С. 12, 14.

ской системой в сфере МСУ не считали критически значимым для молодой молдавской государственности [Cornea 2018, p. 514]. Усвоение европейских норм в процессе реформирования государственных и общественных институтов Молдовы происходило в 1990-е гг. в значительной степени в режиме имитации.

Пример Молдовы в данном случае далеко не уникален. Демократический транзит во всех постсоветских государствах в 1990-е гг. носил во многом «фасадный», или имитационный, характер: формирование новых институтов (в том числе института МСУ) происходило путем механического переноса на постсоветскую почву тех норм и принципов, которые воспринимались как «правильные», либерально-демократические. Они либо вообще не могли прижиться на постсоветской почве по ряду причин (отсутствие гражданского общества, трудное развития политического плюрализма, формирование политических элит, для которых власть была в первую очередь формой бизнеса, и т. п.), либо приживались в течение долгого времени, претерпевая значительные трансформации.

Ряд молдавских исследователей склонен считать, что Конституция РМ 1994 г. и Европейская хартия местного самоуправления, а также и другие международные соглашения, подписанные руководством страны в середине 1990-х гг., служили только ширмой, которая помогала создать видимость принятия Молдовой европейских демократических ценностей [Cornea 2018, p. 512].

Объявляя о своей приверженности принципам регионализации и деконцентрации власти²⁶, о готовности следовать рекомендациям европейских экспертов и выполнять условия соглашений с евроструктурами, молдавские власти поступали в соответствии с теорией формальной структуры, описанной Дж. Мейером и Б. Роуэном²⁷. Молдавское государство выступало в роли «организации», которая внедряла в свои формальные структуры элементы институционального окружения (европейские принципы регионализации и деконцентрации), но делала это не потому, что эти элементы казались ей эффективными, а потому, что они были легитимиро-

---

²⁶ То есть постепенного делегирования компетенций центра органам местной власти.

²⁷ Перевод на русский язык см.: Мейер Дж., Роуэн Б., Чириков И.С., Юдин Г.Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1. С. 43–67 [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizirovannye-organizatsii-formalnaya-struktura-kak-mif-i-tseremonial> (дата обращения 3 июля 2021).

ваны в институциональной «европейской» среде (присущи «цивилизованному», «демократическому» государству) и гарантировали признание этой среды. Ценность внедряемых элементов определялась исходя из чисто церемониальных критериев, а не их работоспособности и особенно адекватности молдавскому внутривнутриполитическому процессу [Ваславский, Габуев 2016, с. 65].

Кроме того, необходимо принять во внимание сложность положения Молдовы: на протяжении 1990-х гг. страна оставалась под угрозой распада. В этих условиях сохранение советской централизованной системы воспринималось как гарантия сохранения целостности РМ, тогда как регионализация и децентрализация власти расценивались в лучшем случае как повод к многоуровневому переделу власти и резкому повышению политической турбулентности, а в худшем – как фактор дезинтеграции страны (что не было лишено оснований)²⁸.

Именно поэтому представители TACIS были очень осторожны в оценке реформы молдавской системы МСУ и выражали убежденность в том, что преобразования в целом и особенно передел зон ответственности между республиканскими и местными властями требуют от руководства страны большой осторожности, дабы избежать этнизации муниципального вопроса и повышения его конфликтности²⁹. Эти же соображения использовались в качестве оправдания малой результативности, которую демонстрировали проведенные в стране преобразования: эксперты TACIS указывали на то, что к началу нового тысячелетия Кишиневу удалось достичь лишь «незначительного прогресса» в области местного самоуправления, но эта оценка не являлась негативной³⁰.

Оценки CLRAE были аналогичными. Поскольку ключевым направлением деятельности этой организации является мониторинг «состояния местной и региональной демократии в государствах-членах Совета на предмет соблюдения Европейской хартии местного самоуправления»³¹, после ее ратификации Молдовой

---

²⁸ Особенно если учесть, что, помимо Приднестровья и Гагаузии, в Молдове были и другие проблемные области, где молдаване не составляли большинство населения, – например, Северная Молдавия или Бессарабский, Кагульский и Тараклийский районы на юге [Путинцев 2018, с. 68].

²⁹ Evaluation of TACIS Country Strategy in Moldova... P. 85.

³⁰ Ibid.

³¹ Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (КМР-ВСЕ) [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/crosswork/dep/86/> (дата обращения 1 марта 2021).

Конгресс подключился к анализу молдавской реформы системы МСУ и трижды – в 1998, 2000 и 2002 гг. – составлял рекомендации (№ 38, 84, 110) и выносил резолюции (№ 59, 103, 132), которые в основном перекликались с оценками и рекомендациями экспертов TACIS.

*Молдавская система МСУ в конце 1990-х гг.
«Реформа децентрализации»*

В истории формирования молдавской системы местного самоуправления особое значение имеют последние годы XX в. – 1998–2000. В 1998 г. вступает в силу СПС между РМ и Евросоюзом, и Молдова официально приобретает статус «партнера ЕС для ведения полноценного политического диалога и укрепления правового и экономического сотрудничества» [Гудым 2002, с. 20]. С этого времени, несмотря на сохраняющуюся политическую нестабильность в РМ, европейская интеграция становится «доминирующей темой политических выступлений Кишинева» и «высшим стратегическим ориентиром» страны, что находит отражение в официальных документах, прежде всего в Правительственных программах (см. ниже) [Андриеш 2013, с. 17; Кириллов, Путинцев 2012, с. 27], авторы которых придают евроинтеграционной стратегии более конкретные очертания. Одной из основных причин повышения значимости европейского вектора в политике Молдовы стал российский дефолт 1998 г. [Кириллов, Путинцев 2012, с. 27].

Считается, что наиболее активно и отчетливо проевропейские симпатии Молдовы артикулировались в 1998–1999 гг., в период доминирования в парламенте Альянса за демократию и реформы и работы правительства Иона Стурзы. После отставки последнего и формирования кабинета Дмитрия (Думитру) Брагиша произошла корректировка внешнеполитического курса Молдовы, которая подразумевала активизацию молдо-российского взаимодействия. Однако мы убеждены, что «европейское» направление молдавской внешней политики осталось приоритетным для РМ вне зависимости от ротации властных элит.

Это подтверждает очередной этап реформирования системы МСУ.

Намерение продолжить преобразования системы местного самоуправления в тесном сотрудничестве с ЕС было зафиксировано в принятой в апреле 1999 г. Программе деятельности Правительства Республики Молдова на 1999–2002 гг. (она же Программа деятельности Правительства Иона Стурзы) «Главенство законов,

оживление экономики, *интеграция в европейские структуры*» (курсив мой. – Е. К.).

В главе III «Реформирование публичного сектора» было указано, что в период действия Программы «правительственные усилия будут сконцентрированы на следующих основных направлениях: публичное управление, социальная политика, региональная политика и обеспечение правопорядка»³². В документе было зафиксировано также, что Правительство Молдовы намерено повысить эффективность центрального и местного публичного управления (разд. А), для чего ставит перед собой следующие цели:

- рационализировать структуру и функции органов публичного управления; создать механизм подбора и продвижения кадров исключительно на основе открытого конкурса, защищенного от политического вмешательства и групповых интересов (п. 1);
- устранить вмешательство государства в деятельность, которая может более эффективно осуществляться частным сектором, или передать некоторые функции негосударственным публичным учреждениям (п. 3);
- усилить роль независимой юридической системы, способствовать проведению судебно-правовой реформы, привести законодательство в соответствие с международными стандартами и финансово-экономическими возможностями республики (п. 4)³³.

Также в разделе «Территориально-административная реформа и региональная политика» было указано, что руководство Республики Молдова планирует предоставить «реальную автономию местным органам в управлении публичной деятельностью территорий путем децентрализации государственного бюджета, установления четких прав на местную публичную собственность, создания предпосылок для пополнения доходной части местных бюджетов» (п. 1)³⁴.

В данном случае важна не декларация территориально-административных преобразований и реформы местного публичного управления, а то, что преобразования и реформа были официально

---

³² Программа деятельности Правительства Республики Молдова на 1999–2002 гг. «Главенство законов, оживление экономики, интеграция в европейские структуры» (Постановление Правительства Республики Молдова № 270 от 8 апреля 1999). С. 6 [Электронный ресурс] // Ассоциация Демократии Участия «ADEPT». URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/program-activitate-guvern-moldova-1999-2002-ru.pdf> (дата обращения 1 марта 2021).

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Там же. С. 11.

помещены в контекст «интеграции в европейские структуры», т. е. расценивались как средство приближения к европейским стандартам и способ присоединения к «европейской семье».

В новой Программе Правительства Республики Молдова «Законность, консолидация и реформы – на благо нации» (она же Программа действий Правительства Думитру Брагиша) (одобрена в январе 2000 г.) европейская интеграция была вновь обозначена как стратегическая цель РМ (хотя авторы Программы и сочли необходимым оговориться, что, стремясь к «интеграции страны в международное сообщество и в первую очередь в европейские структуры», руководство Молдовы намерено сохранить «традиционные отношения с государствами СНГ»)³⁵, и достичь ее кабинет Д. Брагиша намеревался в основном теми же методами, что и правительство И. Стурзы.

Так, в разделе «Местное управление» было указано, что «государственная политика в области местного публичного управления будет основываться на принципе, по которому соответствующая группа людей или коллектив независимо решают свои проблемы, действуя в рамках плюралистического демократического общества, базирующегося на соблюдении закона и общих прав человека»³⁶. Правительство Д. Брагиша намеревалось:

- создать законодательную базу и специфические механизмы для обеспечения автономии местных публичных органов;
- повысить эффективность проведения территориально-административной реформы;
- идентифицировать и передать местное публичное имущество в управление местных публичных органов;
- произвести децентрализацию государственного бюджета;
- обеспечить местные, муниципальные и уездные советы финансовыми ресурсами адекватно их компетенциям и ответственности;
- отказаться от административных методов контроля деятельности органов местного публичного управления, ограничиваясь лишь контролем соблюдения ими действующего законодательства³⁷.

---

³⁵ Постановление об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Молдова «Законность, консолидация и реформы – во благо нации» (№ 20 от 11 января 2000 г.) [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: https://www.legis.md/UserFiles/Image/RU/Guvern/2001/programa_HG%2520Nr_%2520%2520din%252011_01_2000_ru.docx & c=d=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения 15 ноября 2020).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Получение статуса партнера ЕС означало выполнение определенных обязательств. В рамках намеченных программами правительств направлений реформ Молдова должна была пересмотреть обязанности местных органов власти, четко определить их компетенции, сделать все возможное для достижения «баланса ответственности» между центральными и местными органами управления, сократить штат чиновников и т. п. Финансирование реформ отчасти осуществлялось за счет средств ТАСИС (в 1995–1999 гг. РМ было предоставлено в рамках данной программы 10,8 млн экю на продолжение преобразований в сфере МСУ)³⁸.

В 1998–2000 гг. Молдова получила пакет законов, опирающихся на европейские принципы регионализации и автономии местных властей [Conea 2012, p. 73]:

- «О местном публичном управлении» (от 6 ноября 1998 г. № 186–XIV)³⁹;
- «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» (от 12 ноября 1998 г. № 191–XIV)⁴⁰;
- «О местных публичных финансах» (от 9 июля 1999 № 491–XIV)⁴¹;
- «О публичной собственности административно-территориальных единиц» (от 16 июля 1999 г. № 523–XIV)⁴²;

---

³⁸ Ibid. P. 37, 38.

³⁹ Lege Nr. 186 din 06.11.1998 privind administrația publică locală. Publicat: 12.02.1999 în Monitorul Oficial Nr. 014. Promulgat: 20.11.1998. Data intrării în vigoare: 12.02.1999 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=310866&lang=1> (дата обращения 4 января 2021).

⁴⁰ Lege Nr. 191 din 12.11.1998 privind organizarea administrativ-teritorială a Republicii Moldova. Publicat: 30.12.1998 în Monitorul Oficial Nr. 116. Data intrării în vigoare: 30.12.1998 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=310818&lang=1> (дата обращения 4 января 2021).

⁴¹ Lege Nr. 491 din 09.07.1999 privind finanțele publice locale. Publicat: 16.09.1999 în Monitorul Oficial Nr. 101. Promulgat: 08.09.1999. Data intrării în vigoare: 16.09.1999 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=310886&lang=1> (дата обращения 4 января 2021).

⁴² Закон Республики Молдова от 16 июля 1999 г. № 523-XIV «О публичной собственности административно-территориальных единиц» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3237 (дата обращения 4 января 2021).

- «Об утверждении Типового положения о функционировании местных и уездных советов» (от 29 июля 1999 г. № 554–XIV)⁴³;
- «О статусе местного выборного лица» (от 2 февраля 2000 г. № 768–XIV)⁴⁴.

Новые преобразования известны как «реформа децентрализации». Наибольший интерес в данном контексте представляют законы «О местном публичном управлении» и «Об административно-территориальном устройстве РМ», в соответствии с которыми

- районы были заменены уездами, или жудецами⁴⁵, т. е. теперь основными элементами административно-территориальной структуры Молдовы стали уезды, города и села (Закон «Об административно-территориальном устройстве РМ», гл. II «Административно-территориальные единицы», ст. 4, п. 1);
- было произведено укрупнение основных административно-территориальных единиц: 40 районов заменили 9 уездов (в 1999 г. уездов стало 10), столичный муниципий Кишинэу и АТО Гагаузия-Ери; путем слияния небольших населенных пунктов удалось сократить количество сел (коммун);
- был подтвержден автономный статус Гагаузии, а некоторые населенные пункты Приднестровья могли получить особые формы и условия автономии (Закон «Об административно-территориальном устройстве РМ», гл. II «Административно-территориальные единицы», ст. 4, пп. 2, 3);
- было введено двухуровневое административно-территориальное устройство Республики Молдова: села (коммуны) и города (муниципии) составили первый уровень, а уезды, АТО Гагаузия и муниципий Кишинэу – второй (Закон «Об административно-территориальном устройстве РМ», гл. II «Административно-территориальные единицы», ст. 4, п. 4);

⁴³ Lege Nr. 554 din 29.07.1999 pentru aprobarea Regulamentului-cadru privind funcționarea consiliilor locale și județene. Publicat: 09.09.1999 în Monitorul Oficial. Nr. 98 art. 585. [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=310889&lang=1> (дата обращения 4 января 2021).

⁴⁴ Lege Nr. 768 din 02.02.2000 privind statutul alesului local. Publicat: 24.03.2000 în Monitorul Oficial. Nr. 34 art. 231 [Электронный ресурс] // Ministerul Justiției. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=311725&lang=1> (дата обращения 4 января 2021).

⁴⁵ Отметим, что закон «Об административно-территориальном устройстве» был принят по инициативе право-правоцентристской парламентской коалиции «Альянс за Демократию и Реформы» (АДР) («Alianța pentru Democrație și Reforme») [Костаки, Боршевский, Мазур 2011, с. 8]. Этот шаг вызвал шквал критики, в основном исходившей от левых [Макухин 2017, с. 133].

- была введена должность префекта – представителя молдавского правительства на местном уровне и администратора территориальных общественных служб министерств, департаментов, других центральных отраслевых органов, созданных в административно-территориальных единицах⁴⁶ (закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ч. 1 «Основные понятия и принципы», ст. 1);
- были определены основные составляющие местных бюджетов, прояснена бюджетная система административно-территориальных единиц (закон «О местных публичных финансах», гл. II «Бюджетная система административно-территориальных единиц»);
- были детализированы основные понятия из сферы МСУ (местное публичное управление, местная автономия, местный совет, местное публичное имущество, местные публичные финансы и др.) (закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ч. 1 «Основные понятия и принципы», ст. 1; закон «О местных публичных финансах», гл. I «Общие положения», ст. 1-2);
- была произведена попытка уточнить компетенции органов МСУ первого (сел и городов) и второго (район, столичный муниципий, АТО, административно-территориальные единицы, обладающие особым статусом) уровней (закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ч. 2 «Разделение компетенций», ст. 1).

В новом законе «О местном публичном управлении» вновь было зафиксировано, что реализация местного самоуправления не нарушает унитарности молдавского государства (закон «О местном публичном управлении», гл. I «Общие положения», ч. 1 «Основные понятия и принципы», ст. 3, п. 2).

«Реформа децентрализации» была направлена на решение следующих задач:

- упорядочение, модернизация и повышение эффективности управления территориальными сообществами;
- в перспективе – включение территориальных сообществ в проекты трансрегионального сотрудничества⁴⁷ (с Украиной, Румынией и др.);

---

⁴⁶ Важно отметить, что местные органы самоуправления не считались подчиненными префекту [Костаки, Боршевский, Мазур 2011, с. 8].

⁴⁷ Основные надежды были связаны с жудецами, при организации которых учитывалось наличие конкурентоспособных промышленных предприятий и развитой инфраструктуры [Cornea 2018, p. 515].

- амортизация процессов деконцентрации власти при помощи создания института посредника (префекта) между местной и центральной публичной властью;
- усиление территориальной сплоченности (как инструмент нацестроительства);
- экономия бюджетных средств за счет выстраивания адекватной системы финансирования органов МСУ и перехода местных властей на самообеспечение, а также за счет существенного (на 25–30%) сокращения административного аппарата [Corgnea 2018, p. 505, 516].

Оценивая реформу, следует сразу указать на то, что она проводилась в неблагоприятных внешнеэкономических условиях (влияние российского дефолта) и была свернута через очень короткое время – уже в 2001–2002 гг. За столь короткий срок позитивные результаты проявиться не могли. Зато стали видны недостатки и просчеты.

Во-первых, несмотря на то что к изменению административно-территориальной системы готовились довольно серьезно, при поддержке европейских экспертов, все же были допущены ошибки, касавшиеся размеров новых единиц: одни уезды оказались в разы больше других – и по размеру территории, и по численности населения, и по количеству административных единиц первого уровня [Corgnea 2018, p. 516]. Кроме того, при ликвидации одних и образовании новых единиц в расчет не принимались историко-культурные и хозяйственные связи территорий, не учитывалось и мнение населения [Corgnea 2018, p. 519]. Нежелание властей учитывать этноисторические особенности прежнего административно-территориального деления привело к ряду инцидентов, самым известным из которых стал «Тараклийский казус»⁴⁸.

---

⁴⁸ Тараклийский район, один из самых маленьких в Молдавии, находится на юге страны и населен в основном этническими болгарами (кроме них, в районе проживают молдаване, гагаузы, украинцы, русские и представители других народов, но болгары составляют большинство). В 1940–1980 гг. район неоднократно менял принадлежность и границы, а во время реформы 1998 г. было решено вообще ликвидировать его. В 1999 г. территория Тараклийского района вошла в состав Кагульского уезда. Однако болгарская община потребовала от Кишинева отмены этого решения. Чтобы не усугублять конфликт, центр был вынужден пойти на уступки и создать Тараклийский уезд. Примечательна реакция CLRAE: Конгресс выразил удовлетворенность «тем, что дискуссия в отношении бывшего Тараклийского района завершилась созданием нового региона наряду с девятью другими, учрежденными в соответствии с законом об административно-территориальном делении; это явный признак стремления властей

Во-вторых, при подготовке реформы не была достаточно тщательно проанализирована совместимость новых законов с Конституцией РМ, региональным правом и международно-правовыми документами, подписанными Кишиневом. Реализация законов «Об административно-территориальном устройстве РМ» и «О местном публичном управлении» привела к конфликту между центром и Гагаузией, в который пришлось вмешаться Совету Европы и Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия)⁴⁹. В частности, возмущение гагаузов было связано с назначением в АТО префекта – лица, представляющего правительство, обязанного руководить территориальными службами министерств и департаментов, надзирать за соблюдением республиканского законодательства, постановлений правительства РМ и нормативных актов центральных отраслевых органов. Это было справедливо расценено как нарушение автономии Гагаузии.

В-третьих, «реформа децентрализации» показала, что молдавские политики и чиновники подошли к ней во многом формально, что было обусловлено как нежеланием ослаблять центральную власть, так и отсутствием опыта проведения подобных преобразований [Cornea 2018, p. 519]. В полной мере это продемонстрировал институт префектуры, учреждение которого должно было смягчить процесс деконцентрации властных полномочий центра. На деле же деконцентрация осуществлялась зачастую не в виде передачи функций республиканских властей местным администрациям, а в виде сосредоточения многих государственных служб в столицах новообразованных уездов [Cornea 2018, p. 517–518].

В-четвертых, несмотря на то что территориально-административная реформа и реформа МСУ рассматривались как инструмент общего оздоровления экономики, процессы децентрализации и

Молдовы к соблюдению прав национальных меньшинств и свидетельство усилий, предпринимаемых для развития плюралистической демократии на региональном уровне». См.: Рекомендация 84 (2000) о региональной демократии в Молдове [Электронный ресурс] // Council of Europe. URL: https://rm.coe.int/-/84-2000-1-/1680719885#P12_34 (дата обращения 1 июля 2021).

⁴⁹ Draft opinion on the questions raised concerning the conformity of the laws of the Republic of Moldova on local administration and administrative and territorial organisation to current legislation governing certain minorities. Based on comments by K. Tuori, G. Malinverni, F. Matscher. Strasbourg, 21 September 1999. P. 2 [Электронный ресурс] // European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL\(1999\)050-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL(1999)050-e) (дата обращения 21 мая 2021).

деконцентрации не сопровождалась их адекватным финансированием. Преувеличенными оказались и ожидания, связанные со способностью местных властных структур покрывать свои расходы за счет собственных средств [Cornea 2018, p. 516–518].

Заключение

Реформы в области местного самоуправления осуществлялись в постсоветской Молдове на фоне высокой политической турбулентности – борьбы между исполнительной и законодательной властью, неоднократных изменений в составе правительства и в конфигурациях альянсов и союзов в парламенте⁵⁰, «зависания» Молдовы между президентской и парламентской республикой, между идеологиями молдовенизма, унионизма, европеизма и интернационализма, политический дискурс которых также оставался весьма изменчивым и неоднородным, и т. п. [Путинцев 2018, с. 141–146].

Конечной целью реформы было окончательное разрушение унаследованной от Молдавской ССР «старомодной и неэффективной» системы управления и формирование новой, отвечающей задачам выстраивания рыночной экономики, гражданского общества и евроинтеграции РМ [Cornea 2015, с. 269; Костаки, Боршевский, Мазур 2011, с. 8; Pora et al. 2001, p. 295–296].

Однако, оценивая результаты преобразований, приходится согласиться с А. Гудымом и С. Корнеа, указывающими на то, что реформы 1990-х гг. носили в целом скорее декоративный характер [Гудым 2002, с. 25; Cornea 2018, p. 510].

Можно выделить целый комплекс факторов, обусловивших неэффективность реформ МСУ: и отсутствие у ее инициаторов четких представлений о способах достижения поставленных целей, и отсутствие средств, и, разумеется, внутривластные конфликты и противоречия – от этнотерриториальных (конфликт в Приднестровье, проблема Гагаузии) до политико-мировоззренческих (проблемы молдовенизма и унионизма). Но по большому счету, главным препятствием стало то, что для официального Кишинева регионализация и автономизация местных властей была категорически невыгодна. Как объясняет А. Макухин, «любая централиза-

---

⁵⁰ Брутер В. Политические процессы в Молдове в 1988–2003 гг. [Электронный ресурс] // Международный институт гуманитарно-политических исследований. URL: http://www.igpi.ru/bibl/igpi_publ/moldova-brooter.html (дата обращения 12 июля 2021).

ция – очень хороший инструмент влияния, а что наиболее важно для крайне нестабильной политической и электоральной системы Молдовы – это важнейший инструмент мобилизации электората. С политической точки зрения отдать этот инструмент мобилизации избирателей очень опасно и, без сомнения, не выгодно для многих молдавских политических сил» [Макухин 2017, с. 136].

Учитывая специфику внешнеполитического курса Молдовы в начале и середине 1990-х гг., вряд ли можно утверждать, что в это время преобразования в сфере МСУ уже воспринимались властными элитами (даже их проевропейски настроенной частью) как элемент продуманной модернизационной программы, нацеленной в краткосрочной перспективе на приближение к «европейским стандартам», а в среднесрочной – на «европейскую интеграцию» страны (такой программы просто не было).

Однако к концу первого десятилетия суверенного существования Молдовы наметилась тенденция к встраиванию реформы местного самоуправления в проводимую официальным Кишиневом общую политику сближения с Евросоюзом. В дальнейшем эта тенденция превратится в стратегию молдавского руководства (в достаточной степени независимую от идеологических и внешнеполитических колебаний тех сил, которые в разное время выполняли роль руководства Республики Молдова).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «30 лет СНГ: трансформационные процессы на постсоветском пространстве в глобальном и региональном измерении» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

This work was supported by the Russian State University for the Humanities project “30th Anniversary of the CIS. Global and Regional Dimension of Transformation Processes in the Post-Soviet Space” (“RSUH Project Research Teams” Award).

Литература

Авчухова, Белов 2006 – Авчухова А.А., Белов Г.А. Процессы европейской регионализации как объект управления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21 «Управление (государство и общество)». 2006. № 1. С. 81–96.

- Андриеш 2013 – *Андриеш В.* Детерминанты евроинтеграции Молдовы после распада Советского Союза // Восточное партнерство: цели – опыт – вызовы. Анализ процесса имплементации в государствах, охваченных программой / Под ред. П. Байора. Краков: Księgarnia Akademicka, 2013. С. 9–18.
- Артемов 1999 – *Артемов В.Н.* Местное самоуправление в советской и постсоветской России: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 1999. 177 с.
- Бабичев 2004 – *Бабичев И.В.* Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра // Полития. 2004. № 1. С. 70–88.
- Бутырина 2010 – *Бутырина М.В.* Местное самоуправление – основа формирования гражданского общества // Вестник Ивановского гос. энергет. ун-та. 2010. Вып. 1. С. 1–5.
- Ваславский, Габуев 2016 – *Ваславский Я.И. Габуев С.В.* Неинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО-Ун-та. 2016. № 6 (51). С. 60–75.
- Грицун 2018 – *Грицун И.В.* О роли местного самоуправления в Европе // Местное право. 2018. № 3. С. 133–140.
- Гудым 2002 – *Гудым А.* Республика Молдова и Европейский Союз как партнеры. Кишинев: Центр стратег. исслед. и реформ, 2002. 68 с.
- Джорджевич и др. 2019 – *Джорджевич А., Серегин А.В., Черкасова М.А., Милькина И.В.* Особенности построения моделей местного самоуправления в современных славянских государствах // Управление. 2019. № 3. С. 5–11.
- Ешинимаева 2005 – *Ешинимаева Е.Т.* Местное управление и самоуправление в государствах Восточной Европы в условиях переходного периода (конец XX – начало XXI века): Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Росс. ун-т дружбы народов, 2005. 206 с.
- Кириллов, Путинцев 2012 – *Кириллов В.Б., Путинцев И.С.* Отношения Молдавии и ЕС в 1998–2012 гг. // Вестник МГИМО-Ун-та. 2012. № 6 (27). С. 26–33.
- Костаки, Боршевский, Мазур 2011 – *Костаки Г., Боршевский А., Мазур В.* Местное самоуправление в Молдове // Закон и жизнь. 2011. № 5. С. 4–13.
- Макухин 2017 – *Макухин А.* Реформа административно-территориального деления и местного самоуправления в Республике Молдова: между институциональной теорией и политической практикой // Eastern Review. 2017. Т. 6. С. 129–141.
- Маммадов 2017 – *Маммадов М.М.* Особенности модернизации постсоветских политических режимов. Дис. ... канд. полит. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2017. 180 с.
- Путинцев 2018 – *Путинцев И.С.* Особенности внутриполитического развития Молдавии в постсоветский период (1991–2016 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО, 2018. 326 с.
- Рысаева 2016 – *Рысаева Э.И.* Между централизацией и регионализацией: развитие муниципальной демократии в современной Европе // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2016. № 4 (132). С. 54–57.
- Черкасов 2016 – *Черкасов А.И.* Местное управление в системе многоуровневого правления Европейского союза // Тр. Ин-та государства и права Российской академии наук. 2016. № 2 (54). С. 149–174.

- Broich aus Leer 2008 – *Broich aus Leer M.J.W.* Der Wandel der Beziehungen zwischen der Europäischen Union und der Republik Moldau im Kontext der EU-Erweiterungspolitik: Diss. ... Dr. sc. pol. Essen: Universität Duisburg-Essen, 2008. 320 p.
- Cornea 2012 – *Cornea S.* Evoluția delimitării teritorial-administrative a Republicii Moldova: de la centralizare la recentralizare // *Caietul Științific* 5/2011. Sesiune de comunicări științifice, 29–30 octombrie 2011. Chișinău: Institut de Științe Administrative din Rep. Moldova, 2012. Pp. 71–78.
- Cornea 2015 – *Cornea S.* The Consequences of the Soviet Model of the Territorial Organization of Local Authorities in the Republic of Moldova: Until when? // *Journal of Danubian Studies and Research*. 2015. Vol. 5. № 1. P. 264–273.
- Cornea 2018 – *Cornea S.* Continuitate și discontinuitate în reformarea organizării teritoriale a puterii locale din Republica Moldova // *Reconstituiri istorice: Civilizație, valori, paradigme, personalități: In onorem academician Valeriu Pasat* / Ed. by C. Manolache, I.V. Xenofontov, S. Corlăteanu-Granciuc. Chișinău: Biblioteca Științifică (Institut) “A. Lupan”, 2018. P. 504–546.
- Popa et al. 2001 – *Popa V., Munteanu I., Chiriac L., Mocanu V.* Local Government in Moldova // *Stabilization of Local Governments* / Ed. By Emilia Kandeva. Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative, Open Society Institute, 2001. 472 p.
- Roper 2008 – *Roper S.D.* Post-Soviet Moldova's National Identity and Foreign Policy // *Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union* / Ed. by O. Schmidtke, S. Yekelchik. L.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 79–96.

References

- Andriesh, V. (2013), “Determinants of Moldova’s European integration after the dissolution of the Soviet Union”, in Baior, P. (ed.), *Vostochnoe partnerstvo: tseli – opyt – vyzovy. Analiz protsessa implementatsii v gosudarstvaakh, okhvachennykh programmoi* [Eastern Partnership. Aims – experience – challenges. Implementation analysis concerning Programme countries], Księgarnia Akademicka, Kraków, Poland, pp. 9–18.
- Artemov, V.N. (1999), *Mestnoe samoupravlenie v sovetskoj i postsovetskoj Rossii: sravnitel’nyi analiz* [Local government in Soviet and post-Soviet Russia. Comparative analysis], Ph.D. Thesis, Saratovskii gos. universitet im. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.
- Avchukhova, A.A. and Belov, G.A. (2006), “European regionalization processes as an object of management”, *Moscow University Bulletin, Series 21, Public Administration*, no. 1, pp. 81–96.
- Babichev, I.V. (2004), “Local government. Yesterday, today, tomorrow”, *Politeia*, no. 1, pp. 70–88.
- Broich aus Leer, M.J.W. (2008), *Der Wandel der Beziehungen zwischen der Europäischen Union und der Republik Moldau im Kontext der EU-Erweiterungspolitik*, Ph.D. Thesis, Universität Duisburg-Essen, Germany.
- Butyrina, M.V. (2010), “Local government – basis for the civil society formation”, *Vestnik of the Ivanovo State Power Engineering University*, iss. 1, pp. 1–5.

- Cherkasov, A.I. (2016), "Local government in the system of multilevel governance of the European Union", *Proceedings of the Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences*, no. 2 (54), pp. 149–174.
- Cornea, S. (2012), "Evoluția delimitării teritorial-administrative a Republicii Moldova: de la centralizare la recentralizare", in *Caietul Științific 5/2011. Sesiune de comunicări științifice, 29–30 octombrie 2011*, Institut de Științe Administrative din Rep. Moldova, Chișinău, Moldova, pp. 71–78.
- Cornea, S. (2015), "The Consequences of the Soviet Model of the Territorial Organization of Local Authorities in the Republic of Moldova: Until when?", *Journal of Danubian Studies and Research*, vol. 5, no. 1, pp. 264–273.
- Cornea S. (2018), "Continuitate și discontinuitate în reformarea organizării teritoriale a puterii locale din Republica Moldova", in Manolache, C., Xenofontov, I.V. and Corlăteanu-Granciuc, S. (eds.), *Reconstituiri istorice: Civilizație, valori, paradigme, personalități: In onorem academician Valeriu Pasat*, Biblioteca Științifică (Institut) "A. Lupan", Chișinău, Moldova, pp. 504–546.
- Dzhordzhevich, A., Seregin, A.V., Cherkasova, M.A. and Mil'kina, I.V. (2019), "Specyfics of construction of local self-government models in the modern slavic states", *Management*, no. 3, pp. 5–11.
- Eshinimaeva, E.T. (2005), *Mestnoe upravlenie i samoupravlenie v gosudarstvakh Vostochnoi Evropy v usloviyakh perekhodnogo perioda (konets XX – nachalo XXI veka)* [Local government and self-government in the countries of Eastern Europe in the transition period (the late 20th – the early 21st century)], Ph.D Thesis, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.
- Gritsun, I.V. (2018), "The role of local authorities in Europe", *Local law*, no. 3, pp. 133–140.
- Gudym, A. (2002), *Respublika Moldova i Evropeiskii Soyuz kak partner* [Republic of Moldova and European Union as partners], Tsentr strategicheskikh issledovaniy i reform, Chisinau, Moldova.
- Kirillov, V.B. and Putintsev, I.S. (2012), "The Relations Between Moldova and the EU in 1998–2012", *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (27), pp. 26–33.
- Kostaki, G., Borshevskii, A. and Mazur, V. (2011), "Local government in Moldova", *Law and life*, no. 5, pp. 4–13.
- Makukhin, A. (2017), "Reform of the administrative-territorial division and local government in the Republic of Moldova. Between institutional theory and political practice", *Eastern Review*, vol. 6, pp. 129–141.
- Mammadov, M.M. (2017), *Features of the modernization of post-Soviet political regimes*, Ph.D. Thesis, Moscow Region State University, Moscow, Russia.
- Popa, V., Munteanu, I., Chiriac, L. and Mocanu, V. (2001), "Local Government in Moldova", in Kandeva, E. (ed.), *Stabilization of Local Governments*, Local Government and Public Service Reform Initiative, Open Society Institute, Budapest, Hungary.
- Putintsev, I.S. (2018), *Osobennosti vnutripoliticheskogo razvitiya Moldavii v postsovetskii period (1991–2016 gg.)* [Special characteristics of the Moldova internal political development in the post-Soviet period (1991–2016)], Ph.D. Thesis, MGIMO, Moscow, Russia.
- Roper, S.D. (2008), "Post-Soviet Moldova's National Identity and Foreign Policy", in Schmidtke, O. and Yekelchik, S. (eds.), *Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova,*

- and Ukraine between Russia and the European Union*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 79–96.
- Rysaeva, E.I. (2016), “Between centralization and regionalization. Development of municipal democracy in modern Europe”, *Economics and Management: Research and Practice Journal*, no. 4 (132), pp. 54–57.
- Vaslavskii, Ya.I. and Gabuev, S.V. (2016), “Neo-institutional approach as a methodological basis for e-government research”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (51), pp. 60–75.

Информация об авторе

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; kosovan.ea@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kosovan.ea@rggu.ru

УДК 325.1

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-86-101

Основные этапы становления украинской диаспоры в США

Ольга А. Пылова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olga.pylova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена эмиграции украинцев в США и формированию в этой стране украинской диаспоры. Эмиграция с этнических украинских территорий началась в конце XIX в. и продолжается до сих пор. Согласно общепринятой периодизации, выделяют пять волн эмиграции (до 1914 г., 1914–1945 гг., 1945–1986 гг., 1986–2014 гг., после 2014 г.) и, соответственно, пять этапов формирования диаспоры. Как показывает исследование, этапы или волны эмиграции из Украины во многом совпадают с миграционными процессами, протекавшими в Российской империи, в Советском Союзе и, наконец, на постсоветском пространстве, однако существует и ряд отличий, нуждающихся в осмыслении. Проблемы диаспоры часто были сопряжены с вопросами самоопределения эмигрантов, формирования их идентичности, а также политики государства-реципиента. За время существования диаспоры в ее структуре были образованы политические, социальные, образовательные и другие организации, причем процессы диаспоральной институционализации различались в зависимости от конкретного исторического периода. В контексте продолжения очередного этапа украинской эмиграции в США и эволюции диаспоры в наши дни особую актуальность приобретает историко-генетическое исследование переселения украинцев за океан и становления диаспоральной структур.

Ключевые слова: волны эмиграции, украинская эмиграция, украинская диаспора, реэмиграция, идентичность диаспоры, эмиграция в США

Для цитирования: Пылова О.А. Основные этапы становления украинской диаспоры в США // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 86–101. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-86-101

© Пылова О.А., 2021

The main stages of the formation of the Ukrainian diaspora in the United States

Ol'ga A. Pylova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, olga.pylova@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on the emigration of Ukrainians to the US and the formation of a Ukrainian diaspora there. Emigration from ethnic Ukrainian territories began at the end of the nineteenth century and has continued to the present day. The generally accepted periodisation considers five waves of emigration (before 1914, 1914–1945, 1945–1986, 1986–2014 and after 2014) and therefore five stages of the diaspora formation. As the study shows, the stages or waves of emigration from Ukraine largely coincide with the migration processes in the Russian Empire, the Soviet Union and finally in the post-Soviet space, but there are also a number of differences that need to be understood. The diaspora issues were often linked to issues of emigrant self-determination, identity formation as well as the policies of the recipient state. Political, social, educational and other organisations have been formed within the diaspora over the course of its existence, with the diaspora institutionalisation processes varying according to the specific historical period. In the context of the continuation of the next stage of Ukrainian emigration to the United States and the evolution of the diaspora today, a historical and genetic study of the transmigration of Ukrainians overseas and the formation of diaspora structures acquires particular relevance.

Keywords: waves of emigration, Ukrainian emigration, Ukrainian diaspora, re-emigration, diaspora identity, emigration to the United States

For citation: Pylova, O.A. (2021), “The main stages of the formation of the Ukrainian diaspora in the United States”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 86-101. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-86-101

В наши дни украинская диаспора в США является третьей по численности в мире (после российской и канадской). По данным Исследовательского центра при Научном товариществе им. Т. Шевченко в Нью-Йорке¹, на которые ссылается посольство Украины в США, сейчас в Соединенных Штатах проживают 930 434 чел. украинского происхождения (0,3% от общей числен-

---

¹ Ukrainians in the United States: A research agenda [Электронный ресурс] // Center for Demographic and Socio-Economic Research of Ukrainians in the United States. URL: <http://www.inform-decisions.com/stat/> (дата обращения 8 июня 2021).

ности населения страны). По оценкам других источников, численность выходцев из Украины здесь достигает 1,5–2 млн чел.²

Становление диаспоры в США началось с момента приезда сюда первых представителей украинского этноса, и основные этапы и особенности ее формирования связаны с причинами эмиграции, составом миграционных потоков, географией отъезда, деятельностью в США и др.

Формирование украинской диаспоры в США привлекает внимание историков эмиграции и российского зарубежья. В целом ряде историографических работ, посвященных данной проблематике, рассматривается хронология становления диаспор, формируемых в США выходцами из Российской империи³.

Свои работы, посвященные непосредственно украинской эмиграции и украинским диаспорам, в 1990-е гг. публиковал О. Субтельный – канадец украинского происхождения и специалист по истории Украины [Субтельный 1991]. Исследованием судеб украинских общин занималась Энн Павлычко [Pawliczko 1994]. Хронологии эмиграции и анализу ее количественных характеристик посвятили свои работы В.П. Трощинский и С.П. Качараба (последний особое внимание уделял вопросам трудовой эмиграции) [Трощинский, Шевченко 1999; Качараба 2003].

Проблемы украинской эмиграции и формирования диаспоры в США затрагивала В.И. Журавлева в работе «Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX–XX вв.: образ “чужого” в сознании американцев» [Журавлева 2001].

Одним из значительных трудов последних лет, посвященных вопросам эмиграции и диаспор, стала работа М.Н. Мосейкиной «У истоков формирования Русского мира, XIX – начало XX в.»

² Українці у США [Електронний ресурс] // Посольство України в Сполучених Штатах Америки. URL: <https://usa.mfa.gov.ua/ukrayina-ta-ssha/ukrayinci-u-ssha> (дата обращения 8 июня 2021).

³ См., например: Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом / Пивовар Е.И. (рук.) и др. М.: ИВИ РАН, 1999. Гл. 1. С. 6–28; Пивовар Е.И. Российское зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. 2000. № 3 (121). С. 91–102; *Он же*. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008, 546 с.; *Он же*. Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии // Исторические записки. 2019. № 18 (136). С. 226–258; Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.; Селунская В.М. Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». 1998.

[Мосейкина 2014]. В монографии Е.И. Пивовара «Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI в.» характеризуются и современное состояние российского зарубежья в США, и его взаимодействие с русским миром в целом [Пивовар 2019].

Вместе с тем специально основные этапы становления украинской диаспоры в США еще не рассматривались. В данной статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел.

Первая волна эмиграции (до 1914 г.) и начало становления украинской диаспоры в США

Начало первой волны украинской эмиграции в США относится к 70-м гг. XIX в. Причины переезда в этот период имели в основном экономический характер, а переселенцами становились главным образом выходцы из Западной Украины – Закарпатья и Лемковщины⁴. Важно отметить, что в данный период популярными направлениями были также Канада и некоторые страны Южной Америки (например, Бразилия), о чем писал, в частности, О. Субтельный. В своей книге «Україна: історія» он описывает портрет типичного украинского эмигранта первой волны так:

...в основном это были неженатые «парубки», рассчитывавшие накопить достаточно денег, чтобы вернуться в родное село, приобрести необходимую землю и завести хозяйство [Субтельный 1991, с. 679–680].

Автор также отмечает, что позднее перспективы становились интереснее, «когда же эмигрировать стали и женщины-украинки, начался быстрый рост украинских общин во многих городских центрах северо-востока» США [Субтельный 1991, с. 670].

Известный исследователь украинской эмиграции Ю. Бачинский уточняет, что сложно говорить о конкретном количестве укра-

---

С. 3–26; *Бочарова З.С.* Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х гг. // Отечественная история. 1999. №1. С. 91–102; *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье 1918–1945 гг. М.: МГУ СЕРВИСА, 2000. 294 с.; История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.): Сб. ст. / Сост. Г.Я. Тарле. Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: Ин-т российской истории РАН. 2004. 253 с.; *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2000. 187 с.; и др.

⁴ Українці у США. [Электронный ресурс] // Посольство України в Сполучених Штатах Америки. URL: <https://usa.mfa.gov.ua/ukrayina-ta-ssha/ukrayinci-u-ssha> (дата обращения 15 сентября 2021).

инских переселенцев в США в этот период. Чаще всего уроженцы западноукраинских земель, эмигрировавшие или приезжавшие на временную работу в Соединенные Штаты, крайне редко называли себя украинцами – скорее всего их идентичность зависела от конкретных регионов исхода [Бачинский 1995, с. 78–86]. Он уточняет, что единственный источник, на который можно опереться в данном вопросе, – статистические материалы Иммиграционного бюро Соединенных Штатов, однако и в этом случае стоит учитывать только данные после 1899 г., поскольку в более ранних документах въезжавшие в страну украинцы были записаны либо как австро-венгры, либо как русские [Бачинский 1995, с. 89].

Приезжая в США, выходцы с земель современной Украины селились большими коммунами. Оседали переселенцы в северо-восточных штатах и, как правило, в ближайшем соседстве с русскими, белорусами, поляками – народами, которые были близки по культуре и легко находили общий язык между собой [Бабута 2013, с. 89]. Примечательно, что зачастую украинцам из, например, Закарпатья было проще найти общий язык с выходцами из других районов Австро-Венгрии, чем с переселенцами из современных юго-восточных регионов Украины, ввиду разных традиций и религиозных взглядов.

Религиозный аспект оказал значительное влияние на становление украинской диаспоры в США. Прежде всего стоит отметить, что первые украинские переселенцы были греко-католиками (или униатами), поэтому и первые церкви, построенные эмигрантами, были униатскими. Однако греко-католическую церковь не всегда признавали приверженцы римско-католической церкви. В результате происходили насильственные изгнания прихожан из церквей, массовое недовольство, приводившее к осложнению отношений между украинскими иммигрантами и, например, ирландцами (именно они составляли основную часть иммигрантов-католиков).

Проблема начала разрешаться в 1889 г., когда в Миннеаполисе (штат Миннесота) появился Алексис Тоф – священник, профессор теологии родом из Закарпатья. Поскольку Тоф ранее был женат и овдовел, в США за нарушение принципа celibата его отлучили от католической церкви и запретили служить. В ответ Тоф и более 300 его прихожан приняли православие (1891 г.). По свидетельствам О. Субтельного, «в последовавшие десятилетия десятки тысяч лемков, закарпатцев и галичан, поощряемые русской православной миссией в Америке, перешли в православную церковь, а Алексис Тоф стал известен как “отец православия” в этой стране» [Субтельный 1991, с. 676].

Сложившаяся ситуация оказала значительное влияние на дальнейшую жизнь украинской диаспоры. Перейдя в православие, многие эмигранты стали считать себя русскими – это случилось потому, что собственно «украинского» самосознания у них и не было. Кроме того, попав в лоно православной церкви, украинские иммигранты стали больше сталкиваться с мигрантами из России. Поэтому со временем их украинская идентичность (скорее, безусловно, русинская, лемковская и т. д.) поменялась на идентичность русскую, православную и т. д.

Немаловажную роль в формировании украинских общин, а позже и непосредственно всей диаспоры сыграла украиноязычная пресса. Первым начал издаваться двуязычный⁵ еженедельник Православного общества взаимопомощи «Свет» («Світ») – произошло это в 1897 г. в Пенсильвании. Там же в 1910 г. вышел первый номер газеты Рабочего Союза – «Народной Воли» [Бабута 2013, с. 144].

В этих условиях украинская идентичность и украинская диаспора как таковая в США формировались крайне медленно, поскольку переселенцы попросту не всегда относили себя к украинцам – все чаще к русинам (по прибытии в США их записывали как «русских», после принятия православия многие также стали называть себя русскими [Субтельний 1991, с. 650]), галичанам, православным и т. д.

Проблема заключалась еще и в отсутствии единства между приезжавшими в США украинцами в тот период – если поначалу выходцев из Западной Украины объединяло «“русинское” самосознание» [Субтельний 1991, с. 676], то после галицко-закарпатского раскола различий оказалось больше, чем общего. Галицко-закарпатский раскол случился на религиозной почве и на его фоне галицкие священники стали обвинять закарпатских в мадьярофильстве, а закарпатские галицких – в предательстве русинских традиций, потому что те стали называть себя украинцами.

Таким образом, первая волна эмиграции стала только началом массового переезда и формирования некоторых общин, позднее ставших основой украинской диаспоры в США. К организованным общинам стоит отнести, прежде всего, братства, работа которых была направлена на поддержку украинцев (русинов, лемков и др.). Как правило, братства организовывались на религиозной почве. Почти всю вторую половину XIX в. местные интеллектуалы отстаивали самоназвание «русины», нередко с прибавлением локальных топонимов («галицко-русский народ», «карпаторосы» и т. д.). Самоназвание «украинцы» начало закрепляться лишь в начале XX в.

⁵ Издавался на русском и украинском языках.

Более того, мыслители Галиции, Буковины и Закарпатья в тот период не вполне понимали, являются ли малороссы (украинцы) в Российской империи отдельной этнической группой или частью единого народа [Шпорлюк 2016, с. 327–347].

Вторая волна украинской эмиграции в США (1914–1945)

Начало второй волны украинской эмиграции в США приходится на годы Первой мировой войны. Многие эмигранты второй волны участвовали в украинском движении за независимость, особенно активизировавшемся после падения Российской и Австро-Венгерской империй. Несмотря на то что изначально они были выходцами с территорий, сегодня принадлежащих не только Украине, но и Польше, Румынии, Чехословакии и Венгрии, они идентифицировали себя как украинцы, что существенно отличало их от представителей первой волны эмигрантов⁶.

Второй период эмиграции остается одним из наименее изученных в российской и зарубежной историографии.

Данные о количестве переселенцев 1914–1945 гг. колеблются в диапазоне от 15 до 40 тыс. чел. [Бабута 2013, с. 143]. При подсчете общего числа иммигрантов следует учесть, что в 1921–1924 гг. действовала система квот, определявшая количество иммигрантов, допускаемых в США, из расчета 3% от общей численности уроженцев той или иной страны, проживавших в Америке до 1910 г. включительно [Бабута 2013, с. 143]. Квотирование значительно сократило число переселенцев по сравнению с первой волной эмиграции.

Кроме того, в 1930-е гг. украинцы, проживавшие в Советском Союзе, имели право покинуть родину только в том случае, если они хотели воссоединиться с семьей, находившейся за рубежом. В то же время эмиграция с западноукраинских земель, разделенных между Польшей, Чехословакией и Румынией, была активной. По словам Михаила Грушевского, Галичина была своеобразным «Пьемонтом культурного и политико-социального возрождения украинского народа»⁷.

---

⁶ *Нрусак А.* Ukrainians [Электронный ресурс] // The Electronic Encyclopedia of Chicago. URL: <http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/1279.html> (дата обращения 8 июня 2021).

⁷ *Грушевський М.* Украинский Пьемонт // Украинский вестник. 1906. № 2. С. 105.

Профессор Университета Торонто Пол Магочи на основании данных переписи населения США в 1920, 1930 и 1940 гг. пришел к выводу о том, что в 1920–1930-е гг. в США прибыло всего 94 385 русинов и украинцев⁸.

По свидетельству С.Ю. Лазебника, вторая волна украинской эмиграции состояла из представителей практически всех социальных слоев и профессий, но особенно исследователь подчеркивает значительное число выехавших военных, крупных и средних землевладельцев, торговцев, священников и т. д.⁹

Важно отметить, что в начале 1920-х гг. было распространено и такое явление, как реэмиграция на Украину. По словам С.Ю. Лазебника,

...американцы и канадцы украинского происхождения, полные патриотических чувств и любви к родной земле, стремились практическими действиями помочь социалистическому строительству на Украине¹⁰.

Для лучшего понимания деятельности украинских эмигрантов в США в тот период стоит обратиться к ситуации в самой Украине.

М. Грушевский также отмечал, что, несмотря на малочисленность, украинская реэмиграция возымела большое воспитательное значение для существовавшей диаспоры в США. Однако большинство ее представителей либо вынуждены были вернуться в США и Канаду, либо погибли на Украине в период репрессий¹¹. Эмиграция же в тот период казалась украинцам, жившим в УССР, своего рода бегством от ответственности за будущее страны. Во многом именно это привело к разрыву некоторых связей между жителями Украины и эмигрантами.

В. Трощинский считает одной из особенностей украинской политической эмиграции, в частности с Надднепрянщины, тот факт, что данный процесс начался в связи с внутриукраинской политической борьбой. Эта борьба (в других форматах) продолжилась и после перемещения за рубеж тысячных масс украинских граждан [Трощинский 1994, с. 16]. Немаловажную роль и в борьбе, и в становлении диаспоры в тот период вновь сыграла пресса. Долгое время в числе самых популярных среди украинского населения США были газеты «Украина» (1932–1941) и «Новый шлях» (1935–1955) [Бабута 2013, с. 144].

⁸ Лазебник С.Ю. [та ін.]. Зарубіжні українці: довідник. Київ: Україна, 1991. С. 120.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 36.

Третья волна эмиграции в США (1945–1986)

Согласно исследованиям С.Ю. Лазебника, третья волна украинской эмиграции была первой почти полностью политической. По его данным, в период с 1947 по 1953 г. в США выехали порядка 80 тыс. чел. – наибольшее количество, по сравнению с числом украинских переселенцев в другие страны в тот период¹².

После окончания Второй мировой войны около 310 тыс. чел. украинского происхождения оказались в статусе беженцев или «временно перемещенных лиц». Такая ситуация сложилась в том числе и из-за того, что с оккупированных территорий УССР людей угоняли на принудительные работы в Германию, а также в лагеря на территории захваченных нацистами государств. По свидетельствам О. Субтельного, 210 тыс. остарбайтеров предпочли не возвращаться на Украину после завершения войны [Субтельный 1991, с. 690].

Около 20% беженцев покинули территорию Украины перед приходом Красной армии, поскольку сотрудничали с оккупантами. Около двух третей беженцев были галичанами и прихожанами греко-католической церкви, треть эмигрировавших из СССР исповедовала православие. Бывшие члены Украинской повстанческой армии бежали в Германию через Чехословакию, почти 10 тыс. воевавших в дивизии СС «Галичина» были интернированы в Италии.

В 1950-х гг. украинский иммиграционный поток в США значительно сократился и почти сошел на нет, поскольку выезд из СССР в тот период был крайне ограничен. В 1960–1970-х гг., однако, показатели иммиграции вновь возросли – в Соединенные Штаты начали массово выезжать украинцы из Польши (в большинстве своем – лемки).

Эмигранты третьей волны продолжали расселяться компактно и преимущественно в тех районах, где ранее оседали их предшественники. Так, в 1940–1970-х гг. американские украинцы проживали уже в 42 штатах, однако 90% из них являлись жителями лишь 12 штатов. Примечательно, что представители украинской диаспоры в США на третьем этапе ее формирования отличались крайне низкой мобильностью – они были склонны к переезду не только меньше, чем коренные американцы, но и меньше, чем выходцы из стран Восточной Европы.

В тот же период происходит самая активная ассимиляция – на финальном этапе третьей волны эмиграции 66% этнических укра-

---

¹² Лазебник С.Ю. Указ. соч. С. 43.

инцев в США не владели украинским языком. В быту его использовали в основном эмигранты старшего поколения.

В отличие от представителей начальной волны переселения, главным образом земледельцев Западной Украины, эмигранты второй и третьей волн считали важным дать своим детям достойное образование. Все активнее новые эмигранты оказывались задействованы на крупных производствах, что обусловило ускорение ассимиляции и приобщения к американскому образу жизни. Все чаще украинские эмигранты в США образовывали политические организации и занимались политической деятельностью. Так, например, в период третьей волны эмиграции руководство УНР в изгнании базировалось в Филадельфии (1976–1992). Особое развитие в тот период получила украиноязычная пресса: с 1977 г. выходят, например, периодические издания «Украинские новости», «Национальная трибуна», «Новая заря» в Чикаго, «Шлях» в Филадельфии [Бабута 2013, с. 144].

Таким образом, третий этап формирования украинской диаспоры в США стал во многом знаковым. В первую очередь стоит отметить рост вовлеченности ее представителей в политику в условиях холодной войны. В то же время начинается популяризация украинской культуры, истории и этнологии. Если раньше украинские школы и курсы были ориентированы исключительно на поддержание в детях эмигрантов украинской идентичности, то уже в период третьей волны эмиграции произошло становление американской украинистики. Так, в 1973 г. был открыт Украинский научный институт Гарвардского университета, в котором стала изучаться украинская литература, история и искусство уже на академическом уровне.

Четвертая волна эмиграции украинцев в США (1986–2014)

Начало четвертой волны украинской эмиграции в США совпало с перестройкой в СССР. Как только выезд из страны стал возможен, часть советских украинцев поспешила уехать за океан.

По мнению профессора В.В. Исаева, на которого ссылается В. Лопух, четвертая волна эмиграции украинцев может быть разделена на два периода:

- вторая половина 1980-х гг.: массовый выезд этнических украинцев из Польши;
- с 1990-х гг.: эмиграция украинцев и представителей других этнических групп из постсоветской Украины [Лопух 2006, с. 45].

По мнению некоторых исследователей, выехавшие в тот период на ПМЖ в США украинцы были изначально готовы к такому развитию событий и даже ждали его. И это отличает четвертую волну эмиграции от всех предыдущих. Если до 1986 г. эмиграция была спонтанной или хотя бы недолго планируемой, то после потенциальные эмигранты зачастую заранее находили места работы, устанавливали связи с предшественниками, уже обосновавшимися в США [Дробко 2006, с. 304].

Уезжая на заработки, многие надеялись вернуться через некоторое время, однако часть позже оседала в США. Характерным представляется еще и тот факт, что, уезжая в одиночестве, молодые трудовые мигранты обзаводились семьей уже в Соединенных Штатах, и далеко не всегда их супругами становились представители украинской диаспоры.

В ходе четвертой волны эмиграции можно было наблюдать значительные изменения в трудовой деятельности переселенцев. Количество занятых в сельском хозяйстве украинцев продолжало неуклонно снижаться, однако большую популярность приобретала не промышленность, как это было в предыдущие периоды, а собственный бизнес. В начале 1990-х гг. небольшое количество украинских фермерских поселений сохранялось только в Вирджинии, Северной Дакоте и Техасе. При этом представители значительной части диаспоры были владельцами магазинов, клиник, туристических агентств. По уровню достатка украинцы приблизились к среднестатистическому американцу или даже превосходили его.

Прибытие в США эмигрантов новой волны вызывало порой довольно серьезные конфликты внутри диаспоры. Цели и идеи новых переселенцев были непонятны «диаспорянам». Представители предыдущих волн эмиграции, в особенности третьей, для которых были очень важны вопросы сохранения идентичности, поддержания всего украинского, столкнулись в конце 1980-х гг. с «советскими украинцами», выезжавшими за рубеж по большей части для улучшения собственного финансового положения. Многие из них не стремились влиться в ряды диаспоры – их больше привлекали Америка и американская мечта, а не сохранение собственного украинства. В итоге после четвертой волны эмиграции украинская диаспора стала плавно размываться.

Несмотря на это, и в конце XX – начале XXI в. в США продолжают существовать украиноязычные классы, школы выходного дня, курсы по литературе и истории, а также украиноязычная периодика.

В этот и последующий периоды получила определенное распространение и реэмиграция. Возвращавшиеся на родину украинцы

часто принимали участие в политической жизни страны и участвовали в установлении контактов между США и Украиной. Один из наиболее ярких примеров – жена Виктора Ющенко Екатерина Чумаченко. Она родилась в Чикаго в семье украинских остарбайтеров, переселившихся в США из Германии в 1950-е гг., в школьные годы была членом Союза украинской молодежи, а затем стала директором Украинской национальной информационной службы Вашингтонского бюро Украинского Комитета Американского Конгресса. Позже она занимала высокие посты в США, а после возвращения в Украину работала в крупной компании-аудиторе в Киеве. Некоторые интервью украинских политических деятелей тех лет свидетельствуют о том, что Екатерина Чумаченко принимала непосредственное участие в принятии решений ее мужем, когда он был президентом страны¹³.

Пятая волна эмиграции украинцев в США (с 2014 г.)

Пятая волна эмиграции продолжается и в наши дни. Ее нередко называют «интеллектуальной», поскольку увеличилось число студентов, направляющихся в США для получения образования. Что касается возраста иммигрантов, большинство из них (порядка 45%) – молодые люди (25–44 года), мигранты 44–65 лет составляют 36% переселенцев, и всего 13% – мигранты старше 65 лет.

Причины переезда во многом остаются экономическими. Согласно последним исследованиям, украинские иммигранты в США стремятся к улучшению жилищных условий, покупке автомобиля и т. д.; удовлетворению стандартных жизненных потребностей – питание, покупка необходимых товаров; накоплению средств для оплаты обучения детей в вузах; накоплению стартового капитала для создания собственного бизнеса или развития своего дела и т. д. [Елейко 2016, с. 189].

Сегодня большинство существующих в США украинских организаций обладают собственными медиаресурсами (например, «Свобода», «Наше життя», «Записки НТШ», «Вісті комбатанта», «Молода Україна», «Рідна школа») или ведут тематические страницы в более крупных СМИ [Біловус 2019, с. 67]. Все это, безус-

---

¹³ Балага: Сегодня никто не может утверждать, что Ющенко не будет «техническим кандидатом» у Яценюка или наоборот [Электронный ресурс] // Издание Delo.ua. 27 июля 2009. URL: <https://delo.ua/opinions/baloga-segodnja-nikto-ne-mozhe-110364/> (дата обращения 8 июня 2021).

ловно, работает на имидж диаспоры и позволяет ей поддерживать украинскую идентичность ее представителей.

Учитывая сложившуюся на Украине экономическую ситуацию, а также желание в основном молодых людей выехать на заработки в более развитые государства, можно вновь говорить об экономическом характере пятой волны эмиграции. Несмотря на преобладание экономических мотивов, отношение эмигрантов к диаспоре и американскому обществу нельзя назвать консолидированным.

Условно всех приезжающих в США в последние годы украинцев можно разделить на несколько групп. В первую входят те, кто стремится только заработать и вернуться на родину. Как правило, представители этой группы редко поддерживают тесные отношения с диаспорой, поскольку ее поддержка на случай непредвиденных ситуаций уже не так важна, как это было, например, на рубеже XIX–XX вв. И хотя поиски работы нередко происходят как раз среди «своих за границей», вряд ли эти отношения можно назвать в полном смысле диаспоральными. Скорее, в число «своих» входят не только украинцы, а, например, еще и представители русскоязычного населения, а также переселенцы из других республик бывшего СССР.

Ко второй группе можно отнести тех, кто стремится к невозвратной эмиграции и желал бы глубоко интегрироваться в американское общество. Сохранение связей внутри диаспоры для этих людей представляет гораздо меньшую ценность, чем, например, расширение круга знакомств среди американцев.

Наконец, представители третьей группы эмигрантов ощущают себя в первую очередь украинцами и стремятся к поддержанию украинской идентичности. Собственно, благодаря им продолжает существовать и даже развиваться украинская диаспора, и именно они являются наиболее активными ее представителями.

По мнению украинского историка Степана Качарабы,

...украинцы действительно были подвержены очень сильной ассимиляции в США. В тех странах, где была развита сельскохозяйственная эмиграция, они ассимилировались гораздо меньше. Поскольку они жили в своей замкнутой среде, далеко от больших мест. А если возьмем США, то они жили все в городах – рабочих поселениях. В шахтах работали и украинцы, и итальянцы, и поляки, и французы – кто угодно. Но язык общения был один – английский. Поэтому украинцы здесь очень быстро денационализировались¹⁴.

---

¹⁴ Українці за океаном: загублені на Гаявах, рабство Бразилії, гомсте-ди Канади [Электронный ресурс]. YouTube. Канал «БЕЗ БРОМУ». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1v5ZK1pI5pk> (дата обращения 8 июня 2021).

Процес асиміляції продовжується і до сих пор. На сучасному етапі еміграції він отримав максимальні за всю історію масштаби. Таким чином, розворачуються сьогодні події можна назвати скоріше деяким упадком діаспори.

Продовжуючийся етап формування української діаспори вибрав в собі все, що відбувалося на протязі вже більш ніж столітньої історії українців в США. Важливо відзначити, що розвиток української діаспори в США, як і раніше, буде напряму залежати від ситуації в самій Україні і від того, які причини від'їзду будуть переобладати у наступних поколіннях емігрантів.

Благодарности

Робота виконана в рамках проекту РГГУ «30 років СНГ: трансформаційні процеси на постсоветському просторі в глобальному і регіональному вимірі» (конкурс «Проектні наукові колективи РГГУ»).

Acknowledgements

This work was supported by the Russian State University for the Humanities project “30th Anniversary of the CIS: Global and Regional Dimension of Transformation Processes in the Post-Soviet Space” (“RSUH Project Research Teams” Award).

Литература

- Бабута 2013 – *Бабута М.Н.* Історія формування української діаспори в новому і найновішому світі (кінець ХІХ–ХХ в.) // *Вісник Томського політех. ун-та.* 2013. Т. 322. № 6. С. 142–148.
- Бачинський 1995 – *Бачинський Ю.* Українська імміграція в Сполучених Штатах Америки. Київ: ІНТЕЛ, 1995. 340 с.
- Біловус 2019 – *Біловус Л.І.* Українськомовна періодика української діаспори в США у збереженні національної ідентичності (1991–2017 рр.): Дис. ... д-ра наук. Тернопіль: Тернопільський національний педагогічний університет ім. Володимира Гнатюка, 2019. 941 с.
- Дробко 2006 – *Дробко Е.В.* Трудова міграція та українська діаспора за кордоном // *Університетські наукові записки.* 2006. № 2. С. 302–309.
- Єлейко 2016 – *Єлейко І.* Передумови та особливості міграції українського населення до США // *Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини».* 2016. Вип. 39. С. 187–194.

- Журавлева 2001 – *Журавлева В.И.* Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX–XX вв.: образ «чужого» в сознании американцев // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 124–139.
- Качараба 2003 – *Качараба С.П.* Еміграція з Західної України 1919–1939. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. 416 с.
- Лопух 2006 – *Лопух В.* “Четверта хвиля” іміграції до США: причини і мотивації // Демографія та соціальна економіка. 2006. № 2. С. 44–54.
- Мосейкина 2014 – *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования русского мира (XIX – начало XX в. // Русский мир в XX веке: В 6 т. / Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Т. 1. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. С. 179–193.
- Пивовар 2019 – *Пивовар Е.И.* Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019, 439 с.
- Субтельний 1991 – *Субтельний О.* Україна: Історія (переклад з англ. Юрія Шевчука). Київ: Либідь, 1991. 512 с.
- Трощинський 1994 – *Трощинський В.П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціальне-політичне явище. Київ: Інтел, 1994. 260 с.
- Трощинський, Шевченко 1999 – *Трощинський В.П., Шевченко А.А.* Українці в світі. Київ: Альтернативи, 1999. 352 с.
- Шпорлюк 2016 – *Шпорлюк Р.* Формування модерних націй: Україна–Росія–Польща / Пер. с англ. Г. Касьянова, М. Климчука, Я. Стріхи, Д. Матіяш, Х. Чушаак. Київ: Дух і Літера, 2016. 552 с.
- Pawliczko 1994 – *Pawliczko Lencyk A.* (ed.). Ukraine and Ukrainians throughout the world. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1994. 464 p.

References

- Babuta, M.N. (2013), “The history of the formation of the Ukrainian Diaspora in the new and modern world (the end of the 19–20th century)”, *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, no. 6 (322), pp. 142–148.
- Bachinskii, Yu. (1995), *Ukrains’ka immigratsiya v Spoluchenikh Shtatakh Ameriki* [Ukrainian immigration to the United States of America], Intel, Moscow, Russia.
- Bilovus, L.I. (2019), *Ukrains’komovna periodika ukrains’koï diaspori v SShA u zberezheni natsional’noï identichnosti (1991–2017 rr.)* [Ukrainian-language periodicals of the Ukrainian diaspora in the USA in preserving national identity (1991–2017)], Dr. Sci. Thesis, Ternopil’skii natsional’nyi pedagogichnii universitet im. Volodimira Gnatyuka, Ternopil, Ukraine.
- Drobko, E.V. (2006), “Labour migrations and the Ukrainian diaspora abroad”, *University scientific notes*, no. 2, pp. 302–309.
- Eleyko, I. (2016), “Prerequisites and features of migration of the Ukrainian population to the USA”, *Bulletin of Lviv University, “International Relations” series*, iss. 39, pp. 187–194.
- Kacharaba, S.P. (2003), *Emigratsiya z Zakhidnoï Ukraini 1919–1939* [Emigration from Western Ukraine 1919–1939], L’vivs’kii natsional’nyi ushversitet imesh Ivana Franka, Lviv, Ukraine. L’viv:
- Lopukh, V. (2006), “‘The fourth wave’ of immigration to the USA. Reasons and motivations”, *Demography and social economy*, no. 2, pp. 44–54.

- Moseikina, M.N. (2014), “U istokov formirovaniya russkogo mira (XIX – nachalo XX v.)” [At the origins of the formation of the Russian world (19th – early 20th century)], in Bordyugov G.A. and Kasaev, A.Ch. (eds.), *Russkii mir v XX veke* [The Russian world in the twentieth century], in 6 vols., AIRO-XXI, Aleteya, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 179–193.
- Pawliczko Lencyk, A. (ed.) (1994), *Ukraine and Ukrainians throughout the world*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Pivovar, E.I. (2019), *Mir rossiiskogo zarubezh'ya v kontse XX – nachale XXI veka* [The world of Russian emigres in the late 20th – early 21st century], RGGU, Moscow, Russia.
- Shporlyuk, R. (2016), *Formuvannya modernikh natsii: Ukraïna–Rosiya–Pol'shcha* [Formation of modern nations. Ukraine–Russia–Poland], Dukh i Litera, Kiev, Ukraine.
- Subtelni, O. (1991), *Ukraïna: Istoriya* [Ukraine. History], Libid', Kiev, Ukraine.
- Troshchinskii, V.P. (1994), *Mizhvoenna ukraïns'ka emigratsiya v Evropi yak istorichne i sotsial'ne-politichne yavishche* [Ukrainian emigration in Europe in the interwar period as a historical, social and political phenomenon], Intel, Kyiv, Ukraine.
- Troshchinskii, V.P., Shevchenko, A.A. (1999), *Ukraïntsi v sviti*. [Ukrainians in the world]. Al'ternativi, Kiev, Ukraine.
- Zhuravleva, V.I. (2001), “Jewish emigration from Russia to the United States at the turn of the 19–20th centuries. The image of a ‘stranger’ in the minds of Americans”, *The New Historical Bulletin*, no. 4. pp. 124–139.

Информация об авторе

Ольга А. Пылова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga.pylova@yandex.ru

Information about the author

Ol'ga A. Pylova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga.pylova@yandex.ru

Правовое сотрудничество стран СНГ

УДК 342.963

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-102-111

Сотрудничество стран-членов СНГ по вопросам обеспечения безопасности

Ирина Е. Ханова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, irkh_76@mail.ru*

Аннотация. На протяжении всего периода существования Содружества Независимых Государств формировались механизмы, позволяющие определять актуальные направления совместного законотворчества, совместно разрабатывать и реализовывать нормы права, достаточно активно проводилась работа по сближению национальных законодательств и т. п. Уже на раннем этапе функционирования Содружества Независимых Государств особую значимость приобрело сотрудничество национальных прокуратур, о чем свидетельствует создание в 1995 г. Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников Содружества. Настоящая публикация посвящена исследованию основных аспектов взаимодействия, осуществляемого прокуратурами государств-участников Содружества Независимых Государств в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Также в статье рассматривается динамика правонарушений в странах-участницах Содружества Независимых Государств, анализируются влияющие на нее факторы; приводятся примеры реформ, проводимых в некоторых странах Содружества в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства и нацеленных на повышение эффективности системы правосудия. Особое внимание автор уделяет работе российских органов прокуратуры, подчеркивая, что опыт законотворческой и правоприменительной практики Российской Федерации может быть востребован в практической деятельности генеральных прокуратур постсоветских стран, являющихся членами Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: Россия, Содружество Независимых Государств, законодательство, преступления, права человека и гражданина

Для цитирования: Ханова И.Е. Сотрудничество стран-членов СНГ по вопросам обеспечения безопасности // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 102–111. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-102-111

© Ханова И.Е., 2021

Cooperation of CIS member states on security issues

Irina E. Khanova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, irkh_76@mail.ru

Abstract. Throughout the period of the existence of the Commonwealth of Independent States, mechanisms were formed to determine the topical directions of joint lawmaking, to jointly develop and implement legal norms, to work on the approximation of national legislations, etc. Already at an early stage of the functioning of the Commonwealth of Independent States, the cooperation of national prosecutor's offices acquired special significance, as evidenced by the establishment of the Coordination Council of Prosecutor-Generals of Commonwealth Member States in 1995. The present article studies the basic aspects of the interaction between prosecutor's offices in the Commonwealth of Independent States in the protection of the human and civil rights and freedoms. The article also looks at the dynamics of offending in Commonwealth countries and analyses the factors influencing it; it gives examples of reforms to criminal law and criminal procedure in some Commonwealth countries aimed at making the justice system more effective and protecting the rights and freedoms of citizens. The author pays particular attention to the work of the Russian prosecution services, stressing that the experience of lawmaking and the law enforcement practices of the Russian Federation may be of use in the practical work of the general prosecutor's offices of the post-Soviet countries that are members of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: Russia, Commonwealth of Independent States, legislation, crimes, human and civil rights

For citation: Khanova, I.E. (2021), "Cooperation of CIS member states on security issues", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 102-111, DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-102-111

7 декабря 1995 г. был учрежден Координационный совет генеральных прокуроров государств-участников Содружества Независимых Государств (КСГП, Совет). Основная цель создателей КСГП заключалась во внедрении в структуру СНГ такого института, который обеспечивал бы согласование и объединение усилий национальных органов, надзирающих за соблюдением конституционных норм и исполнением законодательства, координацию их действий, расширение сотрудничества между ними.

Заседания КСГП проводятся ежегодно и, таким образом, страны-участницы регулярно обсуждают проблемы в области защиты прав человека и гражданина, делятся опытом и вырабатывают совместные предложения по оптимизации работы национальных

прокуратур. Также данные вопросы систематически освещаются в научно-исследовательских работах, которые проводятся Научно-методическим центром (НМЦ) КСГП совместно с Секретариатом Совета. НМЦ, функции которого выполняет Университет прокуратуры Российской Федерации (УП РФ), ежегодно обобщает информацию по проблемам безопасности, получаемую от генеральных прокуратур, которые участвуют в работе КСГП. Выводы и предложения УП РФ, как правило, поддерживаются членами Совета и используются при принятии управленческих решений в национальных органах прокуратуры, что, несомненно, позитивно влияет на эффективность работы последних.

Чтобы создать актуальную картину деятельности органов прокуратуры стран-участниц Содружества, рассмотрим направления и результаты их работы в конце 2010-х гг.

В Конституции Азербайджанской Республики зафиксировано, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать всеобщие и неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина¹. Согласно Основному закону Азербайджана, государство гарантирует гражданам, временно или постоянно проживающим за его пределами, правовую защиту и покровительство, и граждане, проживающие за рубежом, имеют возможность пользоваться правами и свободами, установленными в Конституции и законах Азербайджана, так же, как и их соотечественники, остающиеся на родине². Прокурорская деятельность в области защиты прав граждан во многом регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства.

В 2019 г. в Азербайджане было зарегистрировано 26,7 тыс. преступлений (98% от числа преступлений в 2018 г.). Статистика свидетельствует о том, что за год уменьшилось число краж, грабежей, разбойных нападений, мошенничеств, убийств, изнасилований и покушений на них. Однако по итогам 2019 г. Генеральная прокуратура Азербайджанской Республики констатировала, что граждане страны, проживающие за границей, продолжают сталкиваться с нарушениями их прав и свобод, испытывают различного рода притеснения со стороны сотрудников правоохранительных органов (применение силы и насилия, незаконное изъятие документов), органов пограничной и миграционной служб (нарушение паспорт-

---

¹ Конституция Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] // Сайт Президента Азербайджана. URL: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkxMTIvMDQvNjdvbm8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRRLnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> (дата обращения 16 марта 2021).

² Там же.

но-визового и регистрационного режимов), подвергаются давлению со стороны криминалитета страны пребывания. Азербайджанская прокуратура считает решение данных проблем одной из своих приоритетных задач.

Число обращений иностранных граждан с просьбой о защите их прав и интересов, нарушенных на территории Армении, выросло с 30 в 2006 г. до 222 в 2019 г.³ В 2019 г. на территории Республики Армения гражданами иностранных государств было совершено 200 преступлений (из них 19 – россиянами, 1 – гражданином Беларуси, 4 – гражданами Узбекистана, 3 – казахстанцами), 373 преступления были совершены в отношении иностранцев⁴.

В Республике Беларусь, согласно итоговым отчетам, в 2018 г. общее число зарегистрированных преступлений увеличилось на 5,4%, но снизилось число тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе убийств, разбоев и грабежей⁵.

В Республике Казахстан были проведены реформы в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства, цели которых заключались в повышении эффективности правосудия, усилении гарантий соблюдения прав человека. В 2019 г. был отмечен самый низкий уровень репрессивности в республике – на 37% увеличилось число подписок о невыезде и в 2 раза чаще применялся домашний арест, доля осужденных без изоляции составила 76%, «тюремное население» снизилось на 17%, количество жалоб – на 23%. При этом криминогенная ситуация улучшилась: количество преступлений снизилось на 17%, убийств – на 11%, хулиганств – на 28 %, грабежей – на 21%, краж – на 22% [Канатов 2019, с. 205].

Казахстанскими законодателями было исключено уголовное наказание за неумышленные ошибки при заполнении таможенных деклараций. В 2019 г. были изменены и дополнены некоторые законодательные акты, касающиеся защиты прав ребенка, а также произведено усовершенствование уголовного, уголовно-процес-

---

³ Информационный бюллетень Секретариата КСГП СНГ № 1 [Электронный ресурс] // Секретариат КСГП СНГ. URL: <http://www.ksgp-cis.ru/documents/billuten-1.pdf> (дата обращения 16 марта 2021).

⁴ Состояние преступности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств в 2019 г. [Электронный ресурс] // Секретариат КСГП СНГ. URL: <http://www.ksgp-cis.ru/about/obzory/sostojanie-prestupnosti-v-2019-godu> (дата обращения 16 марта 2021).

⁵ На заседании коллегии Генеральная прокуратура подвела итоги работы за 2018 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: <https://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/february/32427/> (дата обращения 16 марта 2021).

суального законодательства, приняты меры по усилению защиты прав личности. В рамках программы «Цифровой Казахстан» в электронном формате было расследовано в 3 раза больше уголовных дел, чем годом ранее (68,5 тыс. против 20,3 тыс.). «Умные» системы значительно оптимизировали работу прокуроров: отныне они могут не только наблюдать за работой госорганов, но и давать актуальные рекомендации, а также выявлять «слабые» места в законодательстве и указывать на них сотрудникам органов государственной власти [Жиров 2019, с. 28–29].

В Республике Кыргызстан с 1 января 2019 г. внедрена автоматизированная информационная система «Единый реестр преступлений и проступков». В новом уголовно-процессуальном кодексе было коренным образом изменено понятие «возбуждения уголовного дела» (возбужденным стало считаться уголовное дело после вынесения уведомления о подозрении), введен институт «проступков», который включает в себя часть преступлений небольшой тяжести и часть бывших административных правонарушений. Особое внимание стало уделяться надзору за расследованием преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, а также несовершеннолетними.

По вопросам исполнения законодательства о профилактике преступности среди детей, а также насилия в отношении детей в 2019 г. было выявлено 1,4 тыс. нарушений, внесено 489 актов прокурорского реагирования, которые послужили основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности 682 лиц. Прокуроры продолжили активную работу по обеспечению защиты от насилия в семье: в 2019 г. было зарегистрировано 6,1 тыс. случаев подобного насилия, пострадавшим выдано 5,4 тыс. охранных ордеров.

Правовое положение граждан Кыргызской Республики за рубежом в целом оценивается как стабильное и удовлетворительное, системные и массовые нарушения прав граждан не наблюдаются. При этом имеют место неурегулированные проблемы пребывания граждан в отдельных государствах. В целях улучшения правового пребывания граждан Кыргызской Республики в России в 2018–2019 гг. по инициативе кыргызской стороны были осуществлены две миграционные амнистии, из списка невыездных в РФ исключили почти 66 тыс. граждан Кыргызстана.

В Республике Молдова в 2019 г. было зарегистрировано на 1% меньше преступлений (31,7 тыс.), чем в 2018 г. Каждое шестое преступление относилось к категории тяжких или особо тяжких, каждое второе – против собственности, каждое шестое – на транспорте. Снизилось количество правонарушений, совершенных несовершеннолетними [Жиров 2019, с. 30].

В России надзор за соблюдением прав и свобод человека – одна из ключевых задач прокуратуры. В российской Конституции указывается, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью и государство гарантирует своим гражданам защиту их прав и свобод, в том числе и в период пребывания тех за границей (статья 61 Конституции РФ). В 2017–2018 гг. наличие правовых пробелов потребовало принятия мер прокурорского реагирования в 28 субъектах России. Были организованы масштабные надзорные мероприятия в области реализации национальных проектов, ориентированных прежде всего на удовлетворение потребностей человека. В Генеральной прокуратуре РФ и в региональных прокуратурах были созданы и приступили к работе межведомственные группы по каждому нацпроекту. Были выявлены и пресечены нарушения при распределении и освоении выделенных материальных ресурсов, нарушения законодательства удалось вскрыть в лечебных организациях (имели место факты ненадлежащего оказания медицинских услуг, расхождения прижизненных и патологоанатомических диагнозов умерших граждан).

Проведенный с участием прокуроров субъектов Российской Федерации анализ состояния законности в сфере социальной защиты инвалидов выявил факты необеспечения инвалидов полагающейся им медицинской помощью, необходимыми лекарствами, техническими средствами реабилитации⁶. Транспортным прокурорам удалось добиться установки необходимых пандусов на пассажирских платформах железнодорожных станций, расположенных на территории Центрального федерального округа; на железнодорожном вокзале г. Орла в зале ожидания были созданы места для инвалидов колясок, нанесены необходимые пиктограммы, оборудована пригородная касса, расположенная на более низком уровне; на платформах Кашин и Савелово была уложена предусмотренная законодательством тактильная плитка; амбулифтами и иным оборудованием для подъема/спуска лиц с ограниченными возможностями на борт самолета были оснащены аэропорты городов Владимира, Самары, Кирова, Пензы, Чебоксары, Ульяновска, Нижнекамска, Бугульмы.

Значительное внимание уделялось соблюдению прав лиц, заключенных под стражу и осужденных. По фактам, повлекшим за собой существенное нарушение законных прав и интересов заклю-

---

⁶ Прокурорами выявлено 86 тысяч нарушений закона в сфере исполнения законодательства о защите прав инвалидов [Электронный ресурс] // Сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2020. 30 янв. URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1779304/> (дата обращения 16 марта 2021).

ченных под стражу лиц и осужденных, а также вызвавших большой общественный резонанс, меры реагирования принимались непосредственно Генеральной прокуратурой.

За 2019 г. из Республики Таджикистан с целью трудовой деятельности выехали более 530 тыс. граждан (более 518 тыс. – в Российскую Федерацию, менее 10 тыс. – в Республику Казахстан). Руководство Таджикистана прикладывает массу усилий, чтобы не допустить роста теневой миграции, и нормативно-правовое регулирование перемещений граждан республики подчинено этой основной цели. В частности, власти Таджикистана создают совместно с государствами-реципиентами условия для легального трудоустройства мигрантов и дальнейшего их законного пребывания. С целью рационального использования рабочей силы внутри страны и за ее пределами, а также обеспечения диверсификации трудовой миграции за рубежом были разработаны и впоследствии подписаны соглашения о сотрудничестве.

Так, 12 декабря 2019 г. было ратифицировано Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации об организованном привлечении граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации⁷.

В настоящее время ведется работа по подготовке ряда межправительственных соглашений в области трудовой миграции: об организованном наборе для осуществления трудовой деятельности; о сотрудничестве в области социального обеспечения (пенсионного страхования); о реадмиссии; о порядке пребывания граждан Республики Таджикистан на территории Российской Федерации и граждан Российской Федерации на территории Республики Таджикистан. Привлечение иностранной рабочей силы осуществляется в соответствии с законодательством Республики Таджикистан.

В Республике Узбекистан в 2019 г. продолжились кардинальные преобразования, направленные на дальнейшее повышение благосостояния народа, совершенствование механизмов общественного контроля, создание благоприятных условий для ведения бизнеса.

---

⁷ О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Распоряжение от 16 апреля 2019 г. № 755-р [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/KwYpZLDDK4tANEaQ60vc0PsOfGKwVW5r6.pdf> (дата обращения 16 марта 2021).

Общее число зарегистрированных преступлений снизилось на 6% (46,1 тыс.), как и число особо тяжких (-0,4%) и тяжких (-7,8%) преступлений, по сравнению с 2017–2018 гг. На 37,4% сократилось число грабежей, на 21,7% – разбоев, на 18,7% – умышленных тяжких телесных повреждений, на 16,9% – убийств, на 4,1% – изнасилований по сравнению с 2017–2018 гг. Вместе с тем было совершено на 6,6% больше хулиганств и на 5,5% больше преступлений, связанных с наркотиками, по сравнению с 2017–2018 гг. [Жиров 2019, с. 31–32].

Прокурорский надзор за законностью в Узбекистане охватывает широкий круг общественных отношений социально-экономической сферы. Особое внимание прокуроры уделяют ведению прямого открытого диалога с населением, оперативному разрешению обращений граждан, повышению правовой культуры населения, формированию в обществе нетерпимого отношения к нарушениям закона. В ходе разрешения обращений граждан за 2017–2018 гг. отменялись и приводились в соответствие с законом нормативные акты органов государственной власти и управления; вносились представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению правонарушений; лица, допустившие нарушение законных прав и свобод граждан, привлекались к установленной законом ответственности; по заявлениям прокуроров судами взыскивался материальный ущерб, принимались меры, направленные на добровольное возмещение ущерба. Было проведено около 100 тыс. мероприятий, где гражданам разъяснялись нормы законодательства, из них каждое седьмое – с использованием СМИ и Интернета. Действует веб-сайт Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, его страницы доступны в социальных сетях “Facebook”, “Instagram” и “Telegram”. Газета «Хукук» (печатное издание в системе Генеральной прокуратуры) освещает деятельность прокурорских органов, а также проводимые в стране правовые реформы и актуальные новости. Надзор за законностью способствовал тому, что Узбекистан вошел в число 20 стран, достигших наибольшего прогресса в улучшении делового климата (“Doing Business 2020”)⁸.

В 2019 г. в странах Содружества была проведена проверка исполнения законодательства, регламентирующего порядок оказания содействия в трудоустройстве лицам, освободившимся из учреждений уголовно-исполнительной системы. Установлены факты

---

⁸ Узбекистан поднялся в рейтинге «Ведение бизнеса 2020» [Электронный ресурс] // Диалог: Таджикистан и мир. 2019. 24 окт. URL: <http://www.dialog.tj/news/uzbekistan-podnyalsya-v-rejtinge-vedenie-biznesa-2020> (дата обращения 16 марта 2021).

ненадлежащего исполнения субъектами профилактики названного законодательства, отсутствия их взаимодействия, что создавало предпосылки для затягивания сроков трудоустройства лиц указанной категории, их социализации. Принятые меры дали положительный эффект: в течение 2019 г. лицами, имеющими судимость, было совершено на 5% меньше преступлений, чем в 2018 г.

Подводя итог, отметим, что органы прокуратуры в государствах-участниках СНГ традиционно стоят на страже защиты прав граждан. Опыт законотворческой и правоприменительной практики Российской Федерации может быть востребован в практической деятельности генеральных прокуратур государств-участников СНГ, где создана Межведомственная рабочая группа по противодействию преступлениям в сфере экономики с участием представителей заинтересованных органов, основные усилия которой направлены на противодействие теневой экономике. Также представляется необходимым изучение опыта Кыргызской Республики по реализации и внедрению в жизнь автоматизированной информационной системы «Единый реестр преступлений и проступков», направленной на обеспечение надежной правовой среды и неукоснительной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «30 лет СНГ: трансформационные процессы на постсоветском пространстве в глобальном и региональном измерении» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The work was supported by the Russian State University for the Humanities project “30th Anniversary of the CIS. Global and Regional Dimension of Transformation Processes in the Post-Soviet Space” (“RSUH Project Research Teams” Award).

Литература

Жиров 2019 – *Жиров А.В.* О мерах обеспечения безопасности и правопорядка в работе Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ и практика прокурорского надзора в сфере защиты прав и свобод

человека и гражданина // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 90–101.

Канатов 2019 – *Канатов А.К.* К трендам уголовно-правовой политики после 2020 года (итоги и промежуточные цели) // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2019. № 2 (42). С. 23–29.

References

Kanatov, A.K. (2019), “On trends of criminal legal policy after 2020 (results and intermediate goals)”, *Bulletin of Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University*, no. 2 (42), pp. 23–29.

Zhirov, A.V. (2019), “On measures to ensure the security and the law and order in the work of the Coordinating Council of Prosecutors – Generals of the CIS member states and the practice of prosecutorial supervision in the field of protection of the human and civil rights and freedoms”, *International cooperation of Eurasian States. Politics, Economics, Law*, no. 4, pp. 90–101.

Информация об авторе

Ирина Е. Ханова, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irkh_76@mail.ru

Information about the author

Irina E. Khanova, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; irkh_76@mail.ru

УДК 81'272

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-112-124

Изучение русского языка как фактор гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве

Вадим М. Шнейдер

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, vadiksh92@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные со статусом и ролью русского языка на постсоветском пространстве. Подчеркивается, что русский язык остается одним из главных факторов, который по-прежнему объединяет разные с социокультурной точки зрения страны постсоветского региона. Особое внимание автор уделяет изучению русского языка в школах. Отмечается, что в ряде государств региона русский язык является обязательным для изучения. К этим странам относятся Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения и Азербайджан. В Украине, Грузии, Молдове, Латвии, Литве, Эстонии и Туркменистане русский язык преподается в средней школе в качестве второго иностранного языка. Автор подчеркивает, что языковая политика далеко не всегда соответствует языковой среде, которая складывается естественным путем и зависит от ряда социокультурных факторов. В связи с этим подробно рассматривается языковая ситуация в каждой из стран постсоветского пространства. В заключительной части статьи автор отмечает, что перспективы изучения русского языка в странах постсоветского пространства зависят от различных факторов: уровня подготовки педагогических кадров, востребованности русского языка, сохранения русскоязычной среды и проведения гибкой языковой политики.

Ключевые слова: русский язык, постсоветское пространство, гуманитарное сотрудничество, языковая политика

Для цитирования: Шнейдер В.М. Изучение русского языка как фактор гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 112–124. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-112-124

© Шнейдер В.М., 2021

Studying the Russian language as a factor of humanitarian cooperation in the Eurasian space

Vadim M. Shneider

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vadiksh92@gmail.com

Abstract. The article considers issues related to the status and role of the Russian language in the post-Soviet space. It is emphasized that Russian language remains one of the main factors that still unites the countries of the post-Soviet region, different from a socio-cultural point of view. The author pays special attention to the study of the Russian language in schools. It is noted that in a number of states in the region, the Russian language is compulsory for learning. These countries include Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Armenia and Azerbaijan. In Ukraine, Georgia, Moldova, Latvia, Lithuania, Estonia and Turkmenistan, Russian language is taught in secondary schools as a second foreign language. The author emphasizes that language policy does not always correspond to the language environment, which develops naturally and depends on a number of socio-cultural factors. In this regard, the author considers in detail the linguistic situation in each of the countries of the post-Soviet space. In the final part of the article, the author emphasizes that the prospects for studying the Russian language in the post-Soviet countries depend on various factors: the level of training of teachers, the demand for the Russian language, the preservation of the Russian-speaking environment and the pursuit of a flexible language policy.

Keywords: Russian language, post-Soviet space, humanitarian cooperation, language policy

For citation: Shneider, V.M. (2021), "Studying the Russian language as a factor of humanitarian cooperation in the Eurasian space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 112-124, DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-112-124

Наступивший XXI век – это век коммуникации, при этом одна из наиболее важных форм коммуникации – лингвистическая. Владение иностранными языками является одним из основных факторов конкурентоспособности человека в современном мире. Помимо этого, знание иностранного языка позволяет понять культуру другого народа и способствует укреплению межкультурного диалога.

Одним из главных факторов, который по-прежнему объединяет разные с социокультурной точки зрения страны постсоветского пространства, остается русский язык. Статья посвящена вопросу изучения русского языка в странах постсоветского пространства.

После распада СССР прошло значительное время, в течение которого новообразованные государства реализовывали различные стратегии во внутренней и внешней политике. Существенно отличалась и языковая политика, проводимая руководством этих государств. Прежде всего, мы можем выделить те страны постсоветского пространства, в которых русский язык имеет официальный статус. В Беларуси русский язык является государственным языком, в Казахстане и Кыргызстане русский язык имеет официальный статус, в Таджикистане русский язык имеет статус языка межнационального общения, а в Узбекистане на русском языке по требованию граждан могут осуществляться нотариальные действия, что зафиксировано в Законе о государственном языке Республики Узбекистан.

Оценка языковой ситуации в стране во многом зависит от возможности изучения иностранных языков. С этой точки зрения мы можем разделить страны постсоветского пространства на две группы. В первой группе стран русский язык преподается в качестве обязательного предмета. К этим странам относятся Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Армения и Азербайджан. В Украине, Грузии, Молдове, Латвии, Литве, Эстонии и Туркменистане русский язык преподается в средней школе в качестве второго иностранного языка (первым, как правило, является английский).

Следует подчеркнуть, что языковая политика далеко не всегда соответствует языковой среде, которая складывается естественным путем и зависит от ряда социокультурных факторов. В связи с этим представляется целесообразным кратко рассмотреть языковую ситуацию в каждой из стран постсоветского пространства. Особое внимание при этом будет уделяться вопросам, связанным с изучением русского языка в школах и высших учебных заведениях.

В Беларуси русский язык занимает доминирующее положение: он распространен на всей территории страны и используется во всех сферах жизни. Для большинства жителей страны русский язык остается основным языком бытового общения. Ведущую роль он играет и в сфере образования: так, в 2018/19 уч. г. на русском языке обучалось 89% школьников, и доля учащихся в учреждениях общего среднего образования, обучающихся на русском языке, стабильно растет¹. Среди студентов вузов 60% получают высшее образование на русском языке, 39% в ходе обучения используют два языка (русский и белорусский)² – как правило, это студенты, изучающие гуманитарные дисциплины. Языковая ситуация в Бе-

---

¹ Образование в Республики Беларусь: Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. С. 67.

² Там же. С. 144.

ларуси свидетельствует о том, что русский язык занимает в стране прочные позиции, и можно предположить, что подобная ситуация сохранится и в будущем.

В Украине ситуация с русским языком отличается от белорусской. В 2016/17 уч. г. образование на русском языке получали 9,4% украинских школьников³. При этом, учитывая языковую ситуацию, этот показатель существенно отличался в различных регионах страны: так, в Донецкой области образование на русском языке получали 40,5% школьников, в Луганской – 34,9%, в Одесской – 29,5%, в Харьковской – 27,1%⁴. Однако начиная с 2020/21 уч. г. весь образовательный процесс в средней школе осуществляется на украинском языке. Более того, 16 января 2021 г. вступила в силу статья 30 Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». В соответствии с этой статьей предоставление всех образовательных услуг возможно только на украинском языке⁵.

Тем не менее русский язык по-прежнему активно используется жителями Украины в бытовом общении (особенно в южных и восточных регионах страны). Также присутствие русского языка заметно в медиапространстве: русский язык наиболее распространен в Интернете, в том числе в социальных сетях, на телевидении доля программ на русском языке составляет 46%⁶. По-прежнему популярны книги на русском языке, особенно художественная литература.

Помимо этого, следует отметить, что по результатам социологического опроса, который был проведен в июле 2020 г., 48,8% украинцев считают, что русский язык является историческим достоянием Украины, которое следует сохранять⁷. Еще один опрос, касающийся

---

³ Загальноосвітні навчальні заклади України на початок 2016/2017 навчального року. Стат. бюл. Київ: Державна служба статистики України, 2017. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ З 16 січня державна мова обов'язкова у сфері надання всіх освітніх послуг [Электронный ресурс] // Мовний омбудсмен України. URL: <https://eo.gov.ua/z-16-sichnia-2021-roku-derzhavna-mova-obov-iazkova-u-sferi-nadannia-usikh-osvitnikh-posluh/> (дата обращения 13 июня 2021).

⁶ Частка російської мови на шести найпопулярніших телеканалах за 2 роки зросла з 7% до 46% – дослідження [Электронный ресурс] // Еспресо ТВ. URL: https://espresso.tv/news/2020/11/09/chastka_rosiyskoyi_movy_na_shesty_naypopulyarnishykh_telekanalakh_za_2_roky_zrosla_z_7_do_46_doslidzhennya (дата обращения 13 июня 2021).

⁷ Суспільно-політичні орієнтації населення України. Квітень 2020 [Электронный ресурс] // Київський міжнародний інститут соціології. URL: https://www.kiis.com.ua/materials/pr/20200406_pressconf/politics_april%202020.pdf (дата обращения 13 июня 2021).

ся изучения русского языка, был проведен в 2019 г. Большая часть опрошенных украинцев (в совокупности – 55,8%) считают, что на изучение русского языка должно отводиться больше времени, чем на изучение других иностранных языков⁸. Этот показатель включает в себя 29,9% респондентов, которые считают, что национальные школы должны отводить на изучение русского языка сколько же часов, сколько выделяется на уроки языка украинского. Эта точка зрения распространена преимущественно в русскоязычных регионах Украины. Таким образом, русский язык по-прежнему занимает прочные позиции в большинстве регионов страны среди жителей всех возрастов. Фактическому сохранению двуязычной среды способствует близость русского и украинского языков: подавляющее большинство украинцев не сталкиваются в бытовой жизни с языковым барьером при коммуникации и восприятии информации.

В Молдове с 1991 по 2018 г. русский язык обладал статусом языка межнационального общения. При этом начиная с 2014 г. он перестал быть обязательным предметом в школьной программе и изучается в качестве второго иностранного (наравне с французским языком), первый иностранный язык в молдавских школах – как правило, английский. Тем не менее русский язык по-прежнему активно используется в крупнейших городах Молдовы (Кишинев и Бельцы), а также в Гагаузии. Следует отметить, что в общественно-политическом пространстве Молдовы достаточно распространены дискуссии вокруг статуса русского языка. Так, в конце 2020 г. парламент Молдовы принял Закон «О функционировании языков на территории Молдовы», в соответствии с которым русскому языку был возвращен прежний статус. Однако уже в январе 2021 г. Конституционный суд Молдовы признал закон не соответствующим Конституции, что вызвало противоречивую реакцию у граждан страны⁹.

В Армении русский язык очень распространен среди жителей страны, несмотря на то что русские составляют менее 1% населения Армении. Помимо этого, именно русский язык занимает место первого и обязательного для обучения иностранного языка, кото-

---

⁸ Мнения и взгляды населения относительно преподавания русского языка в украиноязычных школах и предоставление неподконтрольным территориям Донбасса автономии в составе Украины. 2019. 15 марта [Электронный ресурс] // Київський міжнародний інститут соціології. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=832> (дата обращения 13 июня 2021).

⁹ *Семенова Ю.* Русский язык в Молдове остался без статуса. А останутся ли русские школы? [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 2021. 22 янв. URL: <https://www.dw.com/ru/russkij-jazyk-v-moldove-ostalsja-bez-statusa-a-ostanutsja-li-russkie-shkoly/a-56313275> (дата обращения 19 июня 2021).

рый учат со 2-го класса. Также востребован русский язык и в армянских университетах: значительная часть учебной литературы по-прежнему издается на русском языке. Популярность русского языка в стране может быть обусловлена рядом факторов, в частности тесным сотрудничеством России и Армении в различных сферах. Определенную роль может играть и тот факт, что армянская диаспора является одной из крупнейших в России и таким образом связывает две страны на уровне бытовых контактов.

В Азербайджане русский язык также является обязательным для изучения в школах и вузах. В стране функционируют 340 школ, в которых имеются классы с русским языком обучения. Наиболее востребованы русскоязычные школы в крупных городах страны, прежде всего в Баку, где образование на русском языке получают 17% школьников¹⁰. В сфере высшего образования русский язык занимает еще более уверенные позиции – так, больше 70% специальностей в вузах подразумевают образование на русском языке¹¹. Русский язык активно используется в различных сферах жизни Азербайджана, особенно в сфере услуг. Таким образом, можно констатировать, что уровень владения русским языком в Азербайджане является достаточно высоким, хотя не во всех регионах ситуация одинакова.

В Грузии русский язык изучается в школах в качестве второго иностранного (наряду с французским и немецким языками) с 5-го класса. При этом есть и государственные школы, где обучение ведется на русском языке. Современная грузинская молодежь предпочитает изучать английский язык, однако интерес к изучению русского языка также постепенно возрастает. Следует подчеркнуть, что владение русским языком является важным условием для работы в туристическом секторе, учитывая большой поток туристов из России и других русскоязычных стран. Также необходимо отметить, что, по данным социологического исследования, проведенного в 2020 г., самым распространенным иностранным языком в Грузии остается русский: 24% опрошенных сказали, что владеют им на высоком уровне, 55% – на среднем¹².

---

¹⁰ Кямал Абдулла: патриотизм не связан со знанием родного языка [Электронный ресурс] // Спутник Азербайджан. 2020. 17 сент. URL: <https://az.sputniknews.ru/science/20200917/424943912/shkola-russkij-sektor-obuchenie.html> (дата обращения 19 июня 2021).

¹¹ Там же.

¹² Кухтенкова Е. Самым распространенным иностранным языком в Грузии остается русский [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. 17 авг. URL: <https://rg.ru/2020/08/17/samym-rasprostranennym-inostrannym-iazykom-v-gruzii-ostaetsia-russkij.html> (дата обращения 19 июня 2021).

В Казахстане русский язык имеет официальный статус и является языком межнационального общения. Есть школы с русским языком обучения, а обучающиеся на казахском языке изучают русский язык в качестве обязательного предмета. Сегодня в Казахстане для учеников всех школ предусмотрено владение казахским, русским и английским языками. Эта стратегия предусматривает формирование у выпускников языковых компетенций, которые будут способствовать повышению их конкурентоспособности в современных условиях. Отметим, что русский язык занимает ведущие позиции в средствах массовой информации, в первую очередь в Интернете и на телевидении. На русском языке издается научная и художественная литература. Русским языком на высоком уровне владеет подавляющее большинство жителей Казахстана. Для жителей Казахстана русский язык зачастую выступает в качестве языка мыслительной деятельности, а также языка, обеспечивающего широкий спектр познавательных и коммуникативных потребностей [Вдовина, Никитина 2017, с. 60].

В Кыргызстане русский язык обладает официальным статусом, а также является языком межнационального общения. Примечательно, что в последние годы возросло число жителей Кыргызстана, которые приезжают в Россию с целью учебы и работы. Поскольку знание русского языка является обязательным условием адаптации к жизни в России, многие граждане Кыргызстана заинтересованы в его изучении. Несмотря на то что во всех школах русский язык обязателен для изучения, в настоящий момент в республике отмечается нехватка учителей русского языка. Отметим, что сотрудничество между Россией и Кыргызстаном в этой сфере ведется достаточно активно: в частности, существует проект по повышению качества русскоязычного образования в республике, предусматривающий, в том числе, направление российских учителей в школы Кыргызстана¹³.

Важным фактором, который способствует сохранению русскоязычной среды в Кыргызстане, является и официальная позиция руководства страны относительно статуса русского языка. Так, президент Кыргызстана Садыр Жапаров заявил, что он выступает против любых попыток изменить статус русского языка, а также отметил, что русский язык «открывает безграничные

---

¹³ *Подольская Д.* В Кыргызстан прибудут еще 24 учителя русского языка [Электронный ресурс] // Информационное агентство «24.kg». 2021. 3 авг. URL: https://24.kg/vlast/203051_vkyirgyizstan_pribudut_esche_24uchitel_ya_russkogo_yazyika/ (дата обращения 11 августа 2021).

возможности для постижения современной литературы, культуры»¹⁴.

В Таджикистане русский язык тоже занимает важное место в среднем и в высшем образовании. При этом в республике также остро стоит проблема нехватки учителей русского языка в различных школах, особенно в отдаленных районах. Подчеркнем, что в последние годы активно развивается сотрудничество между образовательными ведомствами России и Таджикистана. В 22 школах республики работают преподаватели из России, помимо этого, в пяти городах Таджикистана ведется строительство школ, которые будут работать по российским стандартам и должны быть оснащены необходимым оборудованием¹⁵.

К сожалению, во многих регионах Таджикистана фактически отсутствует русскоязычная среда, что снижает возможность практического применения русского языка. В то же время среди жителей Таджикистана сохраняется стабильный интерес к его изучению, что связано, прежде всего, с тенденцией к эмиграции из Таджикистана в Россию с целью работы или учебы. Отметим, что русский язык играет очень важную роль в сфере высшего образования Таджикистана, в частности, все кандидатские и докторские диссертации должны быть написаны на русском языке [Нагзибекова 2016, с. 116].

В Узбекистане созданы условия для изучения различных иностранных языков, в том числе русского. В школьной программе предусмотрено изучение русского языка для всех учащихся. Кроме того, школьники получают общее представление о русской культуре и литературе. Также в республике действуют 862 школы с русским языком обучения¹⁶. Активно развивается и межгосударственное сотрудничество России и Узбекистана по вопросам, связанным с преподаванием русского языка в республике. Основными задачами являются: повышение качества преподавания русского

---

¹⁴ Президент Киргизии выступил против изменения статуса русского языка [Электронный ресурс] // РБК. 2021. 19 фев. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/602f5f5a9a7947d38d6eaff9> (дата обращения 22 июня 2021).

¹⁵ Новоселова Е. Скоро новоселье. Россия продолжит развивать преподавание русского языка в Таджикистане [Электронный ресурс] // Российская газета. 2021. 14 мая URL: <https://rg.ru/2021/05/14/rossiia-prodolzhit-razvivat-prepodavanie-russkogo-iazyka-v-tadzhikistane.html> (дата обращения 10 августа 2021).

¹⁶ Статистика [Электронный ресурс]. Министерство народного образования Республики Узбекистан. URL: <https://uzedu.uz/ru/statistika> (дата обращения 6 августа 2021).

языка, подготовка педагогических кадров и учебно-методических материалов¹⁷. Важное место русский язык занимает и при получении высшего образования.

Востребованность русского языка в Узбекистане обусловлена объективными причинами. Во-первых, в полиэтничной стране, которой является Узбекистан, русский язык продолжает играть роль языка межнационального общения. Во-вторых, владение русским языком существенно облегчает адаптацию граждан Узбекистана, которые проживают в РФ или планируют переехать в Россию с целью работы или учебы. Тот факт, что жители страны крайне заинтересованы в изучении русского языка, открывает большие возможности для развития научно-образовательного взаимодействия в этой сфере. Как и в ряде других стран, уровень владения русским языком отличается в разных регионах Узбекистана, при этом больше всего русский язык распространен в Ташкенте, а также в крупных городах с поликультурным составом населения, в частности в Самарканде.

В Туркменистане, по разным оценкам, русским языком свободно владеют от 12 до 18% жителей страны [Боришполец 2014, с. 64]. Этот показатель является самым низким на постсоветском пространстве. В 2020 г. в республике были расформированы классы с русским языком обучения¹⁸. Использование русского языка в средствах массовой информации также ограничено [Боришполец 2014, с. 68]. Таким образом, языковая ситуация в Туркменистане не самая простая. При этом многие туркмены заинтересованы в знании русского языка, в том числе с целью обучения в университетах России и Беларуси. Русский язык по-прежнему считается престижным в туркменском обществе, наряду со знанием турецкого и английского языков.

Также необходимо описать ситуацию и в странах, которые никогда не входили в СНГ, но тем не менее являются частью постсоветского пространства. К этим странам относятся государства Балтии.

В Литве русский язык изучается в качестве второго иностранного языка. Здесь действуют 32 русские школы, где более 80%

---

¹⁷ Узбекистан надеется на помощь России в создании учебников по русскому языку [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 14 окт. URL: <https://ria.ru/20191014/1559765359.html> (дата обращения 8 августа 2021).

¹⁸ Юраниец А. Коррупция и протесты: в Туркмении расформированы русскоязычные классы [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2020. 12 сент. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/11_a_13248326.shtml (дата обращения 8 августа 2021).

предметов преподаются на русском языке¹⁹. В первую очередь эти школы расположены в столице Литвы Вильнюсе, а также в крупном городе Клайпеде. В этих городах русский язык по-прежнему остается распространенным среди значительной части жителей²⁰. Единственным городом Литвы, в котором русскоязычные жители составляют большинство, остается город Висагинас, построенный в качестве города-спутника Игналинской атомной электростанции.

По сравнению с периодом середины 1990-х – начала 2000-х гг. русский язык в Литве становится в целом более востребованным, в том числе среди молодежи. Сегодня знание русского языка является дополнительным преимуществом для получения работы в сфере услуг, поскольку большая часть туристов приезжает в Литву из Беларуси и России. Также владение русским языком актуально для инженеров, специалистов в логистической и транспортной сферах и жителей Литвы, работающих в строительном секторе²¹.

В Латвии русскоязычные жители составляют значительную часть населения страны. По переписи 2011 г. для 37,2% жителей Латвии русский язык является родным. В стране действуют 94 школы с русским языком обучения и 68 двуязычных школ²². В 2018 г. были приняты изменения к закону об образовании, согласно которому во всех школах с 1 по 6 класс на латышском языке будут преподаваться не менее 50% предметов, с 7 по 9 – не менее 80%, а с 10 по 12 классы – 100% предметов²³. Решение вызвало большой резонанс среди русскоязычных жителей Латвии. Противники реформы считают, что она нарушает права меньшинств, и были недовольны тем, что изменения были приняты без предварительного обсуждения с последними²⁴. Тем не менее в стране действуют

---

¹⁹ *Кугель М.* Позитивная дискриминация. Как устроено русскоязычное образование в странах Балтии [Электронный ресурс] // Спектр. 2019. 25 фев. URL: <https://spektr.press/positivnaya-diskriminaciya-kak-ustroeno-russkoyazychnoe-obrazovanie-v-stranah-baltii/> (дата обращения 1 августа 2021).

²⁰ *Murauskaitė A.* Be užsienių kalbų vargiai darbą gausi: Vilniuje reikia vienu, Kaune – kitu [Электронный ресурс] // Lietuvos rytas. 2019 Rugpjūtis 22. URL: <https://www.lrytas.lt/verslas/rinkos-pulsas/2019/08/22/news/be-uzsienio-kalbu-vargiai-darba-gausi-vilniuje-reikia-vienu-kaune-kitu-11528266/> (дата обращения 1 августа 2021).

²¹ Šiandien labai aktuali specializuota rusų kalba [Электронный ресурс] // Skrivane.lt. 2020. 20 janvāri. URL: <https://skrivane.lt/kur-reikalinga-specializuota-rusu-kalba/> (дата обращения 1 августа 2021).

²² *Кугель М.* Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ *Хмельнов А.* Все школы в Латвии переходят на латышский язык [Электронный ресурс] // Euronews. 2018. 6 июля. URL: <https://ru.euronews.com/2018/07/05/latvia-russian-schools-opinion-ru> (дата обращения 9 августа 2021).

русскоязычные СМИ, пользуется спросом литература на русском языке. В ряде крупных городов русский язык по-прежнему активно используется в быту. К числу городов, где русский язык особенно распространен, относятся столица Латвии Рига и Даугавпилс – второй по численности населения город страны.

В Эстонии для 29,7% жителей русский язык является родным. Решение о языке преподавания в школе с 1-го по 9-й классы принимает орган самоуправления школы, при этом государство переводит на русский язык все эстонские учебники. Порядка 20% учащихся Эстонии получают среднее образование на русском языке²⁵. В русскоязычных школах обязательно изучение эстонского языка, язык преподавания остальных предметов определяется школами в зависимости от предпочтений родителей. С 10-го по 12-й классы 60% всех предметов должны преподаваться на эстонском языке. Русский язык в Эстонии распространен неравномерно. Есть преимущественно русскоязычные города, такие как Нарва и Кохтла-Ярве, достаточно распространен русский язык и в Таллине. Однако во многих регионах Эстонии русский язык практически не используется. Необходимо учитывать и тот факт, что эстонский язык в отличие от большинства языков европейских народов относится к финно-угорской языковой семье, поэтому он кардинальным образом отличается от русского языка и грамматически, и лексически. В связи с этим те жители Эстонии, которые не изучали русский язык в школе, как правило, не владеют им даже на минимальном уровне.

Перспективы изучения русского языка в странах постсоветского пространства зависят от различных факторов: уровня подготовки педагогических кадров, востребованности русского языка, сохранения русскоязычной среды и проведения гибкой языковой политики. Безусловно, крайне важна и деятельность учебных и научных заведений, занимающихся проблемами преподавания русского языка как иностранного. Здесь особое значение имеет деятельность Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (далее – Институт Пушкина).

В 2013 г. Институт Пушкина получил статус базовой организации по преподаванию русского языка в странах СНГ²⁶. В «Партнерской сети» Института Пушкина принимают участие высшие учебные заведения Беларуси, Армении, Молдовы, Казахстана, Кыр-

---

²⁵ Там же.

²⁶ История и миссия [Электронный ресурс] // Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. URL: <https://www.pushkin.institute/institut/history/> (дата обращения 9 августа 2021).

гызстана, Узбекистана и Таджикистана. Центры партнерской сети Института предлагают студентам программы по изучению русского языка, а также специальные курсы по подготовке к сдаче Единого государственного экзамена для школьников, планирующих поступать в российские вузы²⁷.

Можно отметить также образовательные мероприятия, направленные на продвижение русского языка. В их числе – ежегодная акция «Тотальный диктант» и различные Олимпиады по русскому языку. К примеру, в ноябре–декабре 2020 г. на базе СПбГУ была проведена II Международная Олимпиада по русскому языку как иностранному в онлайн-формате²⁸. Необходимо учитывать и большее число иностранных студентов, обучающихся в российских университетах и стремящихся выучить русский язык. Особый интерес перспективы обучения в России вызывают именно у жителей стран постсоветского пространства, что свидетельствует о том, что особое значение русского языка в регионе сохранится и в дальнейшем. Проведение различных образовательных мероприятий способствует развитию научно-образовательного сотрудничества в сфере изучения русского языка.

Не вызывает сомнений, что изучение русского языка в странах бывшего СССР способствует сохранению гуманитарных связей на постсоветском пространстве и является одним из факторов, влияющих на развитие как двустороннего сотрудничества, так и интеграционных процессов в регионе. По итогам проведенного анализа мы можем сделать вывод о том, что русский язык по-прежнему играет роль языка межнационального общения в большинстве стран постсоветского пространства. Изучение русского языка востребовано во всех государствах региона, а владение им является дополнительным преимуществом в различных сферах, в том числе в образовании, науке и сфере услуг.

---

²⁷ Партнерская сеть «Институт Пушкина» [Электронный ресурс] // Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. URL: <https://www.pushkin.institute/partnership/network/> (дата обращения 9 августа 2021).

²⁸ II Международная олимпиада по русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://rusolymp.edu.ru/> (дата обращения 9 августа 2021).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «30 лет СНГ: трансформационные процессы на постсоветском пространстве в глобальном и региональном измерении» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The work was supported by the Russian State University for the Humanities project “30th Anniversary of the CIS. Global and Regional Dimension of the Transformation Processes in the Post-Soviet Space” (“RSUH Project Research Teams” Award).

Литература

-
- Боришполец 2014 – *Боришполец К.П.* Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Ун-та. 2014. № 2. С. 63–70.
- Вдовина, Никитина 2017 – *Вдовина Н., Никитина С.* Русский язык в системе образования Казахстана // Этнодиалоги. Науч.-информ. альм. 2017. № 1 (52). С. 58–62.
- Нагзибекова 2016 – *Нагзибекова М.Б.* Русский язык в Таджикистане. Проблемы и перспективы // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2016. № 1. С. 115–119.

References

-
- Borishpolets, K.P. (2014), “Russian language in the Central Asia Region”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 2, pp. 63–70.
- Nagzibekova, M.B. (2016), “Russian language in Tajikistan. Issues and perspectives”, *Eurasian Bulletin of Humanities Studies*, no. 1, pp. 115–119.
- Vdovina, N. and Nikitina, S. (2017), “Russian language at the education system of Kazakhstan”, *Ethnodiologues. Scientific information Almanac*, no. 1 (52), pp. 58–62.

Информация об авторе

Вадим М. Шнейдер, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadiksh92@gmail.com

Information about the author

Vadim M. Shneider, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vadiksh92@gmail.com

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-125-147

«Несломленный народ: от общей победы к общей исторической памяти»

Вадим М. Шнейдер

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, vadiksh92@gmail.com*

Инна С. Кондрашова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, habaro4i@inbox.ru*

Аннотация. В статье предпринимается аналитический обзор коллективной монографии «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти», подготовленной в рамках работы Совместной рабочей группы историков Российской Федерации и Республики Казахстан. Авторами книги стали историки, архивисты и музейные работники из России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Монография разделена на семь глав, каждая из которых включает статьи, объединенные общей тематикой. В первой главе представлены статьи, посвященные различным источникам информации о Великой Отечественной войне. Вторая глава включает в себя статьи исследователей, изучающих положение на фронтах. Третья глава объединяет статьи, в которых рассматривается положение жителей территорий, находившихся в годы войны под нацистской оккупацией. В четвертой главе представлены статьи, посвященные эвакуации людей и предприятий из западной части СССР в центрально-азиатские республики и Татарскую АССР. Статьи, включенные в пятую главу, посвящены широкому кругу вопросов, связанных с тылом в годы войны. Статьи шестой главы затрагивают темы восстановления городов, пострадавших во время войны, возрождения советской экономики и проблемы, связанные с системой проверки военнопленных, возвращаемых в Советский Союз после освобождения. Особенности исторической памяти жителей различных регионов России и Казахстана посвящены статьи седьмой главы рассматриваемой книги.

Издание коллективной монографии «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти» стало важным событием для исторического сообщества России, Казахстана и других стран, входивших

© Шнейдер В.М., Кондрашова И.С., 2021

в годы войны в состав СССР. Отличительной характеристикой книги является детальное и объективное изучение как трагических, так и героических событий, повлиявших на ход войны. Статьи, входящие в сборник, свидетельствуют о том, что Великая Отечественная война занимает особое место в памяти жителей стран постсоветского пространства, поскольку трагедия войны коснулась каждой семьи. Коллективная монография «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти» представляет собой пример успешного взаимодействия исследователей из государств постсоветского пространства и может быть востребована в качестве учебно-методического пособия, а также использоваться при подготовке курсов по отечественной истории для студентов гуманитарных вузов.

Ключевые слова: монография, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, историческая память

Для цитирования: Шнейдер В.М., Кондрашова И.С. «Несломленный народ: от общей победы к общей исторической памяти» // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 125–147. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-125-147

“Unbowed people: from the common victory to the common historical memory”

Vadim M. Shneider

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vadiksh92@gmail.com

Inna S. Kondrashova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, habaro4i@inbox.ru

Abstract. The paper provides a review on the collective monograph “Unbowed people: from the common victory to the common historical memory”, which was prepared within the framework of the joint working group of Historians of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The authors of the book are historians, archivists and museum workers from Russia, Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. The monograph is divided into seven chapters, each of them includes scientific articles, united by a common theme. In the First chapter, articles that are concerned with various sources of information about the Great Patriotic War are presented. The Second chapter includes articles studying the situation on the fronts of the war. The Third chapter unites the articles which show the situation in the occupied territories during the war. The Fourth chapter presents articles about the process of evacuation of people and industrial enterprises from the western part of the USSR to the Central Asian republics and the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. The Fifth chapter brings together articles on a wide range of issues related to the rear and home front workers. The Sixth chapter includes articles, touching on the theme of rebuilding cities damaged during the war, the revival of the Soviet economy and issues associated with the system of checking prisoners of war returned

to the Soviet Union after liberation. The Seventh chapter brings together the articles of researchers dedicated to the key features of the historical memory of the inhabitants of various regions of Russia and Kazakhstan.

Publication of the collective monograph “Unbowed people: from the common victory to the common historical memory” became an important event for the historical community of Russia, Kazakhstan and other countries that were part of the USSR during the war. A distinctive characteristic of the book is a detailed and objective study of both the tragic and heroic events that influenced the course of the war. The articles indicate that the Great Patriotic War holds a special place in the memory of the inhabitants of the post-Soviet countries, because the tragedy of the war touched every family. Collective monograph “Unbowed people. From a common victory to a common historical memory” is an example of successful interaction of researchers from the post-Soviet states and it can be relevant as a schoolbook, as well as used in the preparation of courses on Russian history for students of humanitarian universities.

Keywords: monograph, Great Patriotic War, World War II, historical memory

For citation: Shneider, V.M. and Kondrashova, I.S. (2021), “Unbowed people: from the common victory to the common historical memory”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 125-147, DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-125-147

Великая Отечественная война занимает особое место в исторической памяти народов бывшего Советского Союза. Советские республики потеряли огромное количество мирного населения, которое стало жертвой не только боевых действий, но и массового террора, развязанного нацистами на временно оккупированных территориях. Память о войне отразилась в многочисленных исторических исследованиях, воспоминаниях непосредственных участников военных событий, художественной литературе и кино. Подробный и объективный анализ трагических и героических страниц Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) способствует сохранению памяти о периоде 1941–1945 гг.

Важным событием научной жизни стало издание коллективной монографии «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти», которая была подготовлена в рамках работы Совместной рабочей группы историков Российской Федерации и Республики Казахстан. Авторами книги стали историки, архивисты и музейные работники из России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана.

Монография разделена на семь тематических частей. В первой главе «Историография и источниковедение» представлены статьи,

посвященные источникам информации о Великой Отечественной войне: архивным материалам, научным изданиям, а также визуальным и письменным источникам (в частности, фотографиям и письмам).

А.А. Михайлов выделяет и подробно анализирует основные этапы развития советской и российской историографии ВОВ. В частности, он отмечает, что период правления Н.С. Хрущева характеризовался ростом интереса историков к мемуарам и письмам участников войны [Несломленный народ 2021, с. 11]¹. Кроме того, А.А. Михайлов напоминает, что, начиная с периода перестройки, историки стали активно обсуждать такие малоизученные проблемы, как причины неудач Красной армии в начале войны, репрессии против командного состава армии накануне и в годы ВОВ, размеры человеческих потерь, понесенных СССР (с. 18).

Д.А. Аманжолова обращается к казахстанской историографии Великой Отечественной войны, отмечая проблемы, которые вызывают наиболее упорные споры среди казахстанских историков. Это, например, проблема использования терминов «советский народ» и «Великая Отечественная война» (с. 23–28).

В свою очередь, А.Н. Кашкимбаев констатирует, что период независимости Казахстана «отличается резким ростом исторического сознания населения, выраженного в стремлении познать истинный смысл многих исторических явлений периода войны 1941–1945 гг.» (с. 38). Так, активно изучаются судьбы защитников Брестской крепости, военнопленных и представителей народов, депортированных в Казахскую ССР.

К.С. Дроздов и В.В. Тихонов на примере 201-й Латышской стрелковой дивизии исследуют историю национальных формирований Красной армии. В своей статье они приводят уникальные воспоминания латышских стрелков, участвовавших в освобождении Латвии от нацистской оккупации. Авторы отмечают, что «в ходе войны дивизия пополнялась уже не только латышами, но и представителями других национальностей», что свидетельствовало о формировании «военной корпоративной идентичности» (с. 64–65). Таким образом, пример 201-й Латышской стрелковой дивизии показывает, что

...несмотря на серьезные трудности, РККА времен Великой Отечественной войны представляла собой по-настоящему интернациональную армию (с. 65).

---

¹ Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках.

Е.Л. Киселева изучает материалы о лагерях военнопленных на территории бывшего СССР. Основными источниками данных о трагической судьбе советских военнопленных являются для нее документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), которые включают в себя, в частности, протоколы допросов военнопленных и свидетельства очевидцев, проживавших на оккупированных территориях. Исследовательница приходит к выводу, что потенциал ЧГК как важного источника для изучения темы советского военного плена далеко не исчерпан (с. 67).

Э.Л. Коршунов и Н.Ю. Бринюк описывают историю создания и развития Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) и его филиалов. Авторы отмечают, что, учитывая большой интерес историков к событиям Второй мировой войны, в начале XXI в. ЦАМО провел активную работу по экспертизе документов для их рассекречивания (с. 86). Важным этапом развития архива стало и создание электронных баз данных об участниках ВОВ. В 2015 г. эти базы данных были объединены в единый портал «Память народа» (с. 87). Не менее значима и деятельность филиалов ЦАМО в Гатчине и Санкт-Петербурге. В настоящее время в гатчинском филиале хранится обширная коллекция документов Военно-морского флота, а в Петербурге – архив Военно-медицинского музея.

К.Ш. Алимгазинов и Е.В. Чиликова исследуют работу Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), в котором хранится обширная база документов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. АП РК регулярно публикует сборники рассекреченных документов, содержащих информацию о различных сторонах политической, экономической и общественной жизни Казахской ССР в годы войны, а также визуальные источники – как из фондов архива, так и из личных архивов жителей Казахстана (с. 99). Исследование приводит авторов к заключению, что

...введение в научный оборот малоизвестных и ранее не доступных архивных документов способствует переосмыслению прошлого, формирует содержание исторической памяти нации (с. 106).

Р.Р. Хисамутдинова обращается к уникальному источнику военного времени – фронтовым письмам: в ее статье приводятся отрывки из писем, которые были написаны в разные годы войны ушедшими на фронт жителями Южного Урала. Автор справедливо замечает, что личные письма

...являются наиболее ценными для изучения внутреннего мира человека на войне, психологии солдата, для воссоздания военной повседневности (с. 107). Несмотря на тяжелейшие условия и трагические обстоятельства, в письмах солдаты, как правило, старались поддержать своих близких и вселить в них веру в скорое окончание войны.

Вторая глава «Фронт» объединяет статьи исследователей, изучающих военные действия. Авторы рассматривают роль женщин на войне, особенности функционирования медицинской службы, значение восточного оборонительного рубежа и вклад поставок по ленд-лизу в победу союзников во Второй мировой войне.

А.Ю. Безугольный исследует национальные формирования Среднеазиатского военного округа в 1941–1942 гг. По его мнению, главной проблемой формирования национальных соединений в округе стало укомплектование личным составом (с. 131). Например, существовал языковой барьер, связанный с тем, что рядовой состав был представлен преимущественно жителями центрально-азиатских республик, многие из которых не владели русским языком в достаточной степени. Вместе с тем в статье А.Ю. Безугольного отмечается, что участие национальных частей в боях за малую родину имело большое моральное значение как для военнослужащих, так и для местного населения (с. 136).

Статья Б.Г. Аягана посвящена проблеме участия войсковых формирований из Казахстана в сражениях ВОВ. Констатируя, что казахстанцы принимали участие во всех ключевых сражениях войны, в том числе в сражении под Ржевом, битве за Сталинград, боях под Харьковом и битве за Берлин, автор делает вывод о значительном вкладе, внесенном воинами из Казахстана в дело Победы. Кроме того, Б.Г. Аяган акцентирует значимость фондов ведомственных архивов для изучения данной темы. По архивным материалам военных ведомств современные казахстанские историки изучают участие казахстанцев в отрядах Сопrotивления в европейских странах, выясняют судьбу пропавших без вести и военнопленных.

З.Г. Сактаганова в своей работе обращается к вопросу об участии в Великой Отечественной войне женщин из Казахстана. Желание защитить свою землю, стремление быть рядом со своей семьей, чувство долга, желание принести пользу обществу – вот основные мотивы, которые приводили женщин на фронт. До сих пор неизвестно точное число женщин, принимавших участие в боевых действиях, однако изучение фондов АП РК позволило автору установить, что, по официальным данным, в ВОВ приняли участие 5250 женщин из Казахской ССР, но эти данные очевидно занижены (с. 161). Автор отмечает, что не все мобилизованные женщины при-

нимали участие в боевых действиях, но все они приближали победу своим ежедневным героическим трудом (с. 169).

Л.В. Курас и Б.Ц. Жалсанова исследуют участие в ВОВ жителей Бурятии. Авторы сообщают, что уже в первые дни войны в военкоматы Бурятии поступили тысячи заявлений от добровольцев с просьбой направить их на фронт (с. 170). Уроженцы Бурятии принимали участие во всех значимых операциях Красной армии в 1941–1945 гг., а их подвиг остается в памяти жителей республики и по сей день.

М.Н. Супрун изучает северный маршрут поставок по ленд-лизу. Он справедливо отмечает, что

...одним из источников победы союзников во Второй мировой войне стал огромный военно-экономический потенциал стран Антигитлеровской коалиции, многократно превысивший потенциал противника (с. 177).

Механизмом эффективного использования этого потенциала был ленд-лиз. Северные конвои стали наиболее важным и самым коротким маршрутом поставок союзных стратегических грузов в СССР. Рискуя жизнью, участники северных конвоев внесли значимый вклад в общую победу.

Функционирование советской военной медицины в годы войны исследует О.А. Крючков. По его данным, уже в начале войны проявилась существенная нехватка квалифицированных специалистов. Помимо этого, медицинская служба Советской армии несла значительные потери, общее число которых к концу войны превысило 210 тыс. чел. Врачи, прибывавшие из запаса, как правило, не имели необходимого опыта оказания медицинской помощи на передовой (с. 189). Несмотря на сложную ситуацию и трагические потери, сотрудники медицинской службы, работавшие, в том числе, в военно-полевых госпиталях, не раз проявляли героизм. О.А. Крючков приходит к выводу, что «военные врачи не допустили развития в войсках эпидемий, что является беспрецедентным случаем в мировой истории войн» (с. 193).

В фокусе внимания Г.А. Ткачевой находится восточный оборонительный рубеж СССР в годы войны. Формирование пояса военно-стратегической безопасности в условиях угрозы со стороны милитаристской Японии было для советского государства задачей высокой стратегической важности. Функционирование сухопутных формирований и соединений военно-морского флота стало существенным сдерживающим фактором для противника. По мнению автора, «отвлечение крупной группировки японских сухопут-

ных сил позволило США и Великобритании выиграть время для развертывания военного производства и мобилизации людских и материальных ресурсов для войны на Тихом океане» (с. 208). В конечном итоге это стало одним из факторов поражения Японии во Второй мировой войне.

Третья глава «Оккупация» объединила статьи исследователей, описывающие положение жителей оккупированных территорий. Представленные здесь исследования посвящены участию граждан СССР в партизанских отрядах, особенностям нацистской политики по отношению к местному населению, проблеме коллаборационизма и трагедии Холокоста.

В.И. Мусаев подробно рассматривает особенности оккупационной политики нацистов на примере Ленинградской области и выясняет, что оккупационные власти активно вывозили жителей области в Германию в качестве рабочей силы; жителей, оставшихся в городах, оккупанты выселяли на окраины, а здания в центре города занимали немецкие штабные учреждения и офицерский состав (с. 210). В сельской местности нацисты пытались проводить идеологическую обработку населения, и, по мнению автора, некоторые мероприятия «оказывались в известной мере эффективными» (в особенности это касается аграрной реформы и религиозной политики) (с. 221). Однако нацистская идеология, отличавшаяся расизмом и русофобией, а также жестокая политика в отношении местных жителей сводили на нет эффективность нацистской пропаганды. На перемену настроения населения оккупированных районов Ленинградской области оказали влияние и военные поражения нацистов (с. 221).

К проблеме военного коллаборационизма на территории Крыма в период оккупации полуострова обращается в своем исследовании О.В. Романько. Привлечение местного населения или военнопленных в коллаборационистские формирования являлось одной из характерных особенностей политики нацистов на оккупированных территориях. Не стал исключением и Крымский полуостров, некоторые жители которого в годы войны вошли в нацистские формирования охранно-полицейского характера и оказались замешаны в преступлениях против человечности (с. 222). Анализируя мотивацию коллаборационистов, О.В. Романько приходит к выводу о том, что по этому признаку их можно разделить на три группы. К первой группе относились люди, служившие «за идею», веря, что немцы освободят их от большевиков и затем передадут им власть. Ко второй группе относились те, чья лояльность была связана с военными успехами нацистов на первом этапе войны. Поэтому со временем многие из них пытались перебежать на сторону советских

партизанских формирований или покинуть полуостров. Наконец, к третьей группе автор относит тех людей, которые стремились улучшить свое материальное положение и служили, пока этому положению ничего не угрожало. По мнению автора, большую часть коллаборационистов можно отнести именно ко второй и третьей группам (с. 226).

Ф.Л. Синицын обращается к проблеме противоборства советской и германской пропаганды в горских районах Северного Кавказа. Справедливо указывая на то, что Северный Кавказ является уникальным регионом по сложности этнополитической и этнорелигиозной ситуации, автор подчеркивает, что при этом к началу войны уровень вовлеченности населения ряда горных районов в общественно-политическую жизнь оставался невысоким (с. 230). Во время войны советские органы власти пытались вести пропаганду на оккупированной территории Северного Кавказа, однако сталкивались с существенными трудностями. Основной идеей нацистской пропаганды стало создание иллюзии «союзнчества» кавказских народов и рейха (с. 233). Для этого оккупанты пытались проводить лояльную религиозную политику и демонстрировать уважение к местным обычаям, а идеологической основой нацистской пропаганды была русофобия. Однако после освобождения Северного Кавказа от оккупации антисоветский настрой был выявлен у значительной части населения. Советские органы власти объявили призыв добровольцев, а жители региона оказывали материальную помощь фронту. Автор отмечает и трагическую сторону советской политики на Северном Кавказе – депортации карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев в 1943–1944 гг. Эти народы подверглись депортации по надуманным причинам и лишились своей родины до второй половины 1950-х гг., когда были воссозданы Чечено-Ингушская АССР, Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская АО (с. 240).

В центре внимания В.В. Коровина находятся проблемы организации партизанского движения на территории российского Центрального Черноземья. Автор приходит к выводу о том, что наиболее подходящими для боевой деятельности добровольческих формирований стали северо-западные и юго-восточные районы Черноземья, в которых расположены крупные лесные массивы (с. 249). Препятствием для деятельности партизан был жестокий характер оккупационной политики нацистов, включавший запугивание и массовые казни жителей региона. В то же время эта жестокость вызывала у населения ненависть к оккупационному режиму и активизировала вступление местных жителей в ряды народных мстителей (с. 250). Действия партизанских формирований в Чер-

ноземье нанесли значительный урон живой силе и материально-техническому обеспечению противника (с. 256).

К.А. Енсенов изучает участие казахстанцев в партизанском движении. Несмотря на то что территория Казахской ССР не находилась под оккупацией, сотни уроженцев республики вошли в состав добровольческих формирований и участвовали в боевых действиях на оккупированных нацистами территориях. В статье К.А. Енсенова приведены выдержки из документов (личные дела, наградные листы), свидетельствующие об участии жителей Казахской ССР в партизанских отрядах. Автор приходит к выводу о том, что важными проблемами остаются составление полного списка уроженцев Казахстана, сражавшихся в партизанских отрядах, а также установление точного количества награжденных (с. 267).

К проблеме участия казахстанцев в движении Сопротивления в странах Европы обращается Г.М. Мендикулова. В своем исследовании она использует материалы из зарубежных и личных архивов, многие из которых стали доступны в последние годы. На основании этих материалов исследовательница приходит к выводу о том, что европейская география участия казахстанцев в борьбе против фашизма очень широка: это территории Франции, Бельгии, Италии, Польши, Чехословакии, Югославии, Греции и Болгарии. В своей работе Г.М. Мендикулова приводит таблицу с указанием личных данных участников движения Сопротивления в европейских странах (с. 272).

И.А. Альтман исследует трагедию Холокоста на оккупированной советской территории. На первом этапе Великой Отечественной войны свыше 80% еврейского населения СССР оказались под нацистской оккупацией, на захваченных территориях нацистами было создано свыше тысячи гетто и мест принудительного содержания евреев (с. 290). По мнению автора, политика нацистов в отношении советских евреев была во многих отношениях беспрецедентной, поскольку предусматривала их полное уничтожение (с. 295). Антисемитская пропаганда, проводимая нацистами, стала одной из причин массового участия жителей оккупированных территорий в Холокосте. Однако были и обратные примеры – тысячи граждан СССР, несмотря на смертельную опасность, спасали евреев и впоследствии получили звание «Праведники народов мира». Акцентируя значимость сохранения памяти о жертвах Холокоста, И.А. Альтман отмечает, что в современной России уже многое сделано для реализации этой непростой задачи. В частности, еще в 1992 г. был создан специализированный Научно-просветительный центр (с. 302).

Четвертая глава «Эвакуация» объединяет статьи, посвященные процессу эвакуации людей и предприятий из западной части СССР в центральноазиатские республики и Татарскую АССР. Основными сюжетами главы являются особенности бытовой жизни и деятельности эвакуированных детей, научных работников, представителей художественной интеллигенции, высококвалифицированных специалистов.

Работа И.Н. Ильиной посвящена эвакуации учреждений Академии наук (АН) СССР. Наиболее крупными и значимыми центрами эвакуации стали столицы среднеазиатских республик – Ташкент, Алма-Ата и Фрунзе (ныне – Бишкек). Большую известность также получил курорт «Боровое» на севере Казахской ССР, куда эвакуировали многих выдающихся советских ученых (с. 304–305). Приводя выдержки из писем сотрудников АН СССР, в которых они делятся впечатлениями от жизни в новых условиях, а также о контактах с местными жителями и республиканскими учеными, исследовательница констатирует, что АН СССР

...многократно выражала признательность населению союзных республик за приют и человеческое участие в судьбе ученых в тяжелый военный период (с. 314).

Э.Ф. Шафранская рассматривает применение термина «ташкентский фронт», который появился в годы войны и активно использовался в послевоенное время. Этот термин имел негативную коннотацию и применялся в отношении людей, находившихся в эвакуации и не принимавших участия в боевых действиях (с. 316). Однако, по мнению автора, глубинный смысл этого термина гораздо шире. О его неоднозначности может свидетельствовать, например, повесть «Двадцать дней без войны», автор которой К.М. Симонов подробно описывает чувства героя, эвакуированного в Ташкент и находящегося вдали от событий, разворачивавшихся на фронте.

А.А. Волков и М.С. Тухтаева исследуют быт и творчество художников, эвакуированных во время войны в Узбекскую ССР (центрами эвакуации здесь стали Ташкент и Самарканд). В своей статье авторы приводят воспоминания и письма народного художника СССР академика И.Э. Грабаря и одного из основоположников художественной школы Узбекистана А.Н. Волкова. Источники свидетельствуют о том, что художники жили в тяжелых условиях и регулярно сталкивались с бытовыми проблемами и нехваткой продовольствия. Выживать им помогал Художественный фонд, образованный в 1940 г. (с. 330). В годы войны художники были активно

задействованы в культурной жизни. Важной частью их творчества в тот период было создание антифашистских плакатов и агитационных листовок (с. 334). По мнению авторов, в ходе совместной творческой работы художников

...усилилось взаимообогащение культур народов Союза, повысился творческий уровень художественных коллективов (с. 338).

Объектом интереса И.И. Ханиповой является опыт эвакуации в Татарскую АССР. Значительную часть эвакуированных составляли дети, 70% из которых не достигли 12-летнего возраста. По воспоминаниям очевидцев, местные жители встречали эвакуированных очень радушно, помогали одеждой и продуктами, хотя сами испытывали нужду в течение многих лет (с. 340). Большая часть эвакуированных детских учреждений находилась в неудовлетворительном состоянии – не хватало одежды, обуви, необходимого оборудования. Автору удалось установить, что многие жители Татарской АССР усыновляли или брали под опеку детей, лишившихся в ходе войны родителей (с. 344). В своей статье И.И. Ханипова приводит воспоминания детей, которые находились в эвакуации в Татарской АССР, отмечая при этом, что память о тех событиях сохраняется у жителей республики до сих пор.

К.А. Енсенов исследует деятельность промышленных предприятий, эвакуированных в Казахскую ССР. В начале войны в города Казахстана были переведены многие предприятия из Москвы, Ленинграда, городов Черноземья, Украинской, Белорусской и Молдавской ССР. Размещались они в основном в Алма-Ате, Уральске, Петропавловске, Чимкенте, Семипалатинске, Караганде и Актюбинске (с. 357). Эвакуированные высококвалифицированные специалисты активно привлекались к работе в научно-исследовательских учреждениях республики. Автор подчеркивает, что предприятия, перебазированные из западной части СССР, способствовали росту и развитию производства в Казахской ССР (с. 359).

В пятую главу «Тыл» входят статьи, посвященные широкому кругу вопросов. Это и формирование медицинской и транспортной инфраструктуры, и трагедия блокадного Ленинграда, и социальная повседневность военного времени, и благотворительная помощь фронту от жителей советских республик, и особенности взаимодействия руководства СССР с религиозными организациями, и вклад деятелей культуры и искусства в Великую Победу.

Блокаде Ленинграда, подвигу и трагедии города посвящена работа И.А. Карпенко. Автор отмечает, что в начале войны важной задачей для властей стали эвакуация детей, промышленных предпри-

ятий и учреждений культуры, в том числе музеев. Блокада города началась 8 сентября 1941 г. К этому времени в городе оставалось почти 2,5 млн жителей (с. 365). Самым страшным испытанием во времена блокады был голод – начиная с ноября 1941 г. в Ленинграде ежедневно умирали тысячи людей. Спасением для сотен тысяч ленинградцев стала ледовая переправа через Ладожское озеро, известная как «Дорога жизни» (с. 367–368). При этом в течение долгого времени граждане СССР, не видевшие блокаду, не имели представления о повседневной жизни ленинградцев в годы войны и об ужасах, которые пережил город. Переломным моментом стало издание «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. В этой книге зазвучали голоса людей, которые говорили не то, что предписывала официальная историография, а то, что они помнили про войну (с. 360).

С.И. Линец анализирует формирование и развитие госпитальной базы Северного Кавказа в годы войны. Формирование эвакогоспиталей наиболее активно проходило в Сочи, Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках и Железноводске. Согласно данным автора, создание госпитальной базы на Северном Кавказе было связано с необходимостью проведения широких подготовительных ремонтно-строительных работ (с. 374). В 1942 г. оккупационные войска стали занимать территорию Северного Кавказа, что привело к необходимости эвакуировать лечебные учреждения еще дальше от линии фронта. На оккупированной территории нацисты разрушали объекты городской инфраструктуры, включая санаторно-курортные учреждения. Учитывая большое количество раненых, особое значение приобрело донорское движение, которое развернулось среди населения Северного Кавказа. После освобождения региона от нацистов и окончания войны госпитали продолжали осуществлять лечение раненых и больных воинов (с. 386).

М.Я. Мирзабеков рассматривает историю функционирования транспортного комплекса Дагестана в годы войны и приходит к выводу о том, что железнодорожные и автомобильные дороги и Махачкалинский морской порт имели исключительно важное значение для обеспечения связи Закавказья и Средней Азии с крупнейшими промышленными центрами СССР (с. 388). Также в кратчайшие сроки была построена железнодорожная ветка Кизляр – Астрахань. Через территорию Дагестана регулярно проходили эшелоны с эвакуированными людьми, а также грузовые вагоны. Особое внимание уделялось перемещению составов с нефтепродуктами. Бакинская нефть также поставлялась в республику через Махачкалинский порт. Резюмируя, М.Я. Мирзабеков отмечает, что, несмотря на значительные трудности, работники транспорта

Дагестана внесли весомый вклад в обеспечение фронта вооружением и продовольствием (с. 400).

Статья Л.И. Сумарокова основывается на материалах, связанных с историей Киргизского пограничного округа в годы войны. Пограничные части, входившие в состав округа, осуществляли охрану границ с Китаем и Афганистаном. Помимо этого, летом 1941 г. пограничники из Киргизии были направлены на фронт. Автор отмечает, что киргизские пограничники принимали участие во всех сражениях Великой Отечественной войны, многие из них были награждены орденами и медалями за проявленное мужество (с. 405).

К социальной повседневности военного времени обращается М.Ш. Калиева, исследующая ее на примере Казахской ССР. Автор приходит к выводу о том, что во время войны появились новые социальные группы, которым было необходимо адаптироваться к новым условиям. В первую очередь это эвакуированное население и инвалиды войны. Важной задачей для руководства республики стало обустройство их быта и включение в жизнь общества. В качестве одной из характерных практик социальной повседневности М.Ш. Калиева отмечает введение нормированной карточной системы снабжения продовольствием (с. 419). Целью этой системы было поддержание минимального уровня жизнеобеспечения человека. Также М.Ш. Калиева обращает внимание на то, что бесперебойное функционирование заводов и учреждений в республике было напрямую связано с принятием неотложных мер и решений в социальной сфере (с. 421).

А.Ж. Габдуллина исследует вклад деятелей культуры и искусства Казахстана в победу над фашизмом. Констатируя, что в ряды Красной армии были призваны многие деятели культуры и искусства из Казахстана, которые героически сражались на фронтах войны, автор напоминает о том, что, в свою очередь, на территорию Казахской ССР были эвакуированы многие учреждения культуры из центральных районов Советского Союза, включая ведущие музеи, театры и киностудии. Продолжая работать в тылу, композиторы, писатели и художники своим искусством воодушевляли бойцов на фронте (с. 427).

С. Атанова подробно описывает помощь фронту, которую оказывала Туркменская ССР. Жители республики передавали в созданный Фонд обороны свои денежные средства, драгоценности и продовольствие, которые шли, в том числе, на производство боевой техники. Значительную долю составляли женские серебряные украшения, которые хранились в каждой семье и передавались по наследству из поколения в поколение (с. 430). Туркменские женщины также ткали и вязали теплую одежду для солдат

Красной армии, среди которых были сотни тысяч выходцев из Туркменской ССР.

Ю.С. Флыгин и Е.Е. Озмитель анализируют особенности религиозно-патриотической деятельности Русской православной церкви в Средней Азии и Казахстане в годы войны. К началу 1940-х гг. религиозная организация на большей части СССР была фактически уничтожена, что стало следствием репрессивной политики воинствующего атеизма. Однако нападение нацистской Германии всколыхнуло не только патриотические, но и религиозные чувства многих жителей СССР. В первый же день войны к православным обратился глава канонической церкви митрополит Сергей (Старгородский), призвав православный народ к защите Отечества (с. 438). Руководство СССР не стало препятствовать церковной деятельности, а антирелигиозная кампания пошла на убыль (с. 439). Одной из важнейших составляющих патриотической деятельности верующих стала благотворительность: общая сумма денежных средств, собранных верующими в годы войны, превысила 300 млн руб. (с. 439). В республиках Центральной Азии постепенно восстанавливалась церковная структура и открывались новые приходы. Впрочем, сразу же после окончания войны социальную активность верующих стали ограничивать, а начало 1950-х гг. ознаменовалось новой волной гонений на церковь со стороны руководства СССР (с. 447).

В.А. Ахмадуллин исследует патриотическую активность советских мусульман в годы войны. В первую пятницу после нападения нацистской Германии мусульмане организовали коллективные молитвы в крупных городах среднеазиатских республик. Отношение руководства СССР к патриотическому подъему советских мусульман было схожим с отношением к православной церкви: на время религиозные структуры были фактически легализованы. В 1943 г. было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, а в 1944 г. состоялись съезды Духовного управления мусульман Закавказья и Духовного управления мусульман Северного Кавказа (с. 451–452). По мнению автора, Великая Отечественная война стала решающим фактором для пересмотра отношений между руководством СССР и советскими мусульманами.

В шестую главу «Освобождение и восстановление» входят статьи, посвященные восстановлению городов, пострадавших во время войны, возрождению советской экономики, возвращению музейных ценностей, похищенных во время оккупации, и проблемам, связанным с репатриацией военнопленных.

Н.Д. Борщик исследует освобождение Ялты в 1944 г. и описывает последствия оккупационного режима, подчеркивая, что после

освобождения Ялта была достаточно быстро восстановлена в качестве курорта всесоюзного масштаба. Тем не менее тяжелые последствия оккупации давали о себе знать: недоставало продовольствия, многие здания оказались разрушены. Также следует учитывать, что за годы войны Ялта потеряла более 70% населения – значительная часть жителей эвакуировалась, однако многие люди умерли от голода, болезней или были замучены в гестапо (с. 459).

Статья И.В. Никитиной посвящена восстановлению еще одного крымского города – Севастополя. К моменту освобождения большая часть города была разрушена. Севастополь получил право первоочередного восстановления, что было обусловлено как героизмом, проявленным жителями города, так и его стратегическим статусом. Автор выделяет два этапа восстановления города. Первый этап длился с 1944 по 1948 г. – в эти годы были восстановлены ключевые объекты инфраструктуры и возобновлена работа промышленных предприятий. Начиная с 1948 г. в Севастополе реализовывался Генеральный план восстановления города. Основные восстановительные работы в Севастополе были завершены к 1954 г. (с. 464–465). За это время в городе были построены жилые дома, дороги, увеличены мощности электростанций, появились необходимые социальные объекты.

М.В. Кирпичникова обращается к послевоенной истории Гатчинского дворца-музея и парка. В годы войны часть реликвий была вывезена из города, однако многие ценности приходилось прятать в специальных хранилищах или тщательно маскировать. Многие из сотрудников музея большую часть блокады Ленинграда провели в подвалах Исаакиевского собора, сохраняя в тяжелейших условиях музейные реликвии (с. 481). Гатчинский дворец в годы войны был занят нацистами, которые устроили там общежитие, а оставшиеся экспонаты вывезли в Германию. Гатчина была освобождена в январе 1944 г., однако перед отступлением оккупанты заминировали и подожгли дворец, а также осквернили памятники и статуи в парке. После войны начался длительный процесс возвращения экспонатов в дворцово-парковый ансамбль. Важной отправной точкой для возвращения культурных ценностей стало принятие ряда международных документов (с. 481). Многие экспонаты вернулись в Гатчину уже после распада СССР, а последний значительный возврат экспонатов состоялся в 2018 г. (с. 494).

С.В. Аристов фокусируется на истории освобождения узников нацистских концлагерей войсками Красной армии. В его статье приводятся сведения о том, что концлагеря, находящиеся на оккупированных территориях СССР, к моменту освобождения были практически пустыми, поскольку при отступлении нацисты либо

уничтожали узников, либо отправляли их в Германию (с. 496). Продвигаясь на запад, советские солдаты освободили заключенных крупнейших концлагерей, находившихся на территории оккупированной Польши, – Майданека и Аушвица. Воспоминания солдат, участвовавших в освобождении, стали важным свидетельством о страшных преступлениях нацистского режима.

Ю.В. Кононов исследует систему фильтрации военнопленных и угнанных на принудительные работы в Германию, действовавшую в 1945–1946 гг. На каждого из этих людей заводилось фильтрационное дело, проводились допросы, и осуществлялась проверка личных данных. По итогам анализа рассекреченных документов автор делает вывод о том, что часть уголовных дел в отношении военнопленных была сфальсифицирована (с. 511). К арестованным применялись меры физического воздействия, использовались лжесвидетели. По мнению автора, эти факты были следствием сложившейся в органах госбезопасности практики улучшения показателей своей работы за счет сфальсифицированных уголовных дел (с. 511).

Проблему проведения государственной фильтрации советских военнопленных подробно рассматривает и В.С. Христофоров, который отмечает, что судьбы сотен тысяч военнопленных и лиц, пропавших без вести, по-прежнему не установлены. Это, по мнению автора, означает, что важной задачей остается открытие российских и зарубежных архивов и предоставление доступа исследователям ко всему комплексу источников, касающихся проблемы плена (с. 525). В своем исследовании В.С. Христофоров обращает особое внимание и на нарушения прав бывших военнопленных в ходе проведения государственной проверки. Он указывает, что восстановление прав советских граждан, оказавшихся во время войны на вражеской территории, произошло лишь после принятия соответствующего указа президента России в 1995 г. (с. 525).

А.А. Будко, Н.Ю. Бринюк и Г.А. Грибовская обращаются к проблеме медицинского обслуживания граждан, освобожденных из плена, в том числе – к такой малоизученной проблеме, как процесс и условия перевозки людей, возвращаемых в СССР. На территории дислокации советских войск были созданы специальные лагеря, куда отправлялись все освобожденные. Сначала люди проходили медосмотр, затем в течение 14 дней находились в основной части лагеря, а в случае выявления инфекционных заболеваний отправлялись в карантинное отделение (в статье приводится подробная статистика заболеваний, выявленных у освобожденных). По данным авторов, медицинское обслуживание освобожденных советских граждан осуществлялось в условиях неблагополучной эпи-

демологической обстановки, поэтому важнейшей задачей было создание строгой системы организации санитарно-гигиенических мероприятий в пунктах сбора бывших военнопленных и по пути их дальнейшего следования (с. 539).

Процесс восстановления разрушенной экономики СССР после окончания войны рассматривается в статье Е.И. Пивовара, М.Ю. Мухина и О.В. Солоповой. В ней указывается, что, несмотря на тяжелейшие последствия войны, включавшие колоссальные человеческие потери, материальные и продовольственные трудности, благодаря самоотверженности советских граждан в рекордно короткие сроки были заново отстроены сотни городов, восстановлены заводы, дороги, мосты и другие объекты инфраструктуры. При этом восстановление некоторых областей, в частности сельского хозяйства, шло тяжело. Особое значение имел вопрос форсированного восстановления разрушенной экономики западных земель СССР, находившихся в годы войны под нацистской оккупацией. Еще одной важной задачей была социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями и использование их труда на производстве (с. 546). Авторы отмечают, что наряду с быстрыми темпами восстановления экономики послевоенные годы ознаменовались новыми репрессиями против представителей науки и интеллигенции, а также проводилась кампания против космополитизма, носившая антисемитский характер (с. 555). Не следует, по их мнению, забывать и о том, что строительство и функционирование крупных военно-промышленных объектов в послевоенные годы стало возможным, в том числе, благодаря принудительному труду узников ГУЛАГа.

В седьмую главу «Историческая память о войне» вошли статьи, посвященные особенностям исторической памяти жителей различных регионов России и Казахстана о событиях Великой Отечественной войны.

К.С. Дроздов и В.В. Тихонов исследуют особенности исторической памяти народов России и Казахстана о подвиге панфиловцев. Приводя примеры увековечивания памяти о панфиловцах в городах России и Казахстана, упоминая, в том числе, мемориал «Героям-панфиловцам», который был создан в 1975 г. в Московской области, авторы приходят к выводу о том, что память о событиях октября–декабря 1941 г. и о героизме панфиловцев сложилась во многом благодаря четырем повестям А.А. Бека (с. 571–572). В статье также приводятся воспоминания бойцов 316-й стрелковой дивизии об Иване Панфилове и Бауыржане Момышулы.

Н.С. Лапин анализирует представления современных казахстанцев о ВОВ и приходит к выводу о том, что празднование Дня

Победы объединяет всех жителей Казахстана, независимо от их национальной принадлежности. Это подтверждается, в том числе, данными социологических опросов, которые свидетельствуют о том, что жители Казахстана выделяют Великую Победу в качестве одного из важнейших для страны исторических событий, наряду с получением Казахстаном независимости в 1991 г. (с. 593).

Н.П. Космарская исследует коммеморацию ВОВ в современном Казахстане на примере студенческой молодежи. Используя материалы исследования 2016–2017 гг., в ходе которого были записаны подробные интервью с казахстанскими студентами, Н.П. Космарская обнаруживает, что многие студенты считают День Победы праздником, по-прежнему объединяющим жителей всех государств, входивших в годы войны в состав СССР. Значимым фактором остается и обращение к семейной истории, поскольку у многих молодых людей предки в годы войны принимали участие в боевых действиях. По данным автора, многие студенты стремятся осмыслить войну с точки зрения цены, которой была оплачена победа над нацизмом, и подчеркивают необходимость во время праздника в первую очередь сконцентрироваться на материальной помощи ветеранам (с. 603).

Особенности исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере жителей Татарстана исследует И.И. Ханипова. В данном случае основным источником являются материалы устной истории (воспоминания добровольцев, ушедших на фронт, узников концлагерей, тружеников тыла) – уникальный источник и важная составная часть духовного наследия России (с. 616). По мнению автора, воспоминания очевидцев свидетельствуют о сочувственном отношении жителей Татарстана к людям, прибывавшим на территорию республики в эвакуацию.

К воспоминаниям о событиях Великой Отечественной войны женщин Дагестана, участвовавших в боевых действиях и трудившихся в тылу, обращаются в своем исследовании Г.Ш. Каймаразов и Л.Г. Каймаразова. Авторы особо выделяют воспоминания женщин-врачей, в которых подробно описываются особенности работы медико-санитарных батальонов, отражающие наряду с героическими моментами и тяжелую военную повседневность, и трагизм военных будней (с. 630).

Р.Е. Жигун анализирует проблему репрезентации Холокоста в советском кинематографе. Он справедливо отмечает, что кинематограф как один из самых массовых и зрелищных видов искусства обладает способностью оказывать существенное влияние на представления людей о событиях прошлого (с. 633). Первые художественные фильмы, посвященные трагической судьбе немецких

евреев, появились в СССР в конце 1930-х гг. Работа над этими картинами велась в условиях предвоенной конфронтации Советского Союза и Германии, которая усилилась после начала Гражданской войны в Испании в 1936 г. Во время войны также снимались фильмы, затрагивающие трагедию Холокоста. Однако после развертывания «борьбы с космополитизмом» в 1948 г. любые упоминания евреев как жертв нацизма оказались фактически под запретом (с. 643). В период оттепели еврейская тема снова стала появляться в картинах, однако глубокое осмысление трагедии Холокоста на экране последовало уже в годы перестройки.

В качестве примера памяти о войне А.С. Новиков изучает проект «Стена памяти», реализуемый Калининградским областным историко-художественным музеем. Суть проекта заключается в том, что каждый человек может передать фотографию своего родственника-участника Великой Отечественной войны. Таким образом, посетители музея сами создают его новую экспозицию. В статье А.С. Новикова описываются судьбы людей, увековеченных в экспозиции, акцентирована специфика ведения боевых действий на территории Восточной Пруссии. Автор приходит к выводу о том, что главным механизмом сохранения памяти о войне является устная память, которая передается в семье из поколения в поколение (с. 649).

В исследовании Л.С. Холтобиной анализируется сохранение памяти о детях – участниках ВОВ. Обращаясь к опыту военно-исторического музея «Юные защитники родины», который работает в Курске уже более 50 лет и является центром по сохранению и научному исследованию историко-культурного наследия детей и подростков военной поры (с. 652), автор приходит к заключению о том, что дети внесли важный вклад в победу над нацизмом как в качестве участников боевых действий, так и трудясь в тылу.

О.С. Мишкина изучает опыт работы музея «Битва за оружие Великой Победы», который входит в состав музея-заповедника «Прохоровское поле». Музей «Битва за оружие Великой Победы» был открыт в 2020 г., а его экспозиция посвящена подвигу людей, которые в годы войны в тяжелейших условиях трудились на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях (с. 661). Большую помощь музею в сборе экспонатов оказали промышленные предприятия, расположенные в различных регионах России. Главным экспонатом стали истории и воспоминания людей, жизнь которых разделилась на периоды до и после войны.

Е.А. Косован и Е.И. Пивовар исследуют вопрос монументальной коммеморации подвига воинов-казахстанцев в годы войны на территории Российской Федерации. Согласно авторской трактовке, «монументальная коммеморация» представляет собой сохра-

нение, поддержание и трансляцию памяти о событиях и персонах в виде архитектурных или скульптурных памятников (с. 664). Авторы установили, что инициаторами установки монументов воинской славы могут быть не только государственные структуры, но и общественные объединения. В частности, большую роль в создании многих памятников сыграли поисковые движения – как российские, так и казахстанские. В своем исследовании авторы особое внимание уделяют архитектурным памятникам в рамках пяти мемориальных объектов: «Синявинские высоты» (Ленинградская область), «Героям Сталинградской битвы» (г. Волгоград), Ржевский мемориальный комплекс (г. Ржев, Тверская область), Монаковский мемориальный комплекс (Псковская область) и мемориал «Роща пятисот» (г. Кингисепп, Ленинградская область). Анализ структуры этих объектов показывает, что память о погибших казахстанцах чаще всего увековечивается в форме мемориальных плит или мемориальных стен, встроенных в пространство существующих мемориальных комплексов. Авторы приходят к заключению о том, что работа поисковых отрядов в странах постсоветского пространства крайне важна для сохранения памяти о войне. Задачи предания земле погибших на войне, а также увековечивания их имен и памяти об их подвигах объединяют жителей стран постсоветского пространства, в том числе России и Казахстана.

Мы можем констатировать, что издание коллективной монографии «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти» стало важным событием для исторического сообщества России, Казахстана и других стран, входивших в годы войны в состав СССР. Отличительной характеристикой книги является детальное и объективное изучение как трагических, так и героических событий, повлиявших на ход войны. Статьи, вошедшие в монографию, посвящены различным темам, события рассматриваются с различных ракурсов, однако их объединяет важная особенность: в качестве главного объекта исследования авторы рассматривают конкретных людей, их чувства и переживания, трагические обстоятельства и героические поступки.

Новизну исследования определяет использование различных источников: авторы обращаются к архивам, рассекреченным после распада СССР, а также к источникам личного происхождения – письмам, дневникам, фотографиям. Авторы рассматривают и сложные вопросы, которые в течение долгого времени были недостаточно изучены: коллаборационизм, трагедия Холокоста, трагические судьбы советских военнопленных, религиозная политика в годы войны.

Важным аспектом, на который обращают внимание авторы, является сохранения памяти не только о героизме солдат, про-

явленном в ходе боевых действий, но и о подвиге медицинских работников, спасавших жизни бойцов в тяжелейших условиях, о самоотверженном труде советских граждан в тылу, о благородстве жителей советских республик, принимавших эвакуированных с оккупированных территорий и помогавших им.

Само название коллективной монографии – «Несломленный народ» – подчеркивает, что Победа над нацизмом была достигнута благодаря усилиям всех жителей Советского Союза, каждый из которых внес свой вклад в общее дело. Статьи, входящие в сборник, свидетельствуют о том, что Великая Отечественная война занимает особое место в памяти жителей стран постсоветского пространства, поскольку трагедия войны коснулась каждой семьи. Коллективная монография «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти» обращена к широкому кругу читателей, которые хотят расширить свое представление о событиях периода 1941–1945 гг. Очевидна и научная значимость монографии: ее материалы могут быть использованы при подготовке курсов по отечественной истории для студентов гуманитарных вузов. Коллективная монография «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти» представляет собой пример успешного взаимодействия исследователей из государств постсоветского пространства, в частности России и Казахстана. Учитывая особое место Великой Отечественной войны в исторической памяти народов, проживающих на постсоветском пространстве, представляется перспективным продолжение научного сотрудничества и создание новых коллективных трудов, в которых будут развиваться темы, представленные в рассматриваемом нами сборнике.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «30 лет СНГ: трансформационные процессы на постсоветском пространстве в глобальном и региональном измерении» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The work was supported by the Russian State University for the Humanities project “30th Anniversary of the CIS. Global and Regional Dimension of the Transformation Processes in the Post-Soviet Space” (“RSUH Project Research Teams” Award).

Литература

Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти: Коллектив. моногр. / Отв. ред. М.А. Липкин, Б.Г. Аяган. М.: Весь мир, 2021. 704 с.

References

Lipkin, M.A. and Ayagan, B.G. (eds.) (2021), *Neslomlennyyi narod. Ot obshchei pobedy k obshchei istoricheskoi pamyati* [Unbowed people. From the common victory to the common historical memory. Collective monograph], Ves' Mir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вадим М. Шнейдер, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadiksh92@gmail.com

Инна С. Кондрашова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; habaro4i@inbox.ru

Information about the author

Vadim M. Shneider, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vadiksh92@gmail.com

Inna S. Kondrashova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; habaro4i@inbox.ru

УДК 32(4/5)

DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-148-152

Об экспертно-образовательном проекте «Точки роста»

Александр В. Гуцин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, aguschin78@mail.ru*

Аннотация. Настоящий обзор посвящен участию доцента Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ А.В. Гуцина в проекте «Точки роста». В ходе мероприятий «Точек роста» А.В. Гуцин выступил с лекциями, презентациями, принял участие в ситуационном анализе. Проект, который является экспертно-образовательной платформой евразийской интеграции, посвящен профильному для Института постсоветских и межрегиональных исследований направлению деятельности – изучению и прогнозированию международных, социально-политических, экономических и культурных процессов в постсоветской Евразии. Программа форумных площадок предусматривает встречи в формате «Диалог на равных» с ведущими российскими и иностранными экспертами в области международных отношений, политологии и геоэкономики, дипломатов, представителей органов власти и бизнеса. Целевой аудиторией проекта являются лидеры молодежных организаций, молодые представители политических партий, эксперты в области международных отношений и внешней политики России, студенты, интересующиеся международными отношениями и евразийской проблематикой. Проект реализуется автономной некоммерческой организацией «Институт Русского зарубежья» совместно с партнерскими организациями при поддержке гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. В настоящем обзоре содержится информация о ключевых мероприятиях проекта, состоявшихся в 2021 г. в Пскове, Минске и Коломне.

Ключевые слова: евразийская интеграция, «Точки роста», Институт Русского зарубежья, постсоветское пространство, Евразия

Для цитирования: Гуцин А.В. Об экспертно-образовательном проекте «Точки роста» // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 148–152. DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-148-152

© Гуцин А.В., 2021

About the expert and educative project “Points of growth”

Aleksandr V. Gushchin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, aguschin78@mail.ru

Abstract. The present review is concerned with the participation of an associate professor of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of RSUH in the project “Points of growth”. During the project activities, A.V. Gushchin gave lectures, presentations, took part in a situational analysis. The project “Points of growth”, which is an expert and educational platform for Eurasian integration, is dedicated to the core area of activity for Institute – the study and forecasting of international, socio-political, economic and cultural processes in post-Soviet Eurasia. The program of the forum platforms provides for meetings in the format of “Dialogue on equal terms” with the leading Russian and foreign experts in the field of international relations, political science and geo-economics, the diplomats, the representatives of government and business. The target audience of the project are the leaders of youth organizations, young representatives of political parties and experts in the field of international relations and Russian foreign policy, students interested in international relations and Eurasian issues. It is implemented by the Institute of Russian Abroad in cooperation with the partner organizations using a grant from the President of the Russian Federation provided by the Presidential Grants Fund. The present review contains information about the key activities of the project that took place in Pskov, Minsk and Kolomna in 2021.

Keywords: Eurasian integration, “Points of growth”, Institute of Russian Abroad, post-Soviet space, Eurasia

For citation: Gushchin, A.V. (2021), “About the expert and educative project ‘Points of growth’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 148-152, DOI: 10.28995/2686-7648-2021-4-148-152

Международный экспертно-образовательный проект в области публичной дипломатии «Точки роста», созданный Институтом русского зарубежья, представляет собой площадку, на которой ведущие специалисты – историки, экономисты, политологи, социологи из России и постсоветских государств – обсуждают проблемы и перспективы евразийской интеграции, международные процессы на постсоветском пространстве, участвуют в ситуационных анализах и представляют прогнозы и сценарии по изучаемой проблематике.

В рамках образовательной компоненты «Точек роста» эксперты выступают с лекциями перед студентами вузов из разных городов

России и стран постсоветского пространства. В ходе этих лекций демонстрируются преимущества Евразийского экономического союза, а также Союзного государства России и Беларуси, проводятся игры, мозговые штурмы, сценарные анализы.

26–29 апреля 2021 г. в Пскове при поддержке Псковской городской думы и Псковского государственного университета состоялся Международный форум «Евразия: “Точки роста” и вызовы будущего – повестка 2030» (далее – форум), нацеленный в первую очередь на формирование позитивного образа евразийской интеграции.

В программе форума, гармонично сочетающей очный и дистанционный формат, были представлены выступления и лекции, а также прогностические сценарные анализы известных экспертов – Б.В. Межуева, Д.Г. Евстафьева, Ф.А. Гайды, А.В. Дзерманта и других. Кроме того, члены проекта участвовали в мастер-классах, политических и экономических играх, в большой форсайт-сессии. Историко-образовательная программа включала знакомство с псковскими святынями, а также ряд поездок – например, в Изборск и Псково-Печерский монастырь.

Перед участниками форума выступил сенатор, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам В.М. Джабаров, который отметил, что реализация «Точек роста» – яркий пример партнерства между гражданскими интеграционными евразийскими инициативами и российским государством. «Сюда, в древний Псков, – отметил Владимир Джабаров, – приехала команда профессиональных экспертов и заинтересованных молодых людей, дискуссия позволит обсудить будущее евразийской интеграции и выработать новые предложения по ее углублению»¹.

Участники форума с интересом прослушали лекции Д.Г. Евстафьева «Евразия 2030: Вызовы сегодня для результата послезавтра», Б.В. Межуева «Метафора “Евразийской Атлантиды” в прошлом, настоящем и будущем», Ф.А. Гайды «Евразийский союз: история, опрокинутая в будущее» и А.В. Дзерманта «Каким должно быть евразийство в XXI веке?».

Выступая перед участниками проекта, А.В. Гуцин подробно осветил проблемы институционального развития постсоветских государств и конфликтов на постсоветском пространстве, а также перспективы и модели урегулирования последних. Кроме того, в

---

¹ «Точки роста – Псков»: приветствие сенатора Владимира Джабарова [Электронный ресурс] // YouTube. Институт Русского зарубежья. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DIwNePpakOw> (дата обращения 23 августа 2021).

своей лекции он оценил факторы внешнего, внерегионального влияния на постсоветское пространство, уделив особое внимание глобальным акторам².

В первый день работы форума А.В. Гуцин также принял участие в экспертной дискуссии, которая была посвящена проблемам пространственных и социальных трансформаций евразийского пространства, месту и роли Евразии как ключевого региона современных международных отношений, путям укрепления потенциала России на евразийском пространстве.

Наконец, А.В. Гуцин ознакомил участников форума с научной и экспертной литературой, подготовленной специалистами Института постсоветских и межрегиональных исследований (ИПиМИ) РГГУ. В частности, им были презентованы и обсуждены работы директора ИПиМИ РГГУ, члена-корреспондента РАН, профессора Е.И. Пивовара, коллективные труды ИПиМИ, представлены номера журнала «Вестник РГГУ. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения».

27–29 июля в столице Беларуси г. Минске состоялся Международный форум «Точки роста: историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции», в котором приняли участие более 130 участников из пяти стран ЕАЭС, а также из Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Узбекистана. С приветствием к молодым участникам обратились депутат Государственной Думы России Д.А. Белик и депутат Национального собрания Республики Беларусь И.В. Довгало.

На площадке форума были организованы панельная дискуссия «Историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции», а также стратегическая игра «Евразийский Союз в 2030 году: геополитика и идентичность». Затем состоялось заседание Экспертного клуба Союзного государства, посвященное Крыму в контексте российско-белорусской интеграции³.

16–19 августа 2021 г. при грантовой поддержке Фонда Горчакова с участием ведущих экспертов проекта состоялась выездная экспертная сессия «Точки роста – Коломна», в ходе которой был осуществлен ситуационный анализ состояния и перспектив евра-

² Там же.

³ Союзное государство и Крым: к итогам заседания Экспертного клуба Союзного государства [Электронный ресурс] // Россия и соотечественники. 2021. 24 авг. URL: <https://russkie.org/articles/soyuznoe-gosudarstvo-i-krum-k-itogam-zasedaniya-ekspertnogo-kluba-soyuznogo-gosudarstva/> (дата обращения 24 августа 2021).

зийской интеграции и вовлеченности в нее молодежи стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). На основе проведенного анализа был подготовлен итоговый аналитический доклад, содержащий рекомендации по формированию траекторий развития и самореализации молодежи в рамках евразийских интеграционных инициатив. С докладом будут ознакомлены профильные государственные, научно-экспертные и общественные структуры.

На выездной экспертной сессии Институт постсоветских и межрегиональных исследований вновь представил А.В. Гуцин, который выступил с анализом проблем и перспектив евразийской интеграции и евразийских интеграционных проектов в контексте современной международной обстановки. В своем выступлении он констатировал значимость просветительской деятельности и интеграции в сфере образования и науки, обозначив также основные препятствия, с которыми приходится сталкиваться при реализации международных образовательных и научных проектов.

Проект «Точки роста» получил высокую оценку со стороны местных властей, экспертного сообщества. Его проведение широко освещалось в региональных и федеральных СМИ⁴.

Информация об авторе

Александр В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; aguschin78@mail.ru

Information about the author

Aleksandr V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; aguschin78@mail.ru

---

⁴ Международная экспертная сессия «Точки роста» прошла в Коломне [Электронный ресурс] // Коломна. Новости. 2021. 19 авг. URL: <http://in-kolomna.ru/novosti/obrazovanie/mezhdunarodnaya-ekspertnaya-sessiya-tochki-rosta-proshla-v-kolomne> (дата обращения 24 августа 2021).

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 19.11.2021.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 9,6.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1333

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.rsuh.ru